

Аркадий Шульман

500 лет
на берегах Двины
Евреи Полоцка

Витебск
Витебская областная типография
2026

УДК
ББК
Ш

Фотографии из фондов Полоцкого краеведческого музея, архива Полоцкого отделения Витебской еврейской благотворительной организации «Хасдей Давид», архива журнала «Мишпоха», а также Аркадия Шульмана.

Автор благодарит за помощь в создании книги заведующего филиалом «Краеведческий музей» Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника Ирину Водневу; координатора Полоцкого отделения Витебской еврейской благотворительной организации «Хасдей Давид» Галину Батаршину; профессора Дмитрия Широчина.

Ш Шульман А.Л. 500 лет на берегах Двины. Евреи Полоцка.
/ Аркадий Шульман. – Витебск : Витебская областная типография, 2026. – 234 с. : ил.

ISBN

Книга рассказывает об одном из древнейших городов Беларуси – Полоцке. Город всегда был многонациональным. Более 500 лет живут здесь евреи. Книга подробно рассказывает о вкладе евреев в историю города. О знаменитых евреях, родившихся здесь или в разные периоды своей биографии живших в Полоцке. В книге много фотографий, в том числе публикующихся впервые.

Рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN

УДК
ББК

© Шульман А.Л., 2026.

© Оформление. УПП «Витебская областная типография», 2026.

Материалы для книги собирались почти тридцать лет. Они оставались в блокнотах, затем в компьютере. Первоначально не было намерения писать эту книгу. Я приезжал в Полоцк как корреспондент республиканской еврейской газеты, а потом как редактор журнала «Мишпоха». Встречался и подолгу беседовал с людьми. Они рассказывали мне о довоенном Полоцке, о своих родителях — ровесниках XX века, о том, что им пришлось пережить.

Несколько лет назад Галина Батаршина, координатор Витебской благотворительной организации «Хасдей Давид» по Полоцку, передала мне папку с отрывочными записями, фотографиями, газетными статьями. Кто-то собирал архив о евреях Полоцка, кто конкретно это делал, выяснить не удалось. Когда человека не стало, папку передали в еврейскую организацию. Произошло это достаточно давно, и никто не может вспомнить, кто передал.

Какие-то главы написаны более подробно, какие-то — фрагментарно и требуют дополнения.

Книга не претендует на то, чтобы считаться историей евреев Полоцка. Скорее, это заметки разных лет на заданную тему...

От автора

Полоцк — древнейший город Беларуси, один из древнейших городов славянского мира, основан в IX веке на берегу Двины. Многогое повидал он за свою более чем тысячелетнюю историю. Входил в состав разных государств, помнит времена величия и упадка. Памятниками отмечены деяния земляков — просветителей, церковных деятелей, первопечатников, учёных Евфросинии Полоцкой, Симеона Полоцкого, Франциска Скорины.

Полоцк всегда был многонациональным городом. Здесь жили белорусы, поляки, русские, латыши, украинцы, татары, цыгане, представители других национальностей.

Более пятисот лет живут в Полоцке евреи.

«Сохранились источники, свидетельствующие о пребывании евреев в Полоцке в 1490 году, когда город входил в Полоцкое воеводство Речи Посполитой. В 1509 году сборщиком налогов в городе был еврей Авраам Езофович, в 1525 году — его брат Михель. Однако первые точные сведения о проживании евреев в Полоцке относятся к 1551 году, когда король Речи Посполитой освободил евреев города, в числе евреев других городов, от уплаты подворного налога «серебщизны».

Полоцк, Александр Розенберг. Газета «Берега», сентябрь, 2004 г.

«...Образовалось ядро будущих еврейских поселений в целом ряде мест, где евреи имели аренду мыт (комор) и откупов. Эти города и местечки впервые упоминаются в еврейских источниках: в первой четверти XVI в. — Витебск, Дрогичин, Каменец-Литовск, Мерочь, Минск, Могилёв, во второй — Бобруйск, Дрисса, Желудок, Мышь, Новогрудок, Полоцк, в третьей, до 1569 г., — Глубокое, Городец, Друя, Молчадь, Мотоль, Мстиславль, Мосты, Острино, Пружаны, Радошковичи, Шерешев.

...Сохранились описи брестской, гродненской, кобринской и пинской экономий с 1552 по 1566 г. ...Упоминаются в 1569 г. евреи и в Новогрудке, Дворце, Индуре, Слониме, Мстибогове, Витебске, Полоцке.

Э.Г. Иоффе. Минск, 1996, Страницы истории евреев Беларуси. с. 16-17.

В 1563 году, во время Ливонской войны, русскими войсками был взят город Полоцк. Его жители пожаловались русскому царю на притеснения и лихие дела евреев, бывших поверенными и арендаторами польских властей и магнатов. Иоанн Грозный приказал евреям принять крещение, а кто воспротивится его воле — утопить в реке.

«Сказание о происхождении семьи Барканов», которое мне приходилось неоднократно слышать в различных вариантах в бытность мою в городе Полоцке Витебской губернии, является, насколько я знаю, единственным сказанием об Иоанне Грозном в еврейском фольклоре.

Это отголосок разгрома еврейской общины в Полоцке при взятии города русским царём Иваном Грозным в 1563 году, во время его похода на Ливонию.

Заметный след в изучении полоцкой истории оставил педагог, краевед и Почётный гражданин города Полоцка Иван Петрович Дейнис (1900—1985).

В книге «Полацкая даўніна» он пишет:

«После торжеств в честь победы начались массовые наказания смертью, в которых принимал участие сам царь. Карали смертью на Двине напротив Верхнего замка, карали на Валовом озере. Сам царь покарал пойманного в Полоцке дезертира: бил его кием, а потом спихнул в полынью, высеченную на Двине. Карали других беглецов, а также много евреев с жёнами и детьми. Их убивали и кидали в полыньи, запикивали жердями под лёд. Спастились могли только те,

кто принимал христианство, но в документах нет известий про отпущенных, которые приняли православную веру».

Дэйніс І.П. Полацкая даўніна, Мінск, Медисонт, 2007, с. 58.

Евреям от победы Ивана Грозного «досталось» больше, чем другим жителям Полоцка. Русский царь решил «освободить» от них город. К несчастью для нашего народа, «юденфрай» — это вечная тема, в XX веке нацисты третьего рейха часто употребляли это выражение, которое в буквальном переводе означает «свободный от евреев».

Вот сюжет еврейского народного сказания: «Была лютая зима. Завоевал московский царь Иоанн Грозный Полоцк и повелел всех евреев с жёнами и детьми, всех до единого, согнать к берегу реки Двины, к месту нынешнего Алтшотда, что близ княжеского замка. Собрали всех евреев, их жён и детей, числом 300 душ, и поставили всех у реки Двины, как приказал царь. И лишь двое детей — мальчик, сын одного когена, и девочка, тоже дочь когена, во время суматохи были забыты и не приведены к берегу Двины. И приказал Иоанн Грозный поставить всех евреев на лёд реки и затем разрубить лёд. И были все потоплены, числом 300 душ. Спаслись только те двое детей, которых Иоанн Грозный затем пощадил; их приютили добрые люди. Выросли оба и сочетались браком, получив имя Бар-Коген (Баркан). Они-то и положили основание новой общине и семье Барканов».

В дополнение к сказанию о погроме в Полоцке следует упомянуть и об установившемся в связи с ним местном обычае. В память о гибели общины члены погребального полоцкого братства ежегодно постятся и совершают заупокойное богослужение на древнем кладбище, находящемся на расстоянии нескольких вёрст от города, возле урочища Салоник. Там, по преданию, похоронены всплывшие на поверхность трупы мучеников 1563 года. Согласно другому преданию, на

этом кладбище погребены раввин и раввинша, ксёндз и поп, жених и невеста. Поп — это униатский священник, который вместе с другими названными жертвами погиб при взятии Полоцка царём Алексеем Михайловичем. Местное православное население, воспользовавшись появлением в городе московских войск, отобрало тогда имущество у поляков, униатов и евреев. И устроило еврейский погром».

*И. Берлин. Сказание об Иоанне Грозном
и о разгроме еврейской общины в Полоцке.
«Еврейская старина», 1915 год.*

Следует уточнить рассказ И. Берлина: «До начала 1920-х гг. в Полоцке ежегодно в день расправы — 25 кислева — траурная процессия направлялась к холму за городом, где, по преданию, были похоронены погибшие евреи».

Исраэль (Израиль) Захарович Берлин (1868 — после 1920) — российский историк, сотрудник «Еврейской энциклопедии» и автор работ, публиковавшихся в историко-этнографическом альманахе «Еврейская старина». Специализировался на истории евреев Российской империи.

После взятия войсками Ивана Грозного Полоцка 15 февраля 1563 года царь был подчёркнуто милостив с поляками, их жёнами и детьми, а также с православными жителями, которые пользовались полной неприкосновенностью. Литовцев брали в плен, а наёмных немецких рыцарей и солдат щедро одаривали и отпускали домой. Однако с евреями всё обстояло ужасающе.

Это событие послужило сюжетом картины российского художника Исаака Аскназия (тоже уроженца Полоцкого уезда) «Потопление евреев в Полоцке при Иоанне Грозном в 1563 году».

Почвенник Андрей Дикий утверждал, что на убийства иудеев Ивана Грозного подвигли «местные жители — русские

полочане, [которые] якобы пожаловались на притеснения и лихие дела евреев». Авторитетные историки отмечали, тем не менее, что это была инициатива самого монарха. Николай Костомаров объяснил такую его жестокость тем, что «уже прежде Иоанн был предубеждён против этого народа и не терпел его». Ему вторил Дмитрий Иловайский, говоря, что Грозный был «ненавистником жидовства вообще». Между прочим, современные антисемиты подчёркивают доблесть и даже героизм царя, заявляя, что «жиды представляли к тому времени в Европе огромную тайную силу, основывавшуюся на власти денег и ритуальных убийствах».

Подробнее расскажем истории, связанные с картиной Исаака Аскназия «Потопление евреев в Полоцке при Иоанне Грозном в 1563 году».

Была ли вообще эта картина Исаака Аскназия? О ней много говорят, но никто из опубликовавших свои воспоминания её не видел.

Алексей Шмелькин в статье «Академик живописи из Витебской губернии» (<http://nasledie-rus.ru/pods...>) пишет: «Из архивных документов мне стало известно, что на посмертной выставке в 1903 году картина "Потопление евреев в Полоцке при Иоанне Грозном в 1563 году" не была представлена. В каталоге этой посмертной выставки картина не значится. Удивительно, но об этой картине И.Л. Аскназия нет упоминаний, ни в одном из источников...»

«Сейчас мало кто помнит художника Аскназия», — это утверждение из статьи внучки художника Атты Аскназий «Аскназий (Ицик) Исаак Львович», опубликованной в газете «АМИ. Народ мой» (9 января 1996 г.).

Я встречался в девяностые годы в Санкт-Петербурге с Аттой Аскназий и записывал с ней интервью, но для верности хочу сослаться на её статью. «В периферийных музеях ещё можно увидеть небольшие картины художника.

Лучшие работы многие десятилетия стоят в запасниках, ни разу после революции не экспонировались».

Действительно, XX век с пренебрежением отнёсся к творчеству Аскназия (только ли к его творчеству?). Может быть, картина, которая нас интересует, была и пылится где-нибудь в запасниках скромного музея в провинциальной глубинке?

Я решил поискать, может, об этой работе Аскназия что-то писали или хотя бы упоминали при жизни художника или после его внезапной смерти в декабре 1902 года.

Статья Давида Маггида «Исаак Львович Аскназий. Его жизнь и художественная деятельность», опубликованная в «Еврейской семейной библиотеке» за март и май 1903 года. Подробнейший разбор жизни и творчества художника, первого в России еврея-живописца, которому было присвоено звание академика.

В марте 1903 года в Императорской Академии художеств, в рамках ежегодной весенней выставки, была открыта посмертная выставка работ академика И. Аскназия, на которой было представлено свыше 200 его картин, рисунков и этюдов. Картина «Потопление евреев в Полоцке при Иоанне Грозном в 1563 году» представлена на этой выставке не была.

Давид Маггид ни разу не упоминает в своей статье картину «Потопление евреев в Полоцке при Иоанне Грозном в 1563 году», что довольно странно. Даёт подробнейший обзор исторических полотен, картин на библейские темы, жанровых картин из жизни евреев черты оседлости. А об этом полотне ни слова. Хотя сошлюсь на того же Давида Маггида: «Перечисленными в этом очерке работами не ограничивается общее количество произведений Аскназия. Здесь упомянуты только те из них, которые были где-либо выставлены или же известны из отчётов и архивных данных Академии. Сколько работ этого художника осталось

в его мастерской или продано невыставленными — нам не известно, о чём нельзя не пожалеть».

То есть остаются варианты, что картина была, но по каким-то причинам осталась неизвестной широкой публике.

В «Еврейской энциклопедии» (изд. Бронгауз-Ефронъ, С.-Петербург, с. 698) написано: «Трагическое событие (имеются ввиду утопления евреев) послужило сюжетом для картины художника И. Аскназия».

О художнике И.Л. Аскназии пишет Михаил Бейзер в книге «Евреи в Петербурге» (Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990, с. 326):

«К лучшим его картинам принадлежат "Авраам изгоняет Агарь и Исмаила", "Моисей в пустыне", "Екклесиаст", "Смерть Иуды Галеви", "Еврейская свадьба", "Канун субботы". Но наиболее известным произведением Аскназия стало полотно "Потопление евреев в Полоцке при Иоанне Грозном в 1563 году".

Сюжет основан на историческом факте. В ходе войны с Польшей русская армия захватила Полоцк, где была значительная еврейская община. На запрос воеводы, что делать с евреями, Иван Грозный приказал их всех крестить, а кто откажется — топить в реке».

Книга Михаила Бейзера является весомым аргументом. Но Михаил Бейзер в разговоре с Алексеем Шмелькиным (<http://nasledie-rus.ru/podshivka/9619.php> <http://nasledie-rus.ru/pods...>), не смог вспомнить, из какого источника ему стало известно об этой картине.

Предполагаю, что «полоцкая» тема была интересна Аскназию не только по историческим, национальным, но и по личным мотивам. Родился художник в городе Дрисса (ныне Верхнедвинск), который в 1856 году относился к Полоцкому уезду. Его отец Лейба Аскназий являлся полоцким мещанином. Времена для евреев были непростые.

(Когда были простыми?). Аскназий — талантливый юноша, хорошо зарекомендовал себя. Но получение разрешения для продолжения учёбы с каждым годом осложнялось. Сначала достаточно было обращения Совета Академии к полоцкому еврейскому обществу, потом — обращения через витебского губернатора к полоцкому голове. К счастью для художника, к этому времени его отец, а соответственно и он, были приписаны к купеческому сословию в городе Полоцке. 11 августа Аскназий подаёт прошение с просьбой допустить к приёмному испытанию для поступления в число учеников Академии, прилагая свидетельство о принадлежности к купеческому сословию.

«...Выдано Полоцкому 2-й гильдии Купеческому сыну Исааку Львовичу (Ицику Лейбовичу) Аскназию 19 лет из Полоцкой Городской Думы 1873 года Декабря 20 дня по 31 Декабря 1874 года...»

И всё же была картина «Потопление евреев в Полоцке при Иоанне Грозном в 1563 году» или нет? Может быть, были эскизы, наброски и желание завершить эту работу? Обо всём знали друзья художника. И молва о новой работе пошла гулять по белу свету? Вряд ли сегодня кто-то даст однозначный ответ.

Или у Аскназия судьба такая — в ней много разных тайн? Даже могилу художника на Дорогомиловском кладбище в Москве сегодня найти невозможно. Справочники сообщают: «утеряна».

«Картина "Потопление евреев в Полоцке при Иоанне Грозном в 1563 году", — как утверждает Михаил Бейзер, — хранилась в Петербурге, в коллекции С.Л. Гуревича. Где она сейчас, мы не знаем. До своего переезда в Москву И.Л. Аскназий также жил на Васильевском острове в Малом проезде, № 10».

Фактов много, но к конкретному результату они не приводят.

Согласно переписи населения, в Полоцке во второй половине XIX века числилось 11 домовладельцев по фамилии Баркан — 5 купцов и 6 мещан. Среди носителей этой распространённой фамилии мы находим израильского фотографа и немецкого фармаколога, верховного раввина Латвии и турецкого историка, а также российских актёров, режиссёров, экономистов, математиков и т. д. В Израиле есть даже посёлок Баркан.

До недавнего времени в Полоцке жили многочисленные представители фамилии Баркан. Далеко не все знали о её происхождении. Нет сомнений, что раввин Элиэзар Баркан, автор сборника респонсов «Мишнат де Рабби Элиэзер», знал свою родословную.

В 1916 году в Полоцке родился известный театральный режиссёр Семён Аркадьевич Баркан, Заслуженный деятель искусств России. Он работал с Михоэлсом, знал Таирова, Немировича, Мейерхольда; дружил со многими театральными режиссёрами Москвы. Семён Баркан практически «поставил на ноги» цыганский театр «Ромэн». Между собой артисты называли его «Баркаша». Семён Аркадьевич Баркан скончался 24 сентября 2010 года на 95 году в Германии, где жил последние годы.

Про одного из известных полоцких носителей фамилии Баркан в статье «В числе первых почётных граждан из Полоцка» пишет Ирина Воднева, заведующий Краеведческим музеем — филиалом Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника: «Фамилия Баркан в дореволюционном Полоцке была хорошо известна. Представители этой семьи к концу XIX века были владельцами городской недвижимости, являлись учредителями банковских контор и страховых компаний, выступали активными общественными деятелями. Ещё в 1844 г. в Полоцке получил статус купца

2-й гильдии Берка Бейнишев Баркан, который спустя 20 лет и был возведён вместе со своим семейством в потомственное почётное гражданство. Это стало возможным после принятия Указа Сената от 21 февраля 1863 г.

...В архивных документах, поступивших в канцелярию российского императора Александра II, отмечалось: Берка Бейнишев Баркан вступил в купечество 2-й гильдии в г. Полоцке в 1844 г., состоял в этой гильдии кряду и непрерывно 21 год по 15 июля 1863 г., с того числа по 1 января 1864 г. состоял в купечестве 1-й гильдии вместе с семейством, которое... состоит в одном капитале с ним неразделённо, как мужского, так и женского пола...»

В свидетельствах Полоцкой городской думы середины XIX века подчёркивалось: «...ни он сам, Баркан, никто из его семейства в несостоятельность не подпадали и судебным приговором опорочены не были...», а в свидетельстве казённого раввина З. Финкенсона говорилось о законном рождении наследников Берки Баркана. У заявителя на почётное звание было их более 20 человек — 3 сына, дочь, 12 внуков, 2 правнука и 4 невестки. Однако Б.Б. Баркан сам лично подать документы в канцелярию императора не смог «...по слабости здоровья...», поэтому и обратился за помощью к мещанину Шмуйле Ратнеру, который стал его доверенным лицом. В мае 1864 года особым царским манифестом Берке Баркану и всему его семейству было даровано право на потомственное почётное гражданство.

Годы жизни Б.Б. Баркана не установлены, но о членах его семьи сохранилось много интересных фактов. Так, последним владельцем знаменитого Домика Петра I в Полоцке был внук Берки Баркана — Беньямин Лазаревич, известный полоцкий банкир, председатель Еврейского общества пособия бедным, казначей Полоцкого вольно-пожарного общества. Его родной брат, купец 2-й гильдии Абрам Лазаревич Бар-

кан в каменных торговых рядах на Верхнем рынке имел бакалейную лавку. В собственном доме на Нижне-Покровской он содержал контору коробкового сбора. Невестка Берки Баркана Брайна Нохемовна в конце XIX века в собственном доме на улице Витебской (ныне — нечётная сторона пр. Ф. Скорины), имея акцизный и табачный патенты, содержала рейнский склад и бакалейную лавку.

Невозможно проследить судьбу всех полоцких Барканов.

В списке избирателей за 1907 год: Баркан Давид Гиршевич, Баркан Лейба Залманович, Баркан Рофал Гиршевич, Баркан Шмерка Ицикович, Баркан Мейер Залманович, Баркан Борух Абрамович, Баркан Эля Аронович, Баркан Бейнус Мейерович.

В годы Холокоста (по данным Яд-Вашема) в Полоцке погибли представители этой фамилии: Софья, Абрам, Сося, имя неизвестно, Вульф, Рива, Лея, Георгий, Рахиль, Мендель, Итта, Рита, Иосеф-Исраэль. Самому младшему, Вульфу Баркану было всего три годика, Менделю Баркану — 74 года.

Сегодня в Полоцке не осталось людей, носящих фамилию Баркан, но есть люди с фамилиями Баркаган и Биркан.

Такая уж доля у евреев, и не только полоцких: всё время находясь в изгнании, они жили на качелях времени. Знали своё прошлое, и не гадали о будущем.

В 1579 году, когда Полоцк вновь перешёл под власть Речи Посполитой, евреи возвращаются в город. Но подтвердительная грамота на магдебургское право (самоуправление) 1580 года отказывает им в праве заниматься торговлей, строить дома. Данная грамота была подтверждена в 1591 году королём Сигизмундом III, и еврейское население было вынуждено ютиться на шести свободных плацах, не принадлежавших городу. Вероятно, по этой причине полоцкая община не упомянута в списке кагалов, составленном

Литовским виадом в 1623 году, но позже община Полоцка неоднократно упоминалась в разных документах.

Но такой уж мы народ: когда нас выгоняют через дверь, мы заходим в окно... К концу XVI века наладились весьма оживлённые торговые связи между столицей Лифляндии Ригой и евреями Полоцка...

Э.Г. Иоффе. Страницы истории евреев Беларуси. Минск, 1996, с. 31

Это, безусловно, приносило результаты и вызывало приступы зависти, или как, говорят сегодня дипломатическим языком, конкурентной борьбы.

В 1654 году подступившие к Полоцку отряды казаков Богдана Хмельницкого разгромили незащищённые предместья; при этом погибло почти всё еврейское население, жившее там.

В 1654–1667 годах Полоцк находился под властью Русского государства; оставшиеся немногочисленные евреи были изгнаны. Куда они ушли? История об этом умалчивает.

Потом снова Полоцк под Польшей. После передачи города Польше еврейская община была восстановлена и быстро набирала экономическую силу. Представляете эту жизнь? За довольно короткое время: пришли — ушли, имеют право жить на этих землях — не имеют права... Евреев, таких каких мы их знаем сегодня, сформировала история, которой, пожалуй, не было ни у одного другого народа.

«В 1681 году полоцкие жители-христиане пожаловались в польский сейм на евреев, скупавших в городе дома и землю. В ответ король Ян III Собеский приказал евреям платить городские налоги.

Правовые ограничения, войны, эпидемия чумы, голод препятствовали развитию еврейской общины в первой половине XVIII века.

В 1765 году в городе проживали 1003 еврея, а во всем Полоцком воеводстве — 6689 человек».

*Полоцк, Александр Розенберг.
Газета «Берега», сентябрь, 2004 г.*

Первый раздел Речи Посполитой прошёл по Полоцку, разделив его на левобережный и правобережный. Такая судьба у города.

Есть много исторических фактов, преданий и былей, связанных с темой российской императрицы Екатерины II и её отношения к евреям.

Екатерина II посетила Полоцк в мае-июне 1780 года во время путешествия по присоединённым после первого раздела Речи Посполитой землям. Этот визит укрепил российскую власть в регионе, способствовал развитию города, встречам с местной знатью и религиозными деятелями, а также оставил след в литературе.

«Вчера приехала я из Острова в Опочку; а оттуда выехала сего утра и на 18-й версте въехала в Белоруссию; с самого Острова тянутся всё холмы да холмики, между которыми множество озёр, что очень красиво; здесь население самое разнородное, сплошь да рядом обитают православные, католики, уняты, евреи, русские, поляки, чухонцы, немцы, курляндцы, словом, не увидишь двух крестьян, одинаково одетых и говорящих правильно на одном наречии; смешение племён и наречий напоминает Вавилонское столпотворение...»

«Пребывание императрицы Екатерины II в Полоцке». https://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1780-1800/Putesestv_Ekater_Beloruss/pred1.php

В письме к великому князю от 19 мая императрица, между прочим, писала: «Я приехала сюда в 6 1/2 часов

вечера (во вторник) в совершенном здравии... Между окнами моими и Польшей только одна Двина, которая здесь не очень широка. Въезд мой в Полоцк представлял прекрасную картину... Весь день был жаркий, и теперь сильный гром. При въезде я видела зрелище совершенно для меня новое: иезуиты, доминиканцы и жидаы, стоящие фронтом; последние весьма неопрятны, первые представляли собою величественный маскарад».

...Изящно иллюминирован был и базилианский монастырь; «представленная от еврейского кагала на Двине иллюминация» также была великолепна.

22 мая был отъезд императрицы из Полоцка. Об этом пишет историк А.П. Сапунов: «День назначен был к высочайшему отшествию из Полоцка, а потому все как присутствующие, так и городские цехи, мещанство и евреи стали на показанных им местах и по дороге к Могилёву до Триумфальных ворот. Её императорское величество в 8 часов по утру изволила выйти из внутренних покоев и в сопровождении генерал-губернатора сесть в дорожный экипаж».

*Полоцко - Витебская старина,
1916 г., вып. 3, с. 55–67*

«Во время пребывания её императорского величества в Полоцке собраны были сведения, касающиеся до него и отчасти до всей губернии, под коим оказалось.

...Город Полоцк, до присоединения его к империи Всероссийской, имел одно токмо именование города, и кроме евреев, мелкий торг производящих, в нём не было почти других мещан. В краткое время торг его внутренними продуктами к Рижскому порту возрастать стал и достиг до того, что одни жители сего города отправляют хлеба, пеньки, льна, леса и поташа по двадцать пять тысяч рублей; а и прочие города сией губернии производят таковой же торг

до трёхсот тысяч рублей. В губернии основаны заводы стеклянные, кожевенные и поташные; земледелие и скотоводство от времени далее умножается и приводится в лучшее состояние; запасные магазины заведены».

«Пребывание императрицы Екатерины II в Полоцке». https://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1780-1800/Putesestv_Ekater_Beloruss/pred1.php

По окладным книгам 1787 г. в Полоцке и его уезде: христиан-купцов — 126; евреев-купцов — 159; христиан-мещан — 518; евреев-мещан — 996. В 1815 году — 2600 евреев, или 56,3 процента городского населения.

На протяжении веков Полоцк был центром духовности и культуры всех народов, живших здесь.

«На соединении ул. Горького и Ленина, на берегу Двины, находилась одна из старейших полоцких синагог, обозначенная на старинных городских планах. Из документов видно, что в XVI-XVII веках на этой улице жило много евреев. При дальнейшем развитии города тут начали покупать участки и строиться купцы, богатые евреи и другие, про что написано выше, и еврейские кварталы разместились ближе к торговым местам и местам ремесленников, появилась улица Еврейская, переименованная после революции в Интернациональную.

В XIX веке евреи составляли большинство городского населения (по статистическим данным за 1897 год, в Полоцке из 20294 жителей 12450 составляли евреи, или 61,35 %).

Дэйніс І.П. Полацкая даўніна, Минск, Медисонт, 2007, с. 107.

В 1830-х годах в Полоцке открылась миква.

В 1857 году в городе действовало 18 синагог.

В 1874 году — 21 синагога (1 каменная).

Из «Путеводителя по городу Полоцку», который был издан в 1910 году в типографии Хаима Клячко, узнаём, что крупнейшая в городе синагога находилась на Невельской улице.

В 1910-е годы в городе действовали 24 синагоги.

«В 1922 году в Полоцке действовали синагоги и молитвенные дома иудейского культа (так обозначены в архивных документах того времени).

Синагога еврейской общины — Безымянная улица, дом 17,

Синагога еврейской общины — Безымянная улица, дом 27,

Синагога Боровицкая, ул. Боровая, дом 6,

Синагога Старогородская, улица Ленина, дом 5,

Синагога на улице Интернациональной, дом 33,

Синагога на той же улице Интернациональной, дом 22,

Молитвенный дом, там же на Интернациональной, дом 31,

Синагога на улице Володарского,

Молитвенные дома на ул. Коммунистической; ул. Коммунистической и угол Задвинья; на Себежском тракте в доме Огурка, четыре молитвенных дома на улице Коммунистической».

*Государственный архив Витебской области,
ф. 1821, о. 1, д. 142, с. 16.*

Мест для молящихся хватало и в будни, и в праздники. Хотя верующих было много.

Моя первая встреча с Сорой-Ривой Лившиц (девичья фамилия Алуф) состоялась в середине 90-х годов XX века. Она была одной из старейших членов Полоцкой еврейской общины. Соре-Риве тогда исполнилось 98 лет. Впрочем, дня своего рождения, как многие евреи и неевреи, родившиеся в те годы, она не знала. Но когда выдавали паспорт, в нём записали дату, которая, по мнению работника паспортного стола, соответствовала действительности (на каком основании? — на этот вопрос мог ответить только он один), и у Соры-Ривы появился день рождения.

Руководители Полоцкой еврейской общины, тогда это был Филипп Завт и его заместители, пришли поздравить ветерана. Я решил в тот день записать хотя бы небольшое интервью, на сколько хватит сил у пожилого человека, с Сорой-Ривой Лившиц.

Говорила тихо и медленно, но память была хорошая, воспроизводила жизненные эпизоды, которые происходили много десятилетий назад.

*Из воспоминаний Соры-Ривы Лившиц
(девичья фамилия Алуф) [http://shtetle.com/
Shtetls/polock/livshic.html](http://shtetle.com/Shtetls/polock/livshic.html)*

«Родители ходили в синагогу. Это, наверное, начало 20-х годов. Она находилась там, где сейчас средняя школа № 3. В Полоцке в то время было много синагог, сейчас ни одного здания не сохранилось. Синагога, куда ходили родители, была деревянная, двухэтажная, бима в центре. Каждый молящийся имел своё постоянное место. В детстве нас папа водил в синагогу. Помню праздники в синагоге — Симхат-Тору: все танцуют, радуются. Всё делали по закону. Второй этаж был для женщин. Раввином был прекрасный человек по фамилии Хайкин, он был членом Полоцкой городской думы. Когда у родителей родился первый мальчик — седьмой ребёнок в семье — раввин присутствовал на обряде обрезания. Это было в 1913 году. А через год раввин Хайкин умер. И моему брату, который родился после его смерти, дали имя в память о раввине — Берл-Моте, как будто раввин был членом нашей семьи».

23 сентября 1929 года Полоцкая окружная комиссия рассмотрела вопрос о распределении предметов религиозного культа закрывающейся синагоги «Бер Лейбы» между другими синагогами. Это был ещё очень мягкий вариант решения вопроса — не конфискация, а пере-

распределение. Утвердили постановление окружной комиссии о передаче религиозного имущества бывшей синагоги «Бер Лейбы» — Мало-Любавичской синагоге с занесением имущества в инвентарную книгу последней.

*Национальный архив Республики Беларусь,
ф. 750, о. 1, д. 567, л. 19.*

В дальнейшем власти поступали более примитивно и жёстко, не считаясь ни с чем и ни с кем.

Государство наступало на религию. Не только на синагоги, но и на церкви, костёлы. В государстве должна была быть только одна вера — в партию большевиков, её вождя и светлое будущее.

В 1936 году были закрыты 4 из 5 синагог. Кстати, сами евреи, сидевшие «на должностях», принимали в этом активное участие.

Начальником Полоцкого окротдела НКВД был Даниил Семёнович Лехем.

В 1936 году 14 марта обследовать оставшиеся полоцкие синагоги, чтобы потом их закрыть, отправили помощника секретаря оргбюро ЦК КП(б)Б Рапапорта. Фамилия сама за себя говорит.

Обследование синагог он совершил в субботу (!) — наверное, чтобы публично продемонстрировать, что он никакого отношения к иудаизму иметь не желает.

Вот результаты его обследования, вслед за которым и были закрыты синагоги:

«Обследование проведено в субботу 14/3 — 1936 года, из этих пяти синагог одна синагога каменная, а остальные четыре — деревянные здания. Обследованы данные синагоги по поручению секретаря Оргбюро тов. Вайновича.

Что послужило причиной обследования синагог в гор. Полоцке? Ни горком партии, ни горсовет не знали и не знают, сколько синагог имеется в гор. Полоцке, и второе, совершен-

но отсутствует антирелигиозная работа, как среди рабочих, евреев и остальных трудящихся еврейского населения города — среди кустарей и т. д. а также вообще нет антирелигиозной работы среди рабочих, служащих и трудящихся города в целом. Плюс к этому, в тот момент, когда отдельные школы в городе, как 10-я русская, колхозная школа и техникумы нуждаются в общежитиях и в учебных помещениях, и при таких трудностях в городе в квартирном вопросе, в городе Полоцке имеется пять синагог и несколько церквей.

1. Синагога по Интернациональной улице дом № 51 в самом центре города, большая синагога, каменное здание, светлое, солнечное, требует некоторого ремонта, и тогда она будет хорошим общежитием для студентов любой школы или техникума. Посещаемость населения в данной синагоге в беседе с шамесом (сторожем синагоги) гражданином Фрумкиным, который мне объяснил следующее:

Первое, это то, что один шамес не справляется обслуживать религиозных граждан, и для этого в данной синагоге имеются два шамеса, в будние дни синагога пропускает в день от 7 до 12 часов дня 100 человек, а по субботам синагога работает в пять смен и пропускает в день 300 человек, а в праздничные дни РОШЕШОНА, СУКЕС, ЕМКИПЕР — по 500 человек в день, а в пасхальные дни в 1936 году шамесы надеются пропустить по 500 человек в день.

На вопрос, посещает ли синагогу молодёжь, Фрумкин отвечает, что только по субботам и в праздничные дни молодёжь до 40-30 лет тоже посещает синагогу. На вопрос, кто такие эти граждане, которые посещают синагогу, и как она их обслуживает, Фрумкин ответил: в первую очередь из 7-и утра до 9-и часов особенно по субботам она пропускает в первую очередь кустарей, чтобы они могли после синагоги успеть на работу, а во вторую очередь идут старики и остальные граждане.

Иметь такое большое посещение удаётся данной синагоге и другим синагогам только тогда, когда антирелигиозная работа как среди еврейского населения, а также и других национальностей, если не будет проведена как следует антирелигиозная пасхальная кампания со стороны райкома партии, комсомола и профсоюзов.

Кроме этого я встретил в синагоге по Интернациональной улице, а также в остальных четырёх синагогах людей, которые ночуют в синагоге, и как видно, это люди без паспортов, и вообще любой шпион и классово чуждый элемент может за рубль при уплате сторожу ночевать в любой синагоге, правда, те люди, которых я встретил, по их объяснениям, это бездомные старики и ненормальные люди, таких я видел, но надо полагать, что там ночуют и другие.

2. Синагога по Канавной улице дом № 32 деревянная. Светлое и хорошее помещение, при некотором ремонте вполне пригодна как для общежития, также и для учреждения. Посещают данную синагогу в будние дни 30–40 человек, а по субботам и праздникам — по 100–200 человек. То же самое из объяснений сторожа синагоги.

3. Синагога по Володарской улице № 34, недалеко от вокзальной, помещение деревянное, светлое, солнечное, большое, имеет большой огороженный двор, вполне пригодна для детской площадки, или детского сада, или любого общежития. Синагогу посещают в будние дни 50 человек, а в праздничные и субботные — 200 человек. В данной синагоге я встретил рабочих молярей (по тексту) и строителей, которые ремонтировали мне квартиру.

4. Боровая улица дом № 5, помещение деревянное, сухое, солнечное, против остальных синагог эта синагога требует крупного ремонта, особенно крыши, посещаемость в будние дни 30 человек, а в субботные и праздничные — 100–150 человек. Помещение вполне

пригодное для конторы какого-либо учреждения или общежития.

5. Улица Красина дом 28 за Двиной очень большая синагога с большим двором — огороженным, светлая, тёплая, солнечная, “когда я пришёл в данную синагогу, это было 10 часов утра, в синагоге было полно людей, и в том числе молодые несколько человек по лет 18–20, а процентов 20 от 30 до 40 лет, остальные старики. Синагога пропускает в будние дни 100 человек, а по праздникам и субботам — 200–250 человек”.

6. По сведениям, которые я имею, в городе имеется около 7-ми синагог, но я обследовал всего пять синагог, а остальные, наверное, я закончу в эти дни. Кроме того, в городе на базарах продаётся подпольно кошерное мясо исключительно евреям, и в беседе с директором мясокомбината тов. Цоглином, где это убивается кошерное мясо, то тов. Цоглин ответил следующее: что это мясо убивается в городе подпольно, и он на это обратил внимание в городской совет и лично тов. Сосолову, чтобы это обнаружить и не клеймить мясо, которое не убивается в скотобойне. Первое, это разводит антисанитарное состояние в городе, и второе, это скрывает от финорганов спекулянтов, которые торгуют кошерным мясом, но на следующий день кошерное мясо продаётся на базаре, и никаких мер со стороны горсовета не принято, чтобы убой, всякий убой скота происходил в скотобойне.

Надо отметить недопустимое явление, как со стороны райкома партии, а также и горсовета, что в таких трудных условиях в смысле квартирного вопроса, а также по вопросам об общежитии для учебных заведений в городе имеется около семи синагог, а также и несколько церквей, которые надо обследовать и принять меры как для закрытия синагог, так и церквей.

Нужно со стороны куль-пропо... в райкомах партии поставить на должную высоту антирелигиозную работу и начинать уже антипасхальную кампанию как против еврейской пасхи и других национальностей.

Нужно организовать через культсекцию городского совета при помощи комсомольских организаций города подписные льготы среди трудящихся евреев, а также среди других национальностей для закрытия синагоги, церквей, райкому партии хорошо проинструктировать комсомольцев и беспартийных активистов о методе проведения подписных листов на дому у трудящихся евреев и других национальностей и после проведения подписных листов ходатайствовать перед Окр. Исполкомом и ЦИК БССР об удовлетворении просьбы трудящихся города Полоцка о закрытии церквей и синагог.

Что касается торговли на базаре кошерным мясом, я предлагаю, чтобы фининспектор Городского Совета занялся бы этим вопросом и, обнаружив продавцов кошерного мяса на базаре, разоблачить таковых и отдать под суд в подобе, как это было сделано в городе Орша.

Пом. Секретаря Оргбюро ЦК КП(б)Б Рапапорт

Государственный архив Витебской области
ф. 10061, оп. 2, д. 20 (гл. № 7, с. 59) с. 186–188.

Кроме раввинов, которые служили в синагогах был в Полоцке вплоть до 1917 года ещё и государственный (общественный, казённый) раввин, который не служил в синагоге, а был чиновником.

«Порядок избрания казённых раввинов в Российской империи в начале XX века определялся "Статусом некоренных вероисповеданий", принятым в 1896 году. Претендент на должность должен был иметь соответствующее образование — окончить раввинское училище или еврейский учительский институт, или любое общее высшее или среднее учебное

заведение. В случае, если община была очень большая, позволялось также выбрать помощника раввина (с учётом — 1 помощник на 1 тысячу верующих). Первоначально каждая синагога выбирала своих уполномоченных, которые потом участвовали в выборах казённого раввина. Участвовать в выборах уполномоченных имели право верующие-мужчины, имевшие российское гражданство, не моложе 25 лет, которые не менее двух лет были прихожанами данной синагоги. От синагоги, в которой насчитывалось не более 100 верующих, выбиралось 10 уполномоченных, если синагога имела более 100 членов, на каждых сто выборщиков выбирался один уполномоченный. Казённый раввин избирался сроком на 3 года. После выборов он утверждался губернским правлением и получал от него соответствующее свидетельство. Он заключал договор с общиной, в котором оговаривался размер его жалования, оплата обрядов и т. д. В случае если община была совсем маленькой и не могла сама содержать казённого раввина, она могла присоединиться к общине ближайшего населённого пункта. В соответствии со “Статусом” 1896 года раввин обязан был следить за исполнением верующими религиозных обрядов, объяснять им вопросы религии, следить за моральным обликом общины и исполнением законов империи, выполнять обряды обрезания, присвоения имени, заключения и расторжения брака, погребения, вести соответствующие метрические записи.

Нередко верующие не считали казённых раввинов достаточно компетентными в вопросах веры. И постепенно в среде иудейских общин Российской империи сложилась ситуация, когда кроме казённого выбирался ещё и духовный раввин. Формально он занимал должность учёного в составе религиозного правления, потому что такое положение не нарушало никаких законодательных норм. Духовный раввин

не утверждался губернскими властями. Такое положение было весьма распространённым в начале XX века».

Дэйніс І.П. Полацкая даўніна, Минск, Медисонт, 2007, с. 107.

В 1910-х годах казённым раввином в Полоцке был Мирон Герасимович Крамник, окончивший Виленское раввинское училище.

Последним казённым раввином города был Эпштейн, который во время Первой мировой войны служил в некой полувоенной организации «земском союзе» или «союзе городов», а после Октябрьской революции — в полоцком отделе рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Эпштейн умер трагической внезапной смертью, во время еды подавился огурцом и умер.

«В 1920-х годах в Полоцке проводилась кампания по поиску нелегальных хедеров, был организован большой детский митинг с требованием их закрытия, в 1921 году был устроен показательный суд над хедерами и меламедом.

В 1922—1929 годах религиозным еврейским подпольным образованием в Полоцке руководил Шлойме-Хаим Кисельман (1894—1971), арестованный в 1929 году. В 1928 году в подпольных хедерах Полоцка обучалось примерно сто детей».

Константин Карпекин. Казённые, общественные и духовные раввины Витебской губернии в начале XX века.

В 1927 году под натиском воинствующих атеистов полоцкая любавичская иешива «Томхей Тмимим» вместе с раввином Авромом Дрейзиным (1901—1991) и 50 учениками переехала, вернее, нелегально бежала в Витебск.

Иешива в Витебске быстро разрослась за счёт прибавления учеников и раввинов из закрывшихся иешив в Кре-

менчуге, Тирасполе, Переяславле, Курске, Невеле и стала значительной и авторитетной иешивой на территории СССР. Раввины и ученики спали на скамейках в синагоге, занятия начинались в 4 часа 30 минут утра в женском отделении при закрытых ставнях и керосиновых лампах и продолжались до 7 утра, когда в мужское отделение приходили верующие на молитву. Тогда ешиботники и раввины заходили в мужское отделение, как будто они только что пришли в синагогу.

Зимой 1930 года было арестовано 15 раввинов и жителей Витебска, проявлявших заботу об иешиве. Они получили от 3-х до 10-ти лет заключения и были сосланы на Соловки.

Мало того, что евреи постоянно испытывали внешнюю угрозу, они ещё и между собой часто не находили общего языка. Хотя со стороны всегда казалось, что евреи горой друг за друга. Но внутренние конфликты, как это не парадоксально, способствовали тому, что из народной среды выдвигались яркие личности, способные стать авторитетными фигурами.

В XVIII веке, в эпоху еврейской религиозной борьбы между миснагдимами (сторонниками Виленского гаона) и хасидами, Полоцк был одним из центров хасидского движения в Белоруссии.

Известный цадик — раввин Исроэль из Полоцка. Он ученик раввина Доб-Бера Межеричского. Один из наиболее активных пропагандистов хасидизма не только в Белоруссии и Литве, но также на Украине и в Палестине.

Постепенно хасидизм начал распространяться в Литве и Белоруссии. Тайно создавались небольшие хасидские общины, и от них тянулись ниточки к другим хасидам Литвы и Белоруссии. Реб Исраэль и реб Азриэль из Полоцка ездили из города в город, из деревни в деревню и всюду, где находили подходящих людей, уговаривали

их начать служить Г-споду от всего сердца и поехать в Межерич. В Межеричах (ныне Украина) жил Дов-Бер — лидер хасидского движения.

В 1777 году реб Исраэль из Полоцка вместе с ребом Мендлом из Витебска и ребом Авраамом из Калиска в сопровождении трёхсот хасидов отправились в Землю Израиля. Реб Шнеур-Залман из Лядов присоединился было к ним, но реб Мендл уговорил его остаться, чтобы не бросать белорусских хасидов на произвол судьбы. Расстались они в Могилёве, где реб Шнеур-Залман провёл почти полтора года, после чего снова вернулся домой, в Лиозно.

Отважные люди отправились в путь, «чтобы поселиться на Святой Земле, пробудить милосердие Небес, молиться за весь Израиль». Они добрались до Чёрного моря и поплыли на трёх кораблях; один из них утонул неподалёку от Евпатории, 53 пассажира погибли, но, несмотря на тяготы пути, примерно 300 человек поселились в Цфате и Твении. Их возглавляли рабби Менахем Мендл из Витебска, рабби Авраам из Калиска и рабби Исраэль из Полоцка, который сказал, ступив на Святую Землю: «Вот этот день, прихода которого мы ожидали. Будем же радоваться в любимой стране, в возлюбленной стране наших помыслов, освящённой святостью».

Поселенцы мечтали лишь о том, чтобы спокойно жить, обрабатывать землю и изучать Тору. Их мечтам не суждено было исполниться. Тяжёлая экономическая ситуация в Эрец Исраэль катастрофически отразилась на материальном положении новоприбывших, которое и так было подорвано расходами на переезд.

Почти сразу же после прибытия поселенцы были вынуждены отправить посланника к братьям в Европу с просьбой о финансовой помощи. Посланником был избран реб Исраэль, сын реб Переца из Полоцка. В его обязанности входила

организация упорядоченного сбора и передачи денег единомышленникам в Землю Израиля. Реб Исраэль понимал, что поселенцы Цфата не смогут продержаться долго, и потому развернул свою деятельность немедленно по прибытии в Стамбул. Он опубликовал два воззвания к евреям Турции от имени лидеров поселенцев Цфата. Общины Турции собрали для поселенцев 3000 турецких лир, которые были тут же отправлены в Цфат. Из Турции реб Исраэль направился в Яссы, откуда весной 1778 года отослал обращение к хасидам Витебска, подробно описав в нём все события, произошедшие с переселенцами в пути и по их прибытии в Цфат.

В сборе денег в пользу хасидов, проживавших в Земле Израиля, активно участвовали реб Шнеур-Залман, реб Иссахар-Бер из Любавичей.

Противники хасидизма — тоже евреи — воспользовались этим и написали донос на Шнеура-Залмана, которого сами хасиды за его мудрость называли Алтер Ребе (старый учитель). В 5559 (1798) году Алтер Ребе в результате доноса был заточён в Петропавловскую крепость по обвинению в государственной измене (поскольку в доносе его призыв к евреям оказывать денежную помощь своим братьям в Эрец Исраэль был интерпретирован как помощь враждебной Турции). Во время ареста раввина Шнеура-Залмана хасиды Полоцка принимали деятельное участие в хлопотах об его освобождении.

Из деятелей хасидского движения в Полоцке отметим выдающегося талмудиста Натана, бывшего раввином в Полоцке, р. Илию Иосифа из Дрибина, бывшего некоторое время раввином в Полоцке, р. Шнеура-Залмана Фрадкина — автора респонсов «Торат Хесед».

Хасидский раввин Шнеур-Залман Фрадкин — один из крупнейших талмудистов своего времени, родился в местечке Ляды в семье реб Шломо и Адель.

Алтер Ребе сказал деду Шнеур-Залмана Фрадкина по материнской линии реб Дов-Беру после того, как один из его сыновей скончался: «Я утешу тебя тем, что у твоей дочери родится сын, который осветит глаза евреев».

Вся история состоит из легенд и мифов. Пройдя через поколения, они становятся основой наших знаний о предыдущих веках.

Шнеур-Залман Фрадкин был вундеркиндом. Так утверждают хасидские тексты. В 11 лет он достиг такого уровня знаний, что реб Цемах Цедек (раввин из династии Шнеерсонов) советовался с ним по вопросам об агунот. Агуна в еврейской религии — замужняя женщина, которая не может получить гет от мужа, потому что он пропал без вести или юридически не способен его дать. По иудаизму, невозможно развестись без получения гета от мужа, поэтому женщина-агуна не может освободиться от брака без специальной процедуры.

Позже Цемах Цедек поручил своему сыну, реб Маарашу, получить от Шнеур-Залмана Фрадкина смиху (обряд рукоположения раввина).

В 5615 году (с осени 1854 до осени 1855 года по григорианскому календарю) реб Шнеур-Залман Фрадкин был назначен раввином и Ав-бет-дин (старшим судьёй в иудейском суде) Полоцка. 13 лет он жил и проповедовал в городе. В 5628 году (с осени 1867 до осени 1868 года по григорианскому календарю) переехал в Люблин.

Реб Шнеур-Залман пользовался большим уважением у всех кто его знал, или даже только слышал о его жизни. Современники были поражены его потрясающей памятью. Шнеур-Залман Фрадкин мог просмотреть 18 глав Мишны за 18 минут. Ему задавали много галахических вопросов, ответы на которые он собрал в труде под названием «Торат Хесед».

19 Тамуза 5652 года Шнеур-Залман Фрадкин переехал в Эрец Исраэль и поселился в Иерусалиме, где оставался до

своей смерти. 5 нисана 5662 года его душа вознеслась в небеса. В день его смерти на землю обрушился проливной дождь, молнии рассекали небо, гремел сильнейший гром.

Раввин Шнеур-Залман Фрадкин похоронен на склонах Елеонской горы в Иерусалиме.

Представителем знаменитой и большой семьи Ривлиных, давшей миру духовных лидеров, мудрецов Торы, праведников, был Элияху Иосеф бен Арье Лейб Ривлин. Он относился к хасидской ветви этой семьи. Одно время был раввином в Полоцке. С 1847 года поселился в Иерусалиме. Играл видную роль в общине Хабада. Его главный труд «Охoley Иосеф» («Шатры Иосифа»; 1-е изд. — 1868) посвящён вопросам Галахи.

Раввинами в Полоцке были представители ещё одной очень известной раввинской семьи Каценеленбоген. Саул Иосифович (1770 — 1825, Вильна) в молодости изучал Талмуд в Брест-Литовске под руководством брата. Затем жил в Полоцке и Вильне, где стал учеником Элиягу из Вильны. Выступал в синагогах с нравоучительными беседами. Автор комментариев к Вавилонскому Талмуду, напечатанных в первом виленском издании Талмуда.

Многотомник Neil Rosenshtein «The Unbroken Chain» посвящён Каценеленбогенам и их семьям.

В «Семейных записках» — воспоминаниях Берты Давидовны Иоффе, дочери духовного раввина Петербурга-Ленинграда Давида-Тевеля Каценеленбогена (1847–1930), ещё одного представителя раввинской династии Каценеленбогенов, она пишет: «Отец мой Давид-Тевель Каценеленбоген происходил из очень родовитой раввинской семьи. Папа был 28-м раввином в непрерывной цепи раввинов этой семьи, которая ведёт свою родословную с середины XVI века со знаменитого учёного и мистика Иехуды Леви из Праги, известного в истории под аббревиатурой Магарал.

Фигура этого учёного раввина окружена в истории мистическим ореолом. Ему приписывалось сотворение Голема; силой вдохновения и веры он вдохнул жизнь в деревянную фигуру болвана и сделал его затем своим товарищем в занятиях Талмудом.

Семья отца происходила из небольшого городка в Германии, принадлежащего графу Каценеленбогену, откуда и пошла наша немецкая фамилия. Оттуда семья расселилась по всей Европе вместе с расширением ареала проживания евреев, двигаясь на Восток, в Польшу, Литву и Россию. Они дали миру многих представителей еврейской интеллигенции: учёных, раввинов, авторов многих трудов по религиозной философии и по Талмуду».

Одним из самых известных раввинов Полоцка был Яков Давид Вилровский (Ридбаз) (1845—1913), занимавший эту должность с 1883 по 1887 год. Выдающийся законоучитель родился в Кобрине (ныне Брестская область, Беларусь) и с детских лет был известен как «илуй» — «гений», отличавшийся глубочайшим пониманием Талмуда. Раввин вошёл в историю благодаря его книгам «Хидушей Ридбаз» (комментарии на Иерусалимский Талмуд), «Тшувот Ридбаз» (ответы на сложнейшие вопросы по Галахе) и другим своим трудам.

Рав Яков Давид родился в очень бедной еврейской семье. Его отец посвящал всё свободное время изучению Торы, а для обеспечения своих близких самым необходимым работал печником. Он отправил сына к лучшему учителю в городе. Случилось так, что, оставшись без работы из-за выросших цен на кирпич, отец более не мог оплачивать обучение сына. И тогда, с согласия жены, он разобрал печь в своём жилище и установил её в новом доме одного из богачей. Вся семья провела зиму в холоде ради того, чтобы их сын мог продолжить изучение Торы.

Современники свидетельствуют, что Ридбаз поражал му-

дрецов Торы глубиной знания Вавилонского и Иерусалимского Талмудов. В двадцать три года он стал раввином и главой раввинского суда местечка Изабелин, расположенного возле Кобрина (Брестский уезд). Здесь он написал свою первую книгу «Мигдаль Давид» — комментарии к Талмуду, обретя известность во всей Литве. Выдающийся мудрец рав Иссер Залман Мельцер утверждал, что человека со столь глубоким мышлением не было в этом мире уже несколько поколений.

В 1876 году рав Яков Давид стал раввином Бобруйска, где выпустил в свет галахический труд «Тшувот Ридбаз». В 1881 году он стал законоучителем в Вильне, в 1883 году — раввином Полоцка, а затем — раввином Слуцка, где с помощью рава Натана Цви Финкеля (Сабы из Слободки) основал иешиву «Эц Хаим», ставшую филиалом иешивы Слободка.

В 1905 году рав Яков Давид совершил алию в Землю Израиля и принял должность раввина города Цфат, где основал иешиву «Торат Эрец Исраэль», в которой учились более ста юношей. Рав Яков Давид Виловский покинул этот мир в Рош Ашана в 1913 году.

В Израиле живёт Нина Голод. Она из семьи Дон-Ихье, и, собирая по крупицам сохранившиеся факты, пытается восстановить генеалогическое древо старинной фамилии.

Из семейных преданий известно, что все Донияхи, Донхины, Дон-Яхья, Дон-Ихье, чьи предки жили в Витебской области, — родственники. Это старинный раввинский род.

Барух Дон-Яхья, раввин Дисны, — первый носитель этой фамилии в Витебской области.

Представители этой семьи во второй половине XIX века были раввинами в Улле, Видзах, Полоцке, Ушачах.

Столкновения между евреями и христианами на религиозной и бытовой почве не были редкостью для Полоцка, начиная с первых лет, когда евреи поселились здесь, и до начала двадцатых годов XX века. В канун еврейского нового

года (Рош а-Шана) 1818 года студенты Полоцкой иезуитской академии (католического высшего духовного училища), сопровождаемые двумя ксёндзами, «имея негодование к евреям», отправились громить находившееся за городом еврейское кладбище. Не исключено, что они специально приурочили погром кладбища к еврейскому празднику для вящего поругания «неправой» веры. К тому же в праздник евреи, в силу галахических запретов, не могли дать им достойный отпор. (Это и сегодня знают враги Израиля — начиная войны, например, в Йом Кипур — Судный день). Студенты опрокинули «разные каменные и деревянные знаки, над головами писанные по еврейскому закону», то есть надгробия (мацевы) — деревянные (временные, которые ставились сразу после погребения) и каменные (которые устанавливались позднее), и поставили вместо них кресты из дранки. Они знали о том, что установление на кладбище символов «чуждого культа» является для евреев актом осквернения и святотатства. (Помнят ли об этом сегодня, повсеместно устанавливая на еврейских кладбищах кресты и т. д. и даже делая из еврейских кладбищ христианские?). Погромщики также поломали ограду кладбища, разорили дом омовения покойников, находившийся на кладбище.

Евреи словесно пожаловались полицмейстеру, поскольку из-за религиозного запрета выполнять работу (в том числе писать) в праздник не могли написать жалобу. По настоянию полицмейстера ректор иезуитской академии Раймунд Бржозовский заверил евреев, «что впредь сего не будет». Однако уже через несколько дней, во время еврейских похорон, на кладбище явилась воинственно настроенная компания студентов. Они сбросили покойника с носилок, «яму начали зарывать и евреев бить, разгонять».

За происшествием последовали взаимные жалобы евреев и иезуитов. Префект Полоцкого иезуитского училища

при академии Спарский подал полицмейстеру жалобу на евреев, которые якобы избили студентов на кладбище и нападали на студентов на улицах города. (Что делали студенты иезуитской академии на еврейском кладбище?)

Губернатор назначил для расследования инцидента специальную следственную комиссию. После обследования места происшествия (через несколько месяцев после погрома на кладбище) комиссия зафиксировала незначительные повреждения ограды кладбища и показания евреев о том, что три небольших каменных надгробия «лежат не на своих местах».

К следствию были привлечены трубочист Довид Кукла, булочник Гирша Коверетчик, резник Афроим Рубин, «магистратский ходок» (то есть ходатай по делам евреев в магистрате) Вульф и другие евреи. Арестованный еврей Нухим Цыткович, жестоко избитый студентами на кладбище, а затем, очевидно, пострадавший от допросов «с пристрастием», умер вскоре после освобождения из-под стражи.

Полоцкие евреи отправили Лейбу Аустрайха и Ерухима Левита в Петербург к министру духовных дел и народного просвещения князю Александру Николаевичу Голицыну с жалобой.

Голицын потребовал объяснений от ректора Полоцкой иезуитской академии и витебского гражданского губернатора и предписал «строжайше подтвердить студентам, дабы они никаких обид евреям делать не осмеливались под опасением строжайших за то взысканий». Ректор Бржозовский, в свою очередь, отрицал вину студентов и просил защиты от «еврейской ярости» и «наглых поступков», уверяя, что «жалоба евреев вовсе противна не только истине, но даже естественному порядку». Витебский губернатор также усматривал в этой истории только «еврейское буйство». К февралю 1820 года дело было

передано на рассмотрение в полоцкий магистрат. Исход дела был неблагоприятным для евреев.

Впрочем, история знает немало подобных примеров, когда пострадавшие евреи сами оказывались виноватыми в том, что пострадали.

Сенат, решавший проблемы огромной империи, тем не менее был готов тратить своё время на рассмотрение такого пустячного вопроса, как определение пределов продвижения по просторам России евреев-извозчиков города Полоцка, которые возили воспитанников местного кадетского корпуса, отправлявшихся в Санкт-Петербург. Для кого-то действительно вопрос не стоит выеденного яйца, а для кого-то это было нарушением евреями «черты оседлости».

«Не мытьём, так катаньем. Они начнут с малого, а потом заполонят всю святую Русь», — говорили эти люди. Сенаторы решили, что извозчикам следует останавливаться в Пскове. Но вмешался державший под контролем решение этой «важной государственной проблемы» император Николай I, который сократил маршрут до города Остров.

Власти старательно ограничивали сотрудничество евреев и христиан в любой области.

По переписи 1897 года, в Полоцком уезде 141 000 жителей, среди них 17 000 евреев;

в том числе в Полоцке жителей 20 294, среди них 12 481 еврей.

Писатель и гравёр Соломон Йом Тов Беннет, родился в Полоцке в 1761 или 1767 году. В 1792 году тридцатилетний и уже твёрдо стоявший на ногах Беннет отправился за границу, чтобы изучить науки, которые, по его признанию, едва знал «по имени», а также «земли, народы и языки». Жажда знаний заставила его преодолеть привязанность к семье, которую он оставил в Полоцке. Учился в Копенга-

гене. В 1795 году, после сильного пожара, постигшего этот город, Беннет отправился в Берлин, где продолжал свои занятия, и скоро снискал известность как гравёр по меди. За гравюру короля Фридриха II и его супруги Беннет получил письменную благодарность и был обнадёжен различными обещаниями, а Берлинская академия удостоила его учёной степени. Тем не менее Соломон Беннет покинул Пруссию ввиду стеснений, которым подвергались там евреи.

Недолго жил в Дрездене, Лейпциге, Гамбурге и других городах, и в 1800 году прибыл в Лондон. Вскоре поселился в Бристоле — городе в юго-западной Англии, где и провёл всю оставшуюся жизнь.

Беннет активно выступал против миссионерской деятельности, против произвольной интерпретации еврейских текстов. Стремился скорректировать переводы Ветхого Завета на английский язык, стремясь к идеальному, по его мнению, варианту. Умер в Бристоле не ранее 1841 года.

Время учёбы в Полоцкой иешиве стало поворотным в судьбе Лазаря Перельмана. Мир его знает как Элиэзера Бен-Иегуду. Здесь у него появилась мечта возродить иврит, сделать древнееврейский язык разговорным, объединить этим языком евреев всего мира.

В Полоцкой иешиве, куда был отправлен учиться в 1872 году в 13-летнем возрасте Лазарь, он часто общался с И. Блокером, стоявшим во главе этого учебного заведения. И. Блокер был тайным сторонником непопулярного в ортодоксальной среде светского образования евреев. Сам Лазарь Перельман происходил из хасидской семьи: отец и мать — Иегуда и Ципора Перельман — были строгими приверженцами ХАБАДа.

Завершив образование, Лазарь, скорее всего, вернулся бы в своё местечко Лужки и вряд ли чем-нибудь отличался от большинства членов иудейской общины. Но судьбе

было угодно распорядиться иначе: он попал под влияние И. Блокера и стал разделять его взгляды. Лазарь принялся за изучение русского языка и с увлечением читал светские книги.

«Отца Лазаря к этому времени уже восемь лет не было в живых, и воспитанием юноши занимался его дядя. Узнав об еретическом увлечении племянника, он немедленно перевёл его из Полоцкой иешивы в Глубокскую, у которой в те годы был такой же высокий авторитет. Но и здесь Лазаря ждала встреча с единомышленником Блокера. В Глубоком он познакомился с Шмуэлем Йонасом, который сотрудничал в светской периодической печати на иврите и сумел убедить Элиэзера в необходимости получить светское образование. Дочь Йонаса Двойра — впоследствии жена Элиэзера — обучала его русскому языку, и через год юный Перельман поступил в реальное училище Двинска (Даугавпилса), которое и окончил в 1877 году. В 1878 году Элиэзер переезжает в Париж, где начинает изучать медицину. Весной 1879 года в венском журнале "Хашахар", выходящем на иврите, появилась статья Элиэзера Перельмана, выступавшего под псевдонимом Элиэзер Бен-Иегуда, "Жгучий вопрос". В статье автор резко выступает против сторонников ассимиляции и призывает всех евреев переселяться в Палестину. Он предлагает также в качестве разговорного языка использовать в Палестине иврит.

Иврит на протяжении всей еврейской истории был языком Торы, и все еврейские мальчики изучали его с трёхлетнего возраста. Но иврит не был языком повседневного общения. На нём говорили только на возвышенные темы. В повседневной жизни использовали идиш, ладино или другие языки. В иврит на протяжении многих веков практически не вносили новые слова, обозначающие постоянно возникающие понятия и предметы. Поэтому идея

использования языка Торы в качестве разговорного была и смелой, и не бесспорной.

В 1881 году, когда “Альянс исраэлит универсэль” (Всемирный израильский союз) предлагает Элиэзеру место преподавателя в одной из своих школ в Иерусалиме, он бросает изучение медицины и вместе с женой Двойрой переезжает в Палестину. В школе он ведёт занятия на иврите. На иврите же разговаривает дома. Бен-Иегуда обращает внимание на то, что в Палестине иврит уже является языком межобщинного общения. Сефарды разговаривают с ашкенази на иврите.

В семье Элиэзера говорят только на иврите, и когда рождается первый сын, то ему специально нанимают ивритоязычную няню, потому что Двойра ещё плохо говорит на иврите. Расширение словарного запаса ребёнка требует введения новых слов, и Бен-Иегуда активно расширяет словарь современного иврита».

Владимир Бернштам. «Человек, воскресивший иврит». <https://mishpoha.org/pochta-mishpokhi/702-chelovek-voskresivshij-ivrit-ben-yeguda>

В Полоцке нет никакого упоминания о том, что здесь жил знаменитый человек. А ведь именно отсюда начал путь в большой мир Элиэзер Бен-Иегуда, ставший знаковой фигурой не только для еврейского народа и Израиля. Он доказал, что можно реанимировать язык, который считают мёртвым. Правда, для этого необходимо желание не только личности и властей, но и самого народа.

14 февраля 1878 года в бедной еврейской семье в Полоцке родился Завель Израильевич (Савелий Абрамович) Сорин, в будущем известный художник. Вот как пишет о нём историк Валерий Шишанов в очерке

«Завель Сорин. Страницы биографии», опубликованном на страницах журнала «Мишпоха»: «Вспоминая о детских и юношеских годах мужа, Анна Степановна Сорина пишет: "Несмотря на то, что С.А. Сорин родился в очень бедной семье, где не понимали его таланта и стремлений к наукам, препятствовали даже посещению школы, он пошёл по избранному пути. Будущему художнику пришлось защищаться и продвигаться самому, без какой бы то ни было поддержки. Много пришлось пережить и перестрадать, но он упорно шёл к своей цели, работал, чтобы иметь возможность учиться и читать книги по изобразительному искусству, театру и музыке. И несмотря на лишения, а подчас и голод, художник ни к кому не обращался за помощью, а напротив, делился всем, чем мог, с другими... Октябрьская революция застала художника в Ялте. В 1919 году он перебрался из Крыма в Тифлис, а оттуда в мае 1920 года переехал во Францию и вскоре обосновался в Париже. Здесь Сорин приобретает славу блестящего портретиста. "Сорин в моде, Сорин в цене", — так пишет о его успехах Игорь Грабарь в 1924 году».

В 1920–30-е годы Сорин проводит персональные и участвует в коллективных выставках в Париже, Германии и многих городах Америки. Галерея созданных художником работ пополняется портретами европейской знати и деятелей искусства. Выставки в Лондоне принесли Завелю заказы на портреты членов британской королевской семьи.

Умер Завель Сорин в Нью-Йорке в 1953 году. Через двадцать лет в Москве и Ленинграде состоялись выставки работ художника, которые его вдова передала в дар Советскому Союзу.

Художник Илья Абелевич Лукомский родился в Полоцке в 1906 году. С раннего детства мог часами рисовать карандашами, мелом, углём, красками (если случайно

попадались). Уже в 16 лет мальчик поступил на учёбу в Высшие художественно-технические мастерские в Москву (ВХУТЕМАС). Учился у таких педагогов, как П. Кузнецов, Л. Бруни, В. Фаворский, Н.М. Чернышёв. В 1930 году Лукомский окончил отделение монументальной живописи и был призван в ряды Красной Армии. С 1942 года на фронте.

Создал портретную галерею фронтовиков, военных лётчиц. Автор девяти монументальных композиций: «В дни взятия Берлина» (1947), «Клятва сталинградцев» (1948), «Приём в партию в танковой части» (1948) и других. Работы Лукомского находятся в Государственной Третьяковской галерее, Артиллерийском музее (Санкт-Петербург), Государственном литературном музее (Москва), Студии военных художников им. Грекова.

Умер в 1954 году в возрасте 48 лет. Одна персональная выставка посмертная, не знаю, чьими усилиями организованная, прошла в 1958 году.

Лазарь Саулович Ран родился в другом городе на Западной Двине — в Двинске, ныне Даугавпилс, в традиционной еврейской семье. В 1915 году, когда мальчику исполнилось шесть лет, семья переехала в Полоцк.

Я писал о нём в очерке «Когда кричат картины...», опубликованном в журнале «Мишпоха».

«Детство художника прошло в старинном городе на берегу Западной Двины. Отец Лазаря был знаток пушнины, его ценили как специалиста. Мать была портнихой, занималась домом и воспитывала детей. Семья не была ортодоксальной, но еврейские традиции соблюдала, как и подавляющее большинство других семей. Детские воспоминания, дух семьи откладываются в человеке на всю жизнь. Тринадцать лет он прожил в этом городе и здесь узнал мир.

Вместе с воспоминаниями о семье у Лазаря Сауловича на всю жизнь запечатлелись полоцкие пейзажи, увиден-

ные в детстве: обрывистые берега Западной Двины, неповторимая прелесть полоцкой Софийки, узкие деревянные улочки города. Это было для него родное. И это нашло отражение в его творчестве. Когда Рану было шестьдесят лет он подготовил серию офортов “Белорусская деревянная архитектура”. Лазарь Саулович много ездил по республике, чтобы собрать зарисовки, которые вместе с детскими воспоминаниями о Полоцке легли в основу этой серии».

Дальнейшие работы Лазаря Рана, особенно его цикл «Разбитые памятники», также во многом определены воспоминаниями детства и юности. «Лазарь Саулович работал много и как живописец, и как график, и даже как скульптор. Мне кажется, что серия гравюр “Цуброхене мацейвес” (с идиша переводится как “Разбитые надгробья”) — его вершина. Я смотрю на гравюры, посвящённые деятелям еврейской культуры, и вижу жизнь самого художника. Грустную, полную парадоксов. С вечными надеждами, что на следующий год уж если не чудо произойдёт, то во всяком случае, всё изменится к лучшему. А когда он наступит, этот “следующий год”, никто не знает, и звучит это, как сказка, с которой легче жить.

Первоначально серия, состоящая из цветных литографий, называлась “Идише шрайбер” (“Еврейские писатели” — перевод с идиша) и была посвящена людям, на произведениях которых Лазарь Ран воспитывался, чьи книги читал, как биографию своей семьи. Есть великолепная цветная литография, которая была заставкой к этой серии работ. Является, пожалуй, единственной у Рана, в которой использованы элементы еврейского народного орнамента, хорошо знакомого нам по альбому С. Юдовина и М. Малкина. Резной надгробный памятник — мацева, на которой написано “Идише шрайбер”, расколот.

Напомню, серия создавалась в начале семидесятых годов. Время “брежневского” социализма и антисемитских

фельетонов в газетах. Время, когда после победы Израиля в шестидневной войне евреи стали не только всё чаще вспоминать, кто они, но и вслух говорить об этом. И ответная антисемитская реакция не заставила себя ждать. Лазарь Саулович новой серией работ заявляет, что он никогда не забывал и не отказывался от своего народа.

Много мыслей приходит, когда смотришь на расколотые камни. Очень хочется верить, что оттуда, из тьмы, дух людей, их недосказанные слова прорываются к нам. Они ломают камни, как корни деревьев взрывают асфальт. А может быть, не был столь оптимистичен художник? Видел, как погибает его родной язык идиш, как никому не нужные, пылятся на полках библиотек книги Давида Бергельсона, Дер Нистора, Абрама Рейзена, как некому читать в оригиналах Шолом-Алейхема и Менделе Мойхер-Сфорима. И поэтому рушатся камни? Или просто он часто ходил на старые еврейские кладбища и видел, в каком состоянии они находятся?

На памятнике Шолом-Алейхему написано на идише: "Смех — это здоровье". Не знаю, но думаю, только у народа, где смех всегда соседствует со слезами, может на надгробном памятнике появиться такая надпись. Здесь же мальчик Мотл, сват Менахем-Мендл и Тевье-молочник — любимые герои Шолом-Алейхема, которые и после смерти окружают его, теперь на памятнике. Помните завещание писателя, в котором он просил похоронить его рядом с простыми евреями, чтобы его памятник украшал их могилы так же, как раньше они сами украшали его жизнь? Мне кажется, именно об этом думал Лазарь Саулович, когда работал над этой литографией.

Лист, посвящённый С. Ан-скому. Земляк Рана — известнейший драматург, фольклорист, революционер-народоволец. Всё это как-то очень естественно сочеталось в С. Ан-ском. И чтобы эту цельность натуры передать на памятнике, Ла-

зарь Саулович решается на очень скромные выразительные средства. Впереди горит свеча, свет от которой освещает фамилию, выбитую на камне. Здесь же название пьесы С. Ан-ского “Диббук”, которая до сих пор идёт в театрах.

Исаак Бабель... В будёновке, с шашкой, автор “Конармии” улыбается со своего надгробья. Только почему традиционный семисвечник-менора изображён с пятью рожками? Может, сражаясь за мировую революцию, Бабель забыл, сколько свечей горит на меноре? Кто ответит теперь? Только и этот памятник расколот. Несмотря на то, что Конармия взяла верх.

Дер Нистор... Как будто кто-то специально разламывал этот памятник. Бил по центру, там, где изображено лицо. И добился своего...

Целая серия работ посвящена еврейским писателям, погибшим от рук сталинских палачей в начале пятидесятых годов: Давид Бергельсон, Перец Маркиш, Лев Квитко...

Позднее появилась работа, посвящённая великому артисту Соломону Михозлсу. И серия стала называться “Цуброхене мацейвес” (“Разбитые памятники”).

Аркадий Шульман. Под небом Витебска.

«Мишпоха», №1, 1995 г., с. 41–47

Замечательная картинная галерея бы получилась, если бы собрать работы художников, связанных своей биографией с Полоцком.

Имя другого уроженца Полоцка (март 1870 г.) — Александра (Исаака) Яковлевича Альтшулера сегодня и вовсе забыто. Александр (Исаак) Яковлевич Альтшулер — оперный певец (бас-баритон), режиссёр и педагог. Заслуженный артист УССР (1923) и РСФСР. Награждён орденами «Герой Труда» (1923) и «Знак Почёта» (1937). Александр Альтшулер родился в Полоцке в семье ремесленника.

Он выступал на оперной сцене вместе с Л.В. Собиновым. Пробовал себя и довольно успешно, как режиссёр. Воспитал целую плеяду оперных певцов как вокальный педагог. В 1894–1928 годах пел на сценах городов Астрахани, Баку, Воронежа, Иркутска, Казани, Одессы, Ростова-на-Дону, Саратова, Харькова, Перми и Екатеринбурга (Свердловска). Обладал голосом приятного тембра, природной музыкальностью. Свободно держался на сцене и был замечательным характерным актёром.

Лучшими партиями в репертуаре певца считались: Амонасро («Аида» Дж. Верди), Беппо («Фра-Дьяволо» Д. Обера), Бес («Черевички» П.И. Чайковского), Дон Бартоло («Севильский цирюльник» Дж. Россини), Панталеоне («Каморра» Э. Эспозито), Скула («Князь Игорь» А.П. Бородина).

Александр Альтшуллер умер в июне 1950 года в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

На сайте «Еврейские корни» внук Ефима Наумовича Крайновича (Крейнович) рассказал о своём деде — слепом скрипаче.

«Крайнович — это фамилия моего деда, который родился в г. Полоцк Витебской губернии (12) июля 1870 года и умер в Москве (11) апреля 1940 года.

Ефим Наумович — ученик Станислава Карловича Барцевича, польского и русского скрипача и музыкального педагога, профессора скрипки и альта Варшавской консерватории, а позже её директора. Мой дед выступал с сольными концертами. Упоминания в газетах начала прошлого века дают представление о его гастрольном графике.

Февраль 1902 года “Витебский Курьер”: “Из числа концертов особенно был отмечен данный в военном собрании слепым скрипачом Крайновичем. Публики собралось очень много, артист бисировал”.

Ноябрь 1906 года, Пенза: “...В зале Дворянского со-

брания состоялся концерт слепого скрипача Крейновича с участием местных музыкантов Смагиной и Казанского. Программа концерта включала произведения Грига, Сарасате, Глинки, Мендельсона и других композиторов”.

В феврале 1909 года вместе с пианистом Скляревским он гастрольирует по Сибири.

В сентябре 1913 года Ефим Наумович преподаёт на музыкальных курсах Императорского Русского музыкального общества в Баку. 4 и 5 февраля 1914 года — концерты в Самаре, а летом 1914 года он гастрольирует в Кисловодске.

Во время одной из гастрольных поездок он познакомился с моей бабушкой, Софьей, которая вскоре стала его женой и родила ему трёх дочерей — Валю, Нинель и Лею. Младшая — Лея — это моя мама. У Ефима Наумовича было ещё два сына — Ньюша и Миша».

В небольшом местечке рядом с Полоцком жил дед Народного артиста СССР, знаменитого Аркадия Исааковича Райкина. Их родственники жили в Полоцке, в Шумилино, в других городах и местечках Витебской области. Вот как писал о своём дедушке Аркадий Райкин:

«Дед до конца дней изъяснялся на невообразимой смеси идиш, русского, белорусского и немецкого. Держался обрядов с той чрезмерной и как бы демонстративной педантичностью, какая присуща людям, признающим над собой лишь закон формы, закон обряда. Будучи домашним деспотом, он пытался и детей, и внуков своих наставить на путь ветхозаветных истин. По его настоянию меня хотели отдать учиться в частную школу, где преподавание велось на древнееврейском языке.

Благочестие деда сочеталось с суровостью, даже жестокостью. Ему ничего не стоило отвесить оплеуху уже взрослому женатому сыну. Это должно было способствовать развитию в нём главного, с дедовской точки зрения,

жизненного качества — умения твёрдо стоять на ногах.

Сам дед был полон жизненной силы во всех отношениях. Он прожил до девяноста четырёх лет. Может, прожил бы и дольше, но, танцуя на чьей-то свадьбе, неудачно прыгнул со стола».

По воспоминаниям дочери Аркадия Райкина — Екатерины Райкиной, к концу жизни её отец стал интересоваться своими корнями. Встречался с американцем, носящим фамилию Райкин, когда узнал, что его отец тоже из Белоруссии. А увидев его, сказал: «Полное впечатление, что вошёл мой молодой отец».

С помощью Майи Щербаковской в журнале «Мишпоха» было опубликовано эссе дочери Аркадия Райкина — Екатерины — «Неотправленное письмо». В эссе рассказывается о семье Райкиных. Я узнал, что Майя Наумовна — родственница Райкиных, и решил продолжить этот разговор.

— В каком родстве Вы находитесь с Аркадием Райкиным?

— Мой дед Залман (Соломон) Райкин был братом отца Аркадия Райкина. Родным или двоюродным — не знаю. То, что были родственниками, мы выяснили с дочкой Аркадия Райкина — Екатериной.

— Дед Аркадия Исааковича жил в местечке под Полоцком, а Ваш дед жил в Шумилино...

— Родни у них в Витебской области было много. Кстати, в Полоцке до последнего времени тоже жили Райкины, не знаю, кем они нам приходятся.

Родственники Райкина в середине восьмидесятых годов XX века жили в Великобритании, Латинской Америке...

Жаль, что Аркадий Исаакович не искал родственников в родовом гнезде — Полоцке.

Если уж говорить о деятелях искусства, то непременно следует сказать о гениальном скрипаче Яше (Иосифе Рувимовиче) Хейфеце. Он не родился в Полоцке и, по-моему,

ни разу в нём не был. Из Полоцка его родители. Родился 20 января (по старому стилю) 1901 года в Вильно в семье Рувима Элиевича Хейфеца (1872–1957) и Хаи Израилевны Шарфштейн (1877–1947), уроженцев Полоцка. Отец родился в самом городе, а мама — недалеко в местечке Боровуха. Рувим был музыкантом, Хая содержала бакалейную лавку. Кроме сына у них были ещё две дочери: Песя (впоследствии Полина, 1903–1976, пианистка, вышла замуж за музыканта и критика Сэмюэла Хоцинова) и Эльза (1905–1998, вышла замуж за драматурга Сэмюэла Бермана). Рувим играл на свадьбах. Когда приходилось особенно трудно, он вместе с братом Натаном ходил по дворам, играл под окнами, выпрашивая деньги на пропитание. Музыкально был одарён не менее сына, и только беспросветная нищета в юности, невозможность получить хорошее музыкальное образование помешали развиться его таланту.

В Полоцке помнят имя Яши Хейфеца. В государственном университете проводились концерты его памяти.

Жил и работал в Ветрино (городской посёлок рядом с Полоцком) директор школы искусств Владимир Амосов. Он создал инициативную группу по установке в Полоцке памятника скрипачу Хейфецу. Устроили концерт, написали письмо в государственные органы. Возможно, памятник гениальному скрипачу когда-нибудь и появится в Полоцке.

В 1886 году в Полоцке проживало: мужчин-евреев 3435 человек, а всего мужчин в городе насчитывалось 6436 человек, женщин-евреек — 3482 человека, всего женщин — 5633. Статистика свидетельствует о еврейском большинстве жителей Полоцка.

В Полоцком уезде в 1897 году, по данным переписи, проживало православных — 102 197, иудеев — 17 178, римо-католиков — 14 835, староверов — 5 953, протестантов — 1612.

Евреи жили в ближайших к Полоцку населённых пунктах. В 1905 году в деревне Экимань проживало 313 жителей, из них 282 христианина и 31 еврей. Еврейские молитвенные школы (синагоги) были в деревне Томчино (м. Плисцы) Юровичской волости, в Боровухе-1.

Образованию мальчиков в еврейских семьях всегда уделялось значительное внимание. Еврейское совершеннолетие у мальчиков (бар-мицва) наступает в 13 лет и 1 день, символизируя готовность нести ответственность за свои поступки и соблюдать заповеди (мицвот). С этого момента мальчик становится «сыном заповеди», получает право участвовать во всех обрядах, ежедневно надевать тфилин, его вызывают к Торе, которую он обязан читать. Значит, необходимо быть грамотным.

В Полоцке, как и в других городах и местечках, были мелаеды – еврейские учителя, обучавшие детей грамоте. Иногда дети приходили к ним в хедеры, порой мелаеды ходили по домам своих учеников и обучали грамоте там. Мелаеды как правило были людьми малообеспеченными, страдавшими от вечной нужды и не пользовавшимися большим уважением у родителей учеников. Дети не только учились грамоте, но и помогали мелаеду присматривать за его детьми, помогали жене мелаеда по хозяйству. С 1849 года мелаеды обязаны были сдавать экзамены по русскому и немецкому языкам. Таких грамотных было совсем немного, поэтому большая часть мелаедов перешла на неафишируемое положение.

В хедерах учились дети с пятилетнего до тринадцатилетнего возраста. Обучение было платным – от 4 до 6 рублей. Учебный процесс продолжался 7-8 часов с часовым перерывом на обед. Оценки ученикам не выставлялись.

Были зарегистрированные хедеры, а были и существовавшие на птичьих правах.

В первой половине XIX века в Полоцке были зарегистрированы хедеры: в 1840 году — 20 штук, в 1844 — 24, в 1860 — 44, в 1863 — 82. Хедеры находились на улицах Невельской, Школьной, Спасской, Нижне-Покровской, Витебской, Николаевской, Назаравской. Семь хедеров размещалось в частных домах меламедов, остальные — в съёмных помещениях.

Функционировали в Полоцке и бесплатные Талмуд-Торы — религиозные учебные заведения для мальчиков из малообеспеченных семей. Учили иврит, Тору и Талмуд; в разное время в программу включались и другие предметы, например, арифметика и письмо на идише. В 1863—1865 годах в Полоцке в Талмуд-Торе преподавал учитель Полоцкой казённой школы Абрам Маркельс. В этой Талмуд-Торе училось восемь детей. В разные годы в полоцких Талмуд-Торах работали Давид Каимов Берчи (1895 г.), Давид Калман Берзон (1898 г.), Мендель Янкель Ариев (1900—1908), Хаим Сорин (1910 г.). Количество учеников было от десяти до пятнадцати человек. Например, Талмуд-Тора Сорина находилась на улице Невельской. В дополнение к традиционным для еврейских школ предметам тут преподавали русский язык, арифметику, пение и гимнастику.

В 1908 году Попечительский совет Полоцкой Талмуд-Торы обратился к инспектору народных училищ Витебской губернии с просьбой об улучшении уровня преподавания в школе через её обеспечение преподавателями высокой квалификации. Кроме этого просили дать разрешение на обеспечение учащихся одеждой и обувью одного образца. Для учащихся была заказана одежда из тёмного сукна. Попечительский совет просил дать разрешение на пояса, украшенные символом: в щите Давида вытеснены буквы ПТ-Т — и шапками одного образца с такой же символикой.

В ответе директора народных училищ Витебской губернии было отмечено, что деятельность Полоцкой Тал-

муд-Торы связана с ухудшением положения Полоцкого государственного еврейского начального училища.

«Такой порядок нельзя считать нормальным, потому что начальное училище стоит выше по своей программе и по составу педагогов».

Но на просьбу еврейской общественности всё же был дан положительный ответ. В то же время высказано замечание, что государственное училище не будет обойдено вниманием евреев. Однако символика со щитом Давида разрешена не была.

Желание евреев дать детям традиционное образование засвидетельствована полоцкой полицейской управой. По данным, в 1911 году в городе действовала одна Талмуд-Тора (4 педагога, 80 учащихся), 16 хедеров и в них 16 мелаamedов, и 200 учащихся. Кроме того, зафиксировано, что некоторые мелаamedы занимаются обучением детей скрытно, без соответствующего разрешения, по домам. На домах, где размещаются хедеры, не вывешиваются соответствующие таблички. В каждом хедере от 8 до 15 учеников.

В 1844 году в Российской империи, в состав которой входила и Полотчина, вышел указ об открытии для евреев казённых училищ 1-го разряда, которые соответствовали приходским 2 разряда. Евреи не хотели отдавать своих детей учиться в эти училища, потому что обучение там шло на русском языке и зрителями были христиане. Обучение там часто было в порядке принуждения. Богатые евреи платили беднякам, чтобы их дети учились в этих казённых заведениях, заполняли там места, чтобы не трогали их детей. Всё было настолько очевидно и требовало перемен, что власти изменили процесс обучения: зрители-христиане были заменены на евреев, введены программные послабления. Правда, еврейские родители по-прежнему неохотно отдавали сюда учиться своих детей.

В Полоцке училище 1-го разряда было открыто 8 ноября 1851 года, находилось на улице Нижне-Покровской, на первом этаже наёмного двухэтажного дома, который принадлежал Лейбу Мовшевичу Лившицу. В год ему платили 300 рублей.

Только через два года в училище училось 20 мальчиков. Правда, со временем евреи стали смотреть несколько другими глазами на училище. В 1866 году количество учеников достигло 53. На содержание училища ежегодно отпускалось 1236 рублей из суммы свечного сбора с евреев.

В 1868 году количество учеников в еврейских казённых училищах Полоцка достигло 95 человек. Этому способствовало введение штрафа за непосещение казённых училищ. В учебный процесс входило 24 предмета, 13 из них — религиозные.

Адукацыя на Полаччыне: з гісторыі яўрэйскай школы, даследчая праца, аўтар З.Дз. Шклянік, настаўнік рускай мовы і літаратуры, в. Бабынічы, 2016 г.

Каждое казённое еврейское училище должно было иметь «почётного блюстителя» из влиятельных членов общины. С 13 октября 1854 года в Полоцке эту должность занимал купец 2-й гильдии Липа Нотавич Марголин (1822 г. р.). Его имя упоминается в документах и за 1867 год. В 1863 году он проживал в собственном 2-этажном каменном доме на ул. Пробойной с женой и дочкой. Эта должность не была чисто номинальной. Сохранились рапорты Л.Н. Марголина на имя Витебского гражданского губернатора, в которых он сообщает о прошениях жителей задвинской части города Полоцка. Дважды они обращались к почётному блюстителю Полоцкого казённого училища об учреждении одноклассного еврейского училища для обучения мальчиков русской грамоте, арифметике и

чистописанию в своём районе, так как они не имели возможности посещать Полоцкое казённое училище. Почётный блюститель составил подробный план работы будущего учебного заведения, подсчитал ежегодную сумму затрат на содержание — 415 рублей. Липа Марголин, будучи человеком предприимчивым, знал, как сэкономить. Он предложил должность содержателя и преподавателя училища полоцкому общественному раввину Залману Финкельсону, который в просьбе не отказал. Однако, кроме переписки, никаких сведений о деятельности этого учебного заведения в задвинской части города Полоцка не выявлено.

Ирина Воднева. Еврейские учебные заведения Полоцка (1851–1917).

Смотрителем училища был преподаватель русского языка и арифметики Семён Ионович Субботник (вероисповедание — иудейское), окончил курс в Виленском раввинском училище со званием учителя казённого еврейского училища 2-го разряда. Его жалование — 250 рублей и квартира в натуре (т.е. получение собственником отдельного, изолированного помещения — комнаты, части кухни, санузла — в качестве самостоятельного объекта недвижимости, которым можно управлять по своему желанию, например, продать или сдать в аренду).

Учителем общих предметов был Яков Сергеевич Каплан (вероисповедание — иудейское). Окончил курс Виленского раввинского училища со званием учителя казённого еврейского училища 1-го разряда. Жалование — 225 рублей. Учителем еврейских предметов был Давид Моисеевич Гурвич (вероисповедание — иудейское). Окончил курс Виленского раввинского училища со званием раввина. Жалование — 225 рублей.

Памятная книга Виленского учебного округа на 1874 г., Вильна, Печатня А.Г. Сыркина.

1 ноября 1878 года казённая школа в Полоцке была переименована в начальную одноклассную еврейскую школу. Заведующим стал Мирон Гиршевич Крамник, помощниками педагога работали Иосиф Деречинский, Арон Дрозин, Ор Пяткун, Ошер Штерн, Давид Сайдинский. Размещалась школа на улице Витебской в доме Райкина. Появились ремесленные классы. Казённые еврейские школы находились на содержании общины. Так, в 1861 году было потрачено 1111 рублей.

Евреи заботились о получении традиционного образования не только мальчиками, но и девочками. В Полоцке работал еврейский женский одноклассный пансион, который держала Маркель. Он был открыт в 1858 году, в нём обучались 12 девочек. В 1860 году пансион посещали 30 учениц, в 1861 году — 18, в 1862 году — 12.

В 1904 году в Полоцке было открыто частное женское училище с подготовительным классом, которым заведовал Михель Иосель Шнеер. Еврейский язык девочкам преподавал Давид Калман Берзон, музыку и пение — Константин Сильвестрович Кабяка, общие предметы — Метля-Стерна Абсель, Енета Берлин и Сима Шнеер.

В 1909 году было открыто женское профессионально-техническое училище с подготовительным классом. Оно находилось в каменном доме, который вместе с землёй принадлежал почётной гражданке города Баркан Шейне Нохимовне. Она взяла на себя все расходы на оборудование училища. Обучение в нём было рассчитано на получение начального образования сиротами и девочками из бедных семей, а также получение профессии белошвейки и обучение портняжному делу.

Попечительский совет состоял из 10 человек. Средства на содержание училища предоставляли: 1200 рублей — Б. Баркан, 2200 рублей ежегодно — М. Баркан, АРП —

200 рублей, пожертвование от частых лиц, сборы от концертов и вечеров, плата за обучение, прибыль за работу учениц, пожертвование от Полоцкого коробочного сбора.

Училище считалось двухклассным. Полный курс обучения составлял четыре года. В подготовительном классе учили только общеобразовательным предметам, обучение шло на русском языке, учили русский язык, арифметику, географию, были уроки чистописания. В первом классе учили Тору, древнееврейский язык, толкование важных молитв, историю, рисование, пение, начиналось обучение ремёслам. Во втором классе — только ремёсла. Контингент училища — еврейские девочки от 10 до 15 лет.

В начале XX века в Полоцке работало государственное народное еврейское училище, в котором училось 70 юношей. Такие училища акцентировали внимание на изучении общеобразовательных предметов на русском языке, что, конечно, беспокоило часть еврейского населения. В ответ появлялись частные Талмуд-Торы, в которых обучение проводилось в традициях еврейского образования.

В государственном народном еврейском училище заведующим был Деречинский, педагогами — Калман, Пруслин, помощником педагога Александр Лазаревич Дронзик, в подготовительном классе работал Моисей Юделевич Левинсон. Дронзик и Левинсон окончили еврейский учительский институт.

Адукацыя на Полаччыне: з гісторыі яўрэйскай школы, даследчая праца, аўтар З.Дз. Шклянік, настаўнік рускай мовы і літаратуры, в. Бабынічы, 2016 г.

Открыть частную школу или училище было очень сложно. Вместе с ходатайством в Попечительский совет дирекции народных училищ необходимо было подать план открытия,

программу обучения, документ на звание учителя, справку о материальном положении и благонадёжности. Даже это не гарантировало право на открытие.

В 1909 году учитель Полоцкого еврейского начального училища М. Бегак подаёт прошение об открытии в Полоцке частной мужской вечерней школы для евреев-ремесленников моложе 14 лет при частном училище Александровой.

Эту идею поддержал Витебский губернатор при условии «строгого надзора со стороны учебной инспекции за преподаванием».

Однако Попечительский совет Виленской учебной округи не удовлетворяет ходатайство, аргументируя тем, что М. Бегак находится на учительской службе, деятельность вечерних училищ является нежелательной, в случае необходимости в Полоцке для ремесленников может быть открыта воскресная школа.

Когда началась Первая мировая война и в Полоцк хлынул поток беженцев-евреев, были открыты школы для их детей. В 1916 году действовали две таких школы.

Заботу об образовании детей проявляли не только родители, что считалось святой обязанностью каждого еврея, за этим неустанно смотрели общины во главе с раввином. В начале XX века в Полоцке для евреев, которые не могли оплатить обучение своих детей, существовали благотворительные общества, например, «Общество вспомоществования бедным евреям», которые занимались не только вопросами образования, но и повседневной жизни.

В 1916-1917 годах в Полоцке работал Еврейский комитет помощи беженцам. К нему обратилась администрация объединённой с Талмуд-Торой еврейской мужской беженской школы с ходатайством о принятии на должность учителей общих предметов Баси Хацкелевны Аронсон и Ципоры Давидовны Берзон, дочери учителя женского

еврейского училища Д.К. Берзон. В школе не хватало учителей, так как общее количество учащихся в конце 1916 года составляло уже 140 человек.

Таким образом, в Полоцке с середины XIX века до 1917 года действовало несколько начальных учебных заведений для еврейских детей.

Ирина Воднева. Еврейские учебные заведения Полоцка (1851–1917).

Будущее народа всегда определяют дети, молодые люди. Если они получают образование, знают родной язык, традиции народа, его историю — будущее у народа есть. В первые десятилетия XX века значительная часть еврейской молодёжи стремилась узнать русскую культуру, которая казалась ей прогрессивной, стремилась перебраться через черту оседлости, получить работу в больших русских городах или оказаться в Европе. Несмотря на эти объективные тенденции, будущее евреев-литваков, в том числе полоцких евреев, казалось прочным, если не на века, то уж точно на долгие десятилетия.

Но всё стало меняться очень быстро. После революции 1917 года произошли изменения и в еврейском образовании на Полотчине. Специфика времени наложила на него отпечаток — началась активная борьба с религиозным «дурманом». В помещении бывшей Талмуд-Торы организован детский еврейский клуб, летом работал лагерь на 150 человек. Были организованы еврейский детский садик, еврейская школа 1-й ступени, 2-я еврейская школа 2-й ступени. Работали курсы на идиш для взрослых, ликбезпункт на идиш. При помощи Джойнта была открыта еврейская профессионально-техническая школа металлистов.

Хедеры перешли на нелегальное положение. В 1920-х годах в Полоцке прошла кампания борьбы с нелегальными хедерами, был организован большой детский

митинг, на котором потребовали закрыть все нелегальные хедеры. В 1921 году прошёл показательный суд над хедерами и меламедами.

В 1921 году заведующий евсекцией Дардак выступил с докладом о деятельности «Комиссии по ликвидации хедеров»: «Комиссия в составе трёх тов.: завсекцией тов. Дардака, председателя Укомола тов. Босионка и ответственного секретаря евсекции Р.К.И. тов. Зайденвара приступила к обследованию хедеров 15 декабря. Во всём Полоцке и по ту сторону имеются 12 частных хедеров и Талмуд-Тора, состоящая из 4 меламедов, и 1 Талмуд-Тора из 1 меламеда по той стороне. Всего 17 меламедов. Детей, посещающих частные хедеры — 157, Талмуд Тору — 145. Всего 302 детей. Из этих детей 56,2 % посещают общеобразовательные школы, т. е. 170 детей посещают школу. Возраст этих детей таков: от 6—8 лет — 69 детей, от 8—10=89, от 10—12=123 детей, от 12—14=31 ребёнок. Характерно, возраст меламедов всего 998 лет. Средний 58,7. От 26—40=2 меламеда, от 40—50=1 меламед, от 50—60=3 меламеда, от 60—70=9 меламедов, от 70—80=1 меламед, от 80 и выше 1. Самый младший возраст — 26, самый старший — 82. Характерно ещё социальное положение родителей учащихся: 56,4 % — мелких торговцев, 53,6 % — трудового элемента как то: сапожники, слесаря и разные другие. Комиссия должна ещё констатировать, что в хедерах существуют телесные наказания — бьют детей. Мы даже нашли разные приспособления для телесных наказаний как то: нагайка, пояс и т. п. Что касается гигиены хедеров, мы должны их закрыть по чисто санитарным условиям. Если до сих пор рекомендовали защитники хедеров “идейную борьбу”, то теперь это окончательно отпадает, ибо если раньше твердили: откройте школы, и вопрос о хедере сам собой ликвидируется, то теперь нам ясно, что даже если бу-

дуг открыты школы, хедеры всё равно будут существовать, т. к. фактически больше половины детей посещают школы».

Л. Хмельницкая. Возраст меламедов — 998 лет. журнал «Мишпоха» № 12(2), 2002 г.

Заведующий евсекцией Дардак заявил: «Сейчас мы должны приступить к закрытию хедеров путём репрессивных мер.

Если по разным причинам закрывать частные хедеры рано, то закрыть Талмуд-Тору необходимо». В докладе названы фамилии членов подпольного комитета по организации религиозного образования в Полоцке: 1. Шалман Алтэр — лавочник; 2. Лурье Давид — лавочник; 3. Мирковский (имя неразборчиво) — лавочник; 4. Штеймцел Бенцион — служащий; 5. Баскин Мата — лавочник; 6. Ордов Иосиф — служащий; 7. Словин Мендель — служащий; 8. Пейтер Бенцион — лавочник; 9. Фридлянский Я. — служащий; 10. Райкин Мендель — лавочник; 11. Марголин Янкель — лавочник.

«Комитет необходимо привлечь к ответственности как нелегальную организацию. Что касается детей из закрытых хедеров и Талмуд-Торы, выброшенных на улицу, евсекция определит их в школы».

*Государственный архив Витебской области.
Ф. 246, оп. 1, д. 41, л. 35-35 об.*

Однако не прекратили работу еврейские религиозные школы. В 1922—1929 годах подпольным еврейским религиозным образованием в Полоцке руководил Шлойме-Хаим Кисельман, арестованный в 1929 году, хотя и его арест не остановил процесс подпольного еврейского образования.

В конце двадцатых годов в подпольных хедерах Полоцка училось около 100 детей под руководством Аврама Дрейзина. В Полоцке работала одна государствен-

ная еврейская школа № 6 с преподаванием на идише, директором которой был Бляхман. В 1939 году в городе закрывают еврейский детский садик.

Количество учащихся, которым родители хотели дать еврейское образование, неизменно сокращалось по вполне понятным причинам — дальше они нигде не могли учиться. Чтобы получить среднее специальное или высшее образование, необходимо было хорошо знать русский язык. Поэтому, когда утверждают, что родители сами забирали детей из еврейских школ, в этом есть и правда, и неправда.

Так был решён еврейский вопрос в сфере образования.

«Важнейшее значение для развития Полоцка имела постройка Риго-Орловской железной дороги. Движение на участке от Двинска (Даугавпилса) до Полоцка было открыто в 1866 году. Главным предметом погрузки и отправки были лесные материалы и сельхозпродукты. В 1880 году на станцию Полоцк прибыло 153 тысячи пудов хлеба, около 100 тысяч пудов разных продуктов и более 900 тысяч пудов промышленных товаров. Отправлено около 167 тысяч пудов хлеба, около 400 тысяч пудов продуктов, около 1 миллиона пудов промышленных товаров.

Правда, в торговле лесом ведущую роль по-прежнему играла Западная Двина. В 1865 году по ней прошло 13,3 тысячи плотов».

Книга «Полоцк». Минск, 1962 г.

Евреи Полоцка активно развивали промышленность, строительство, торговлю, другие сферы частного бизнеса. Самыми крупными предприятиями Полоцка были паровая мельница братьев Левиных, овощное хозяйство Галёркиных, лесопромышленное хозяйство Брейдо и табачно-махорочная фабрика Янкеля Ривлина (работало 30—40 человек).

«Табачно-махорочная фабрика Янкеля Ривлина работала в Полоцке с 1882 по 1917 год. Сначала фабрика

размещалась в двухэтажном доме купца Лейбы Эпштейна на Верхне-Покровской улице (теперь ул. К. Маркса, 20). Хозяин фабрики купец 2-й гильдии Янкель Ривлин некоторое время не имел значительных капиталов. На фабрике работало чуть более десяти человек, товар реализовывался в Полоцке и Полоцком уезде. Но уже в 1891 году фабрика размещается в центре города в собственном двухэтажном доме, напротив рыночных магазинов на улице Спасской (теперь ул. Энгельса). Хозяин вкладывает новый капитал и приблизительно в 1896 году приобретает газовый (нефтяной) двигатель фабрики "Грод и К" в Лейпциге.

Рабочий день на фабрике начинался в 8 часов утра и заканчивался в 8 вечера. Перерыв на обед с 14 до 16 часов.

В связи с тем, что на фабрике все рабочие сначала были евреи, накануне еврейских праздников и субботних дней работы заканчивались в 16 часов летом и в 14 часов зимой.

В воскресенье фабрика начинала работать после 14 часов. Также фабрика не работала в праздничные дни, как еврейские, так и христианские: всего 27 дней в году — 18 христианских и 8 еврейских.

С 1910 года на фабрике также работают рабочие-христиане. Сохранился документ от 30 апреля 1910 года с просьбой инспектора хозяину фабрики предоставить возможность 8 православным рабочим принять участие в перенесении мощей Евфросинии Полоцкой.

Расчёт с рабочими производился еженедельно по четвергам, за исключением рабочих, которые занимались упаковкой и заклеиванием бандеролей — они получали деньги 2 раза в месяц — 1 и 15 числа. Хозяин имел право за плохую работу и нарушение дисциплины отказать рабочему в месте. Рабочие получали в месяц от 3 до 17 рублей. Самая большая зарплата была у рабочего, который занимался сушкой и изготовлением табака. В 1901 году

на фабрике работало 30 человек, из них 8 женщин. ...В 1916 году фабрика считается табачно-махорочной фабрикой Ш.Я. Ривлина и М.Л. Коцельсона. Количество рабочих с 1914 по 1917 год — от 28 до 17 человек».

Краско О.Д. Опыт монографического изучения Полоцкой табачно-махорочной фабрики. IV Международная конференция «История и археология Полоцка и Полоцкой земли». 23-24 октября 2002 г. Полоцк, 2002, Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник. (На белорусском языке.)

«В 1866 году зарегистрирован водочный завод Гуревича. ...Винокурни были небольшие, но с ростом выпуска спирта происходило укрупнение винокуренных предприятий. Так, завод купца Хайкина с количеством рабочих от 12 до 20 человек, двумя паровыми двигателями работал в Полоцке в 80-е годы XIX века. Продукция вывозилась в Варшаву, Москву, Виленскую и Смоленскую губернии.

В 1785 году в Полоцке появился первый пивоваренный завод Хайкина на Нижнепокровской улице. В 60-е годы зарегистрированы ещё два завода: Шуера на Рижской улице и Тампаркина на Нижнепокровской улице. Это были небольшие заводы. Они выпускали баварское пиво и сбывали его только в Полоцке.

Вторая табачная фабрика, принадлежавшая купцу Моисею Коцу, находилась на улице Школьной. На ней работало 29-30 человек. Табачный лист завозился главным образом с юга России, продукция сбывалась в границах Полоцка и Полоцкого уезда. В 1901 году осталась только одна табачная фабрика Ривлина, на которой работало 38 рабочих.

В связи с ростом города получило развитие производство строительных материалов, в первую очередь кирпичей и извести. Ещё в 40-е годы XIX века начали работать два

завода по выпуску извести мещан Хайкина и Зингера. Они находились на берегу Двины. В 1901 году остался только завод Зингера, где работало 10 рабочих.

В конце 80-х годов XIX века при железнодорожной станции Полоцк открылась спичечная фабрика Гринберга, где работало 27 рабочих.

О.Д. Краско. Основные тенденции развития промышленности Полоцка во второй половине XIX века — первом десятилетии XX века. Материалы научно-практической конференции. Полоцк, 2001. (на белорусском языке.)

Водяные мельницы на реке Полоте принадлежали Бондаревичу, Райкину, Галёркину. Завод сельтерских вод — Ривкину. На этом заводе работало всего 4 человека.

Часто встречается мнение, что фабрики и заводы Полоцка были национализированы после революции. Еврейские предприятия в Полоцке закрывали ещё в годы Первой мировой войны, когда евреи находились под наблюдением царской охраны. Это касается кожевенного завода Пинхуса Ильмера, паровой мельницы Левина, завода минеральных вод Юдина и других предприятий. Причины находились разные. Но главная была одна — недоверие властей к евреям. Табачная фабрика Ривлина сохранилась только потому, что нужен был табак для солдат.

В Полоцке жили и работали крупные купцы-оптовики: Минц (мануфактура), Шлосберг (магазины, дома), Бедняцкий, Каценельсон, Гофеншефер (магазины, дома), Рабинович, Гуревич, Эпштейн (складские помещения, изделия из железа), Левин (магазины, дома) и другие.

Большинство же евреев, занимавшихся розничной торговлей, держали небольшие магазины или лавки.

Часть евреев занималась надомным трудом, имела не-

большие мастерские, где работал сам владелец, и было немного таких, где кого-то нанимали. Мастерские были обувные, швейные, шапочные, по изготовлению шляп, часовые и ювелирные, парикмахерские, хлебные магазины, пекарни, мастерские по ремонту и изготовлению изделий из металла, фотомастерские, типографии, банковские конторы и другие. Работали переплетчики, столяры, извозчики и т.д.

Дэйніс І.П. Полацкая даўніна, Минск, «Медисонт», 2007, с. 107.

«Первые “Общества взаимного кредита” на белорусских землях были открыты в 1874 году в Могилёве и Минске, а с 1 августа 1880 года такой банк стал функционировать в Полоцке.

В статистических справочниках XIX века указывалось, что председателем правления банка с 1880 по 1886 год являлся Полоцкий городской голова Николай Васильевич Литвинов. Часто именно городское самоуправление инициировало создание подобного рода заведений, а накануне создания банка, в 1879 году, Николай Васильевич был избран гласными на первый срок. Преподаватель Полоцкого кадетского корпуса был человеком с активной жизненной позицией, поэтому создание финансового учреждения для мелкого и среднего бизнеса было в его стиле. Под руководством председателя разрабатывался проект Устава банка, готовились списки членов общества, заручались поддержкой губернского правления.

Скорее всего, в 1887 году его сменил полоцкий купец 2-й гильдии Нохим Янкелевич Рабинович. Он занимал эту должность в 1900–1910 годы.

Ещё в 1870-е годы Н.Я. Рабинович выкупает участок земли в центре Полоцка, где в скором времени возводит самую крупную гостиницу города – “Гранд-Отель”. В одном из 4-х корпусов гостиничного комплекса, на углу

улиц Витебской и Поперечной (ныне пр. Ф. Скорины и ул. Ленина), на 1-м этаже и разместился частный банк “Общество взаимного кредита”. Н.Я. Рабинович был в Полоцке хорошо известен. Он на несколько сроков избирался в состав городской думы, был попечителем городской больницы, оказывал помощь малоимущим евреям.

Последним председателем правления банка в 1911–1914 годах стал Гирша Беркович Минц, сын крупного землевладельца, держателя торговых магазинов галантерейных и колониальных товаров, еврейской столовой для бедных, а также построившего на свои деньги здание для еврейской больницы на ул. Невельской (ныне ул. Войкова, д. 6).

Согласно Уставу, работой банка заведовали Общее собрание, Совет общества, Правление и Приёмный комитет. Организацией повседневной работы занимались директор и директор-распорядитель, которые обычно являлись и держателями акций. В сохранившихся документах Полоцкого “Общества взаимного кредита” первым в списках шёл директор, а вторым — директор-распорядитель. Должность директора в 1880–1885 годах занимал рижский купец 1-й гильдии Николай Андреевич Шиман. Следующие 20 лет директором банка был полоцкий купец 2-й гильдии Лев Милентьевич Кузьменко, владелец нескольких зданий в центральной части города.

В 1895 году в собственном доме на улице Витебской ему принадлежала лавка с золотыми и серебряными изделиями, в которой по доверенности могла торговать и его супруга. Также в доме Кузьменко размещались галантерейная лавка Фейги Марголиной с годовым оборотом 3 тысячи рублей и лавка с мануфактурным товаром Цевеля Гейликмана с оборотом уже 15 тысяч рублей. Лев Милентьевич, сдавая в аренду помещения, имел хорошую прибыль: в первом случае — 240 руб., а во втором — 330 руб. ежегодно. На самом

крупном городском рынке в каменных рядах в собственном доме Л.М. Кузьменко также сдавал помещения ещё нескольким купцам 2-й гильдии. Три лавки с мануфактурным товаром принадлежали Мовше Левиту, Михелю Драпкину и Мовше Вельтману. Во всех магазинах по доверенности могли вести торговлю жёны владельцев лавок.

...Также известны имена бухгалтеров банка "Общества взаимного кредита". Главным бухгалтером был Арон Овсеевич Вольберг, его помощником Беньямин Лазаревич Ривлин, родной брат владельца табачно-махорочной фабрики Я.Л. Ривлина (сегодня — здание Полоцкого ГРОЧС). В финансовом отчёте за 1907 год упоминается и сын Янкеля Лазаревича — Шалом (1862 г. р. — ?) как член ревизионной комиссии».

*Ирина Воднева. Полоцкий частный банк
«Общество взаимного кредита»: как это было.*

Второй банк в Полоцке принадлежал Колдобкину.

В 1913 году евреям в Полоцке принадлежали все 4 аптеки, все 15 складов аптечных товаров, 7 булочных и кондитерских, 2 гостиницы, все 6 бань, единственная парикмахерская, 5 трактиров, все 6 часовых мастерских, лодочные станции, кинотеатр, 3 типографии, паровая мельница, слесарная мастерская, махорочная фабрика, около 300 лавок и магазинов (в том числе 67 бакалейных, 12 пивных, все 10 обувных, все 34 мануфактурные, все 15 магазинов готового платья). 9 евреев сдавали меблированные комнаты, 6 занимались торговлей зерном.

Евреями были все 12 лесопромышленников в Полоцке.

«Старейшей в городе была типография виленского мещанина Хаима Вульфова Клячко.

Он приехал в Полоцк в 1874 году и сразу же развернул своё дело. Имел домашнее образование, нигде не учился, тем не менее пользовался уважением за ответственное

выполнение заказов. Имел большую семью: жена Бася Лейзеровна, четыре сына и две дочери. Ещё одна дочь жила отдельно в Вильно.

Полоцкий полицмейстер подчёркивал, что семейство Клячко нравственных качеств, ни в чём предосудительном не было замечено.

...В 1913 году с ходатайством издавать в типографии Х.В. Клячко еженедельник "Полоцкая жизнь" обращается мещанин Мейер Еселев Аронов. И наконец, в 1913 году появляется "Полоцкий листок" ежедневная городская газета. Редактор И. Райхер. Неизвестно, сколько времени она существовала, сохранилось только 10 номеров за 1913 год.

Работа в полоцких типографиях не прекращалась даже в годы Первой мировой войны.

Хаим Клячко стал выпускать сводки главного штаба, а потом Ставки Верховного командования о ходе военных действий. Выпускались они на небольших листах дешёвой цветной бумаги обёрточного типа... Из них горожане раньше узнавали новости, чем из газет, которые из Петербурга и Москвы приходили на 2-й, а то и на 3-й день».

А.В. Возьмитель. Типографское дело в Полоцке во второй половине XIX–XX вв. Материалы научной историко-краеведческой конференции. 2001 г., г. Полоцк.

У еврейской благотворительности в Полоцке хорошие и давние традиции.

В 1851 году на средства купца 2-й гильдии Боруха Немцова было создано «Общество призрения бедных евреев». Сегодняшнему читателю надо объяснить это название. «Общества призрения бедных евреев» были распространёнными благотворительными организациями в Российской империи, занимавшимися социальной помощью. Такие общества обеспечивали поддержку нуждающихся,

престарелых, сирот, а также занимались сбором одежды и продуктов для бедных.

В 1905 году в Полоцке была построена новая еврейская больница, содержавшаяся на средства предпринимателя Минца (врачи — Ф. Блюм и А. Фридман). Она находилась на ул. Невельской в собственном доме. Работали аптека еврейского благотворительного общества для бесплатной выдачи лекарств бедным (ул. Азаровская, собственный дом), богадельня, или официально «Еврейское общество пособия бедным» (ул. Азаровская, собственный дом, председатель Б.Л. Баркан) и еврейская столовая для бедных (ул. Азаровская). Кроме них в Полоцке действовало еврейское женское благотворительное общество.

«Некоторые купцы, например, Минц, Рабинович, Баркан, занимались благотворительностью. Минц построил еврейский приют для стариков и больных, открыл еврейскую аптеку, где беднякам бесплатно выдавали лекарства (в этом здании теперь типография им. Ф. Скорины). Другие состоятельные евреи вместе с Барканом открыли в двухэтажном каменном здании на улице Войкова, 8 еврейскую больницу. Сейчас тут квартиры, а в годы войны (1941 — 1945) размещалось гестапо, в подвалах были тюрьма и комната пыток».

Дэйніс І.П. Полацкая даўніна. Мінск, «Медисонт», 2007, с. 107.

В ноябре 1907 года был утверждён Устав Полоцкого еврейского погребального общества. Его целью являлось устройство и наблюдение за кладбищами, поддержка вдов и сирот. Учредителями общества стали 27 человек, в том числе купцы 1-й гильдии Н. Рабинович, Б. Минц, З. Нанизовский, М. Эпштейн, потомственный почётный гражданин А. Баркан. При вступлении в общество вносился обяза-

тельный взнос (не менее 10 рублей), ежегодный взнос (не менее 3 рублей). Правление состояло из 12 человек, избираемых на общем собрании.

«Мишпоха», № 1, А. Подлипский. Помоги ближнему. с. 67.

В 1877 году в городе было создано Полоцкое вольно-пожарное общество (ВПО). По инициативе полочан добровольная организация стала помощником для городской пожарной команды, которая несла полную ответственность за пожарную безопасность в городе.

По мнению людей, не очень хорошо относящихся к евреям, они «поджигатели» всех войн, конфликтов и инициаторы других негативных событий. По архивным данным, евреи, во всяком случае, в Полоцке, помогали тушить многие пожары.

Ирина Воднева. С пользой для города.

«В числе первых членов Полоцкого ВПО был еврейский купец Залман Марголин, занимавший в 1880-е годы должность брандмейстера.

Согласно Уставу пожарного общества брандмейстером называли начальника отделения, который полностью отвечал за работу своего подразделения во время пожара. Залман Гиршевич Марголин с первых лет существования ВПО был в числе его активных членов. Уже в мае 1884 года в канцелярию витебского губернатора поступил рапорт полоцкого полицмейстера А.П. Радзеевского о представлении к награждению серебряной медалью "За усердие" двух брандмейстеров ВПО – 28-летнего потомственного полоцкого дворянина Иосифа Иосифовича Олендского и 35-летнего полоцкого купца З.Г. Марголина. После сбора данных о том, что полочане "не принадлежали к раскольническим сектам и скопчеству", И.И. Олендскому отказали,

так как “дворянам такие медали не жалуют”. В отношении купца Марголина, спустя почти год после подачи прошения, в марте 1885 года поступило распоряжение, что “император согласен повествовать за отличие на службе брандмейстеру Залману Марголину серебряную медаль с надписью “За усердие”. Это была первая государственная награда в копилке полоцкого добровольца, за которую по квитанции он уплатил 7 с половиной рублей. Известно, что эти деньги пошли “...в доходы Александровского комитета... в пользу увеченных воинов”.

Спустя два года, в июле 1887 года, на имя витебского губернатора исполняющий делами полоцкого полицмейстера Браун подготовил очередной рапорт вновь о награждении Марголина, который официально в документах именовался как Семён Григорьевич: “...Марголин личными заботами и материальными средствами сильно поддерживает состав членов исполнителей общества и с пользою для города исполняет обязанности брандмейстера вольно-пожарного общества”.

Господин Браун представлял Семёна Григорьевича к награждению уже золотой медаль с надписью “За усердие”. Однако для получения очередной медали нужно было прослужить ещё как минимум пять лет, поэтому в ответе на рапорт полоцкого полицмейстера указывалось, что ввиду неоказания Марголиным после 1885 года “никаких особых заслуг, я не вижу оснований к исходатайствованию в столь короткий промежуток времени испрашиваемой вами награды”.

О дальнейшей судьбе Залмана Гиршевича Марголина ничего не известно. Но для истории пожарного дела Полотчины это имя стало первым в списке брандмейстеров Полоцкого вольно-пожарного общества, которому в 2027 году исполнится 150 лет со дня основания».

Также в числе активных членов Полоцкого вольно-пожарного общества были Волкинд Гирша Лейбович, 1876 г.р. На начало 1920 года проживал на ул. Стерецкая, 21. В Полоцком ДПО числился лазальщиком, состоял в обществе с 1905 года.

Лейба Донович Галёркин, 1883 г. р., лазальщик, вступил в Полоцкое ВПО в 1914 году, огородник, проживает в Просмушках.

Борух Донович Галёркин, 1897 г. р., в 1924 году лазальщик Полоцкого ДПО, проживает на городском острове, огородник.

Полоцкая жизнь во все времена складывалась из событий, которые сегодня, по прошествии большого отрезка времени, могут показаться малозначительными. Но тогда о них говорил весь город.

...Хроника 1887 года от полицмейстера Брауна.

*Национальный исторический архив Беларуси.
Ф. 1430, о. 1, д. 38928.*

«Полоцкого полицмейстера еженедельная записка.

1887 года Апреля 29 дня.

9-го сего Апреля в здании Полоцкой Городской управы состоялось собрание еврейского общества для обсуждения вопроса о коробочном сборе. Содержатель коробочного сбора Лазарь Баркан совместно со своей партией, состоящей из его сына Бениомина Баркана, купца Нохима Рабиновича (тестя Лазаря Баркана), в собрании употребляли все возможные меры для того, чтобы иметь более выгод для содержателя откупа Лазаря Баркана, так что собравшемуся обществу давали подписывать приговоры, содержание которых многие не знали, а подписывали только по инициативе партии Баркана. В этом собрании между прочих был предложен вопрос городской бойни, и

для этого даже некоторыми лицами предлагались пожертвования, но между тем вопрос этот остался не разрешён, потому что он служил бы в ущерб интересам Баркана, так как за право бить скот в бойне, содержимой Барканом от Гласко, уплачивается ему, Баркану, за каждую штуку 85 коп., кроме расходов по убою скота, резнику и другим, чрез то в городе Полоцке еврейское мясо слишком дорого, и само общество разделилось на две партии: одна — под управлением Баркана, а другая — купца Эпштейна, желающая сделать облегчение для бедных жителей, и эти партии враждуют между собой...

И. д. полицмейстера Браун

л. 32

1887 года Июля 25 дня.

23-го сего Июля в здании Полоцкой Городской Управы, вечером, в присутствии Городского Головы Литвинова, членов Управы и многих гласных Думы, собравшихся для утверждения городской росписи доходов и расходов и обсуждения других вопросов, гласный Думы Полоцкий купеческий брат Абрам Эпштейн обругал гласного Думы потомственного почётного гражданина Бениомина Лазарева Баркана без всякого основания разными неприличными словами. На просьбу Баркана Городской Голова Литвинов не остановил Эпштейна к прекращению брани и ругательства, и чрез это гласный Баркан вынужден был уйти из здания Управы, не присутствовавши при решении дел, касающихся гласных Думы, и как я частно слышал, Баркан послал о сём телеграмму Начальнику Губернии...

И. д. полицмейстера Браун

л. 34

1887 года Августа 7 дня

7-го сего Августа в три четверти пятого часа утра началось и в шесть часов семнадцать минут окончилось солнеч-

ное затмение, которое в гор. Полоцке было полное, ничего особенного, заслуживающего внимания не произошло. В избежание разных толков по поводу солнечного затмения мною было сделано распоряжение об объявлении жителям города, что явление это есть обыкновенное; до окончания затмения скот в поля не выгонялся; арестанты в тюремном замке были на запоре. Для наблюдения за этим явлением был, приехавши из Киева, профессор Статский Советник Фабрициус и много других чиновников и жителей других мест. Погода 7 Августа утром стояла самая благоприятная для наблюдения...

И. д. полицмейстера Браун

л. 46

1887 года Октября 1 дня

28-го минувшего Сентября семейство Полоцкого 1-й гильдии купца Бейнуса Беркова Витенберга в пять часов вечера (т. е. время, дозволенное для гуляния публики) гуляло на плацу, принадлежащем гор. Полоцку, где между прочими гуляли и кадеты Полоцкого Кадетского корпуса, и последние без всякой со стороны детей Витенберга причины выругали их последними словами и бросали камнями и каштанами с дерев, дети Витенберга об этом заявили дежурному воспитателю корпуса Подполковнику Чижу, но последний, на их заявление не обратив никакого внимания, лишь только сказал: "что когда не нравится гулять на плацу, то и не гуляйте"; в это время на плацу гуляло и ещё много публики, так как до 4 часов пополудни по постановлению Городской Думы гуляют на плацу кадеты, а с 4 часов во всё остальное время предоставлено право гулять публике.

30-го Сентября в то же время в пять часов вечера потомственный почётный гражданин Бениомин Лазарев Баркан, он же Директор Банка Взаимного Кредита и Директор

Тюремного Отделения, взошёл на плац гулять, где в это время было довольно много народа, так как было время для гуляния публики, и когда Баркан поровнялся с поставленным на посту около плаца для наблюдения городовым Черкасом, то сей последний, подойдя к Баркану, просил его сойти с плаца, так как на таковом гуляют кадеты, но когда Баркан сказал Черкасу, что теперь время пять часов для гуляния публики, а не кадетов, и что он, Баркан просит Черкаса сказать ему, что он приказывает ли ему сойти с плаца или просит, то Черкас ответил, что просит, после этого разговора Баркан стал продолжать гулять, и лишь только он сделал несколько шагов по плацу, как к нему подошли служители Полоцкого Кадетского корпуса Василий Терентьев, Пётр Бурдилов, Степан Борисов и Влас Кузьмин и без всяких со стороны Баркана причин подхватили его под руки и потащили якобы к Директору корпуса, но по дороге раздумали и подвели к Дежурному офицеру корпуса Штабс-капитану Давыдову, у которого Баркан спросил, что он приказывает его свести с плаца, на это Г. Давыдов ответил отрицательно, тогда служители, означенные выше, не удовлетворяясь распоряжением Г. Давыдова, стали-таки стаскивать Баркана с плаца, в это время Баркан, отмахиваясь от них, ударил двух служителей находившимся у него в руках зонтиком, сделал это Баркан по неосторожности и в виду крайнего возбуждённого состояния. Видя эту сцену, находившийся на плацу двоюродный брат Баркана, Мендель Баркан, хотел заступиться за брата, то означенные выше служители корпуса, избив Менделя Баркана, с помощью городского Черкаса, который во всё это время был тут же и не только не заступился за права Барканов, но и сам их ругал, посадили Менделя Баркана в арестантскую камеру, находящуюся при пожарном дворе, когда же Бениомин Баркан хотел сесть на

легкового извозчика Фурса и на таковом доехать до моей квартиры и дать обо всём знать мне, то те же служители стащили Баркана с извозчика, и он вынужден был дойти до моей квартиры пешком. По получении означенного выше заявления в 5 часов вечера я тотчас же прибыл на плац, где из расспросов очевидцев означенного скандала вполне подтвердилось заявление Баркана, а потому сейчас же распорядился освободить Менделя Баркана из-под ареста, городского Черкаса тут же уволил от службы, а Приставу города Полоцка поручил произвести дознание за нарушение общественной тишины, самоуправство и насилие означенных сторожей, каковое дознание и производится и по окончании будет передано по принадлежности для подвергнутия виновных ответственности.

1-го сего Октября при встрече моей с Директором корпуса Генерал-Майором Тыртовым... он, Г. Тыртов, обещал подвергнуть их [служителей] взысканию, за нанесение же будто бы Барканом удара зонтиком одному из служителей, который оказался будто бы барабанщиком, состоящим на действительной службе, он будет просить подвергнуть Баркана должному взысканию, на это я ответил Г. Тыртову, что, насколько мне известно, ни один из служителей во время скандала, произведённого 30 Сентября, не был во время служебных своих обязанностей... Баркан вместе с сим подаёт жалобу Военному Министру...

И. д. полицмейстера Браун.

л. 85

1887 года

Декабря 30 дня

Член Полоцкой Городской Управы купец Самуил Нохимов Лившиц, разновременно заняв у жителей г. Полоцка на покупку льна до 35 000 руб. наличными деньгами, неизвестно куда из гор. Полоцка скрылся, и, как утверждают многие из

жителей, он, Лившиц вместе с семейством уехал за границу... И. д. полицмейстера Браун».

В январе 1905 года Полоцк, как и большинство городов европейской части Российской империи, был охвачен революционными волнениями. У еврейских революционных групп уже был небольшой организационный опыт. В 1902 году в Полоцке появился кружок Бунда. (Бунд – еврейская социал-демократическая партия, которая защищала интересы еврейских рабочих, выступала за светскую культуру на идише, национально-культурную автономию и гражданские права в странах Российской империи). В начале 1904 года Бунд провёл ряд собраний в Полоцке. Участвовало свыше 500 еврейских рабочих. Местная организация Бунда печатала прокламации на идише, распространяла газету «Дер Бунд».

В 1904 году в Полоцке была приблизительно одна тысяча еврейских рабочих (опять же приблизительно 65 % от общего количества).

В этом же году в городе был создан революционный комитет РСДРП, который совместно с еврейскими революционными организациями осуществлял руководство выступлениями рабочих и служащих во время первой русской революции.

«Многие из рабочих евреев, чувствовавших давление как со стороны своей буржуазии, так и российской были настроены революционно и объединялись в разные организации политического направления и партии. Среди них были бундовцы, товарищи РСДРП. Часть бундовцев после революции вступила в ряды коммунистической партии большевиков».

Дэйніс І.П. Полацкая даўніна, Минск, «Медисонт», 2007, с. 107.

Наиболее динамично и бурно события развивались в октябре 1905 года. После разгона 18 октября митинга с при-

менением оружия жизнь города была практически парализована на три дня. Не работали городские службы, учреждения образования и промышленные предприятия. Революционный комитет создал рабочие дружины и вооружил их.

Власть использовала испытанный метод — обвинить евреев, и чтобы прекратить волнения, организовать погром. Было это не только в Полоцке, но и в других городах Беларуси.

Историк Э.Г. Иоффе в книге «Страницы истории евреев Беларуси». Минск, 1996, с. 65, пишет:

«Волна погромов прокатилась по городам Беларуси в 1905 году. В октябре произошёл погром в Полоцке. Были организованы отряды еврейской самообороны. Но их помощи оказалось мало. Власти разогнали эти отряды. Были жертвы среди дружинников из отрядов самообороны».

23 октября «патриотический митинг» в поддержку действующей власти и царского правительства перерос в погромы еврейских магазинов и лавок. В гостиницах «Париж» и «Золотой якорь» представители рабочих дружин вели бой с полицией и введёнными в город войсками. Еврейские дома и магазины подверглись разграблению, были убитые и раненые. В тот день Полоцк потерял около 100 своих жителей.

После кровавых событий 23 октября в Полоцк из Витебска прибыли дополнительные силы жандармерии, проводились облавы и обыски. После ареста большинства членов революционного комитета РСДРП он перешёл на нелегальное положение.

В 1906-1907 годах выступления рабочих уже не были столь многочисленными и организованными, а требования протестующих носили только экономический характер. Закончилась первая русская революция разгоном 3 июля 1907 года Государственной Думы.

Вот что пишет литовский историк, доктор исторических наук, заместитель директора Института истории Литвы Дариус Сталюнас:

«Типичная для Беларуси времён революции 1905 года ситуация сложилась в Полоцке. Осенью 1905 года в этом городе активную деятельность развивали разные революционные еврейские организации, и эта деятельность явно раздражала консервативно и проимперски настроенные слои населения Полоцка. У некоторых представителей последних создавалось впечатление, что евреи не скрывают своей враждебности по отношению к царю и чувствуют себя хозяевами в городе. Это, по свидетельству одного современника, стало причиной антиеврейского погрома».

Сталюнас Д. Модернизация и погромы: Литва и Беларусь в начале XX в. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018; 3: с. 49–54.

Когда начинаешь работать над темой, встречаешься с людьми, выясняешь различные обстоятельства жизни их семей, кажется, что город, о котором ты пишешь, находится в центре всех событий и дороги многих семей ведут через него.

С Борисом Давидовичем Менделевичем, профессором, доктором медицинских наук, в то время депутатом Государственной Думы России, я познакомился, когда мы восстанавливали старинное еврейское кладбище в Яновичах — местечко в 40 километрах от Витебска. Предки Менделевича по одной из линий из Яновичей, он принял существенное финансовое участие в работах. По дороге в Яновичи, а поездок было много, мы разговаривали на разные темы, в том числе и о моей работе. Когда я рассказал о том, что собираю материалы для книги о Полоцке, Борис Давидович заметил: «Моя бабушка со стороны отца — Фельдман (в

замужестве — Менделевич) Гита (Геня) (Евгения) Борухова (Борисовна), родилась в Полоцке 1 июня 1905 года. В Полоцке жили её родители Фельдман Борух Гиршевич, 1878 г. р. и Фельдман (в девичестве — Волкинд) Марьяся Лейбовна, 1876 г. р. и шесть сестёр и брат.

Фельдманы ранее жили в Красиловке Николаевской волости Витебской губернии.

Девичья фамилия моей прабабушки Волкинд. Елизавета (Евгения, Гита) Абрамовна Волкинд — двоюродная сестра моей бабушки — была известной революционеркой, соратницей Ленина.

Я выяснил, что Елизавета Абрамовна Волкинд родилась в 1895 году в г. Дрисса (ныне Верхнедвинск), умерла в 1960 году в Москве, похоронена на Новодевичьем кладбище. На надгробном камне надпись — ветеран партии.

У Лейбы Гиршевича Волкинда, её отца, было пять детей, — это тоже из письма Бориса Менделевича (не совсем понятно, почему имя отца Лейба, а отчество Елизаветы Волкинд Абрамовна. Возможно, у отца было двойное имя Лейба-Абрам). — Лиза была младшей. С 1909 года семья жила в Риге. В 1916-м Елизавета вернулась в Полоцк, работала в сапожной мастерской, выступила организатором нелегального революционного кружка. Через два года вновь вернулась в Ригу, но в 1921 году оказалась в тюрьме. Заболела. В 1922 году взята товарищами на поруки, а через год переехала в Москву. Её родная тётка вышла замуж за Боруха Гиршевича Фельдмана, так мы оказались в родстве. У них в семье было семь детей: шесть дочерей, один сын.

Волкинд Елизавета Абрамовна вела переписку с сотрудником Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника Николаем Александровичем Манисом. Переписка находится в фондах музея-заповедника.

«Существовала ли социал-демократическая организа-

ция до Февральской революции в Полоцке? — из письма Е.А. Волкинд Н.А. Манису.

— Я приехала в Полоцк в 1916 году. Социал-демократической партии в это время не было. Если бы таковая была, она должна была себя проявить, даже будучи в глубоком подполье. Какую-нибудь работу должна была бы вести. В Полоцке для этого было богатое поле деятельности среди городского населения и среди солдат.

Начало работы Полоцкой большевистской организации — 7 мая 1917 года.

Когда собирались социалисты всех мастей — меньшевики, эсеры, кадеты, бундовцы и другие, каждый старался доказать, насколько его программа лучше других. Были там и большевики. Спорили много. Криков было много. Только по выступлениям удалось узнать, кто за большевиков, кто против. Так у нас создалась небольшая группа близких по духу товарищей в составе: Резников, Татарский, Хейфец Исаак, Плагова, Пруслин, Боярская Асся, Резникова С.Л., Волкинд, Клемиш — солдат (...) полка.

Несмотря на то, что наша группа была небольшой, мы решительно выступали против меньшевиков и других противников.

Меньшевик Левин, почувствовав наше влияние в социалистическом клубе, выступил с докладом, в котором поставил вопрос, что в интересах социал-демократического единства социал-демократы Полоцка должны оформиться в одну организацию. Конечно, мы все были против.

От нас выступил товарищ Хейфец Исаак, который разбил все доводы меньшевистского докладчика. Он предложил установить связь с ЦК РСДРП(б).

Мы выбрали постоянный партийный комитет, председателем — товарища Хейфеца Исаака.

Это было 7 мая 1917 года.

Первый председатель нашей партийной организации был товарищ Хейфец Исаак — брат Боярской. Тов. Хейфец за время пребывания в Полоцке активно работал. Он уехал в августе 1917 года».

*Газета «Сцяг камунізма», 11 ліпеня 1959 г.
Н.А. Маніс. Старонкі вялікага жыцця.*

Сказывалось влияние времени (чьи фамилии упоминать в газетной статье, о каких событиях вспоминать, а какие посчитать несущественными), и всё же эта статья представляет большой интерес для понимания революционных событий в Полоцке в 1917 году. Публикуем некоторые фрагменты.

«...Так прошло несколько месяцев, и вот мы узнали, что совершилась Февральская буржуазно-демократическая революция. Политическая жизнь в городе сразу резко оживилась: начались собрания, митинги, обновилась деятельность разных политических партий. Буржуазия, используя все средства, стремилась подчинить революционное движение своим классовым интересам. Активизировались её прихвостни — соглашательские партии. Разгорелась жестокая межпартийная борьба.

В начале Февральской революции в Полоцке не было оформленных организаций большевиков и меньшевиков. В первые дни после революции в городе организуется так называемый “Социалистический клуб”. Там собирались все социал-демократы. Тут в первые дни выписывались и прочитывались все газеты, кроме большевистской “Правды”. Газеты в это время играли огромную роль в борьбе за дальнейшее развитие революции. Я сразу написала в редакцию “Правды”, сообщая о необходимости присылать нам газету. В том же месяце мы стали получать её.

В “Социалистическом клубе” я встретилась с другими единомышленниками-большевиками. Началась наша совместная борьба с ренегатами.

...В руководящий комитет вместе с другими товарищами был выбран А. Резников — в качестве секретаря и в качестве руководителя литературной комиссии и казначея.

В скором времени связь с ЦК РСДРП(б) была установлена. Членские взносы посылались непосредственно в ЦК, а оттуда начала регулярно поступать литература и руководящие указания. Несколько позднее была налажена связь с большевистскими организациями Витебска и Двинска.

Основными формами работы большевистской организации были открытые партийные собрания, политические митинги и распространение большевистской литературы. На наших собраниях и митингах, — вспоминает Елизавета Абрамовна, — которые проводились в актовом зале Кадетского корпуса и в помещении городской школы, всегда было много рабочих города и солдат.

18 июня в городе проводилась буржуазная демонстрация, организованная ставленниками Временного правительства. Буржуазия и соглашатели вышли на неё под лозунгом "Война до победного конца". В противовес этой демонстрации на улицы города вышли колонны рабочих, железнодорожников, строителей и пекарей, а также солдаты автороты, которые объединились под большевистским лозунгом "Остановить империалистическую войну и передать власть Советам".

...В период подготовки к Октябрьской революции в Полоцке особенно обострилась борьба между большевиками и меньшевиками. Большевики вели работу по подготовке к проведению II съезда Советов. Меньшевики-эсеры выступали за созыв установочного собрания. Меньшевистско-эсеровский Полоцкий совет выступил против проведения II съезда Советов. Когда начались выборы на съезд, большевики смогли добиться избрания своего кандидата в депутаты съезда. От большевистской

организации был выбран старый коммунист военный врач т. Коган.

...О победе Великой Октябрьской революции в Петрограде мы узнали от наших делегатов II съезда Советов после их возвращения. Сразу в третьей армии был создан Военно-Революционный комитет, во главе которого стал делегат съезда большевик т. Коган. Новый Ревком вместе с большевистской организацией города возглавил борьбу за победу революции на Полотчине. С середины ноября вся власть в городе и на Полотчине полностью переходит в руки революционных рабочих, солдат и крестьян, возглавляемых большевистской партией. Меньшевики и эсеры отовсюду изгоняются.

Активное участие в деятельности полоцкой организации РСДРП в это время принимали Е.А. Волкинд, рабочий А.Б. Резников, учителя Н.М. Пруслин, А.А. Боярская.

Первым председателем Полоцкого городского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в 1917 году был избран И.Л. Коган.

Интересная судьба у полочанки Софьи Моисеевны (Шейны Мовшевны) Зарецкой. Её партийные псевдонимы — Настасья Николаевна, Н.Н. Чарская. Она родилась в Полоцке в 1881 году. В своей революционной деятельности была последовательным меньшевиком. Поэтому имя сегодня практически забыто. Напомним её биографию.

С 1899 года Софья Зарецкая училась на Мариинских акушерских курсах и курсах П.Ф. Лесгафта в Петербурге, где и стала членом социал-демократического кружка. В 1901 году за участие в демонстрации у Казанского собора выслана из столицы. Жила в Екатеринославе, а затем снова вернулась в Полоцк. Общались с единомышленниками. Такие люди не могут жить спокойно. Затем вела пропагандистскую работу в социал-демократических организациях города Харькова. В 1904 году снова сослана под надзор

полиции в Полоцк. Ох и мягкие же были тогда наказания. С сентября 1904 года Софья Зарецкая в Швейцарии, где примкнула к меньшевикам. С января 1905 года в России. Член Севастопольского комитета РСДРП, осенью — член Московского Совета рабочих депутатов, член Объединённого ЦК РСДРП от меньшевиков. Из-за угрозы ареста уехала из России. Весной 1912 года по заданию руководства меньшевиков готовила созыв общепартийной конференции в России, секретарь социал-демократической фракции 4-й Государственной думы. Неоднократно подвергалась арестам. После Февральской революции 1917 года — член Московского комитета РСДРП, избрана членом ВЦИК. С августа 1917 года, член ЦК РСДРП. К Октябрьской революции 1917 года отнеслась резко отрицательно, была сторонником борьбы с большевиками в защиту Учредительного собрания. С 1921 года в связи с тяжёлой болезнью от политической деятельности отошла, выслана в Нижегородскую область. В 1932—1934 годах работала статистиком в больнице в Горьком. С 1934 года жила в Калинин.

Мне неизвестна её дальнейшая судьба, но предполагаю, что она не смогла пережить сталинские расправы.

В конце семидесятых годов XX века Витебская студия телевидения делала фильм о члене партии большевиков с 1905 года Абраме Григорьевиче Бейлине. Фильм был посвящён 90-летию Бейлина. Автором сценария был мой отец Лев Абрамович Шульман. Потом и я, готовя очерки о товарищах Бейлина по революционной борьбе, переписывался с Абрамом Григорьевичем. В биографии этого человека было столько острых сюжетов, что хватило бы на солидную книгу или полнометражный фильм. Родился в белорусском местечке Мстиславль. С 19 лет в социал-демократической организации. Спасая товарищей, ударом кулака убил жандарма. За агитацию среди солдат был

осуждён на многие годы тюремного заключения. Участвовал в Гражданской войне, встречался с Лениным.

Бейлин — один из руководителей партийных организаций большевиков в Белоруссии, Казахстане, Татарстане.

Арест в 1938 году — «враг народа», «враг партии», за которую сражался, не жалея жизни. Только через 17 лет Абрама Григорьевича реабилитировали. Я так подробно рассказываю его биографию не только потому, что в 1919—1921 годах он жил и работал, вернее, сражался в Полоцке, но и в 1962 году, в дни празднования 1100-летия города, ему было присвоено звание «Почётный гражданин города Полоцка».

В своей автобиографии Абрам Григорьевич Бейлин писал: «Когда в 1919 году началась война с белополяками, я в сентябре 1919 года Витебским губкомом партии был направлен Председателем Военревкома в Полоцк. В этот период, когда положение на фронте стало тяжёлым, я был послан в качестве командира Первого Коммунистического отряда, ведшего боевые действия против белополяков и отрядов Булак-Булаховича. Отрядом руководил до тяжёлой контузии.

...По ликвидации фронтов я работал Председателем Полоцкого Военревкома и Укома партии — до конца 1921 года».

В декабре 1918 года в Полоцке была создана комсомольская организация.

Наиболее активные революционно настроенные молодые рабочие — А. Гиндин, С. Каем, И. Калмык, В. Ильев, Наум Симановский, удостоенный звания «Почётный гражданин г. Полоцка».

Один из первых комсомольцев города Исаак Калмык трагически погиб в 1920 году в Полоцке. О его смерти рассказал тоже один из первых комсомольцев Зарецкий Хаим Бениаминович. «Мы, группа комсомольцев, в числе которых был и Исаак Калмык, поздно вечером возвраща-

лись с кинотеатра. Калмык предложил проверить, как стоит на посту у склада комсомолец Меркин. Подойдя к складу, мы отстали, а Калмык один пошёл дальше. Нам ничего не было видно. Было только слышно, как Меркин громко потребовал назвать пароль. Калмык почему-то не ответил. В результате без предупреждения последовал выстрел, которым и был убит наповал комсомолец Калмык Сергей (на самом деле Исаак). Комсомолец Меркин к ответственности не привлекался».

*Со слов Зарецкого Х.Б. записал научный
сотрудник Полоцкого краеведческого музея
Алексеев М.И. 29.08.1967 г.*

Сохранилась фотография, на которой запечатлена группа комсомольцев Полоцкой окружной организации ЛКСМБ. Она сделана 3 января 1925 года.

Благодаря этой фотографии мы можем перечислить имена и фамилии первых комсомольцев Полоцка (стр. 230).

«В мае 1922 года состоялась 2-я Всероссийская конференция РКСМ. Она приняла решение о создании пионерской организации. В этом же году организация была создана в Полоцке. На 31 декабря 1924 года в городе было 14 пионерских отрядов, которые объединяли 735 пионеров. В 1924 году организация получила в своё распоряжение Пионерский клуб.

...Первые пионеры Полоцка — Е. Тараткевич, В. Левит, Додин, пионерские вожаки второй половины 20-х годов Волкинд, М. Манис».

Из статьи М. Маниса «Першьяя на Полаччыне». Газета «Сцяг камунізма», 1964 г.

Левин Вольф Борисович Левин был одним из первых пионеров, а через два года был в числе первых комсомольцев Полоцка.

Родился Вольф Левин в декабре 1911 года в Полоцке. Образование среднее специальное. Окончил Гомельский автодорожный техникум. Трудовую деятельность начал в 1925 году электромонтёром на электростанции Полоцка, затем до 1935 года работал механиком МТС. В конце 1935 года назначен директором межрайонной конторы автотракторной промышленности в Полоцке. Эта организация обеспечивала запчастями и материалами тракторно-автомобильный парк организаций и учреждений семи районов Полотчины. Хороший специалист и, что важно в те годы особенно, политически подкованный, проверенный человек. В 1939 году — начальник автоотряда «Союззаготтранса».

Потом война. Эвакуировался с семьёй в Горьковскую область. Был назначен техническим руководителем мехлесобоза лесокомбината. В 1944 году отозван в г. Гомель в распоряжение Министерства автотранспорта. В октябре этого года возвращается в освобождённый Полоцк на должность заведующего областным отделом автотранспорта. В 1947 году — директор автобазы. 1954 год — руководитель облавтотреста в Витебске. Командир 1-го белорусского автоотряда по вывозке зерна с целинных земель в Алтайском крае. С началом строительства Новополоцка в 1958 году переведён вместе с автобазой в Новополоцк. Награждён за строительство Новополоцка медалью «За трудовую доблесть», орденом «Знак Почёта», Почётный гражданин Новополоцка с 1966 года.

Его сын продолжил профессиональную линию отца. Левин Борис Вольфович работал директором автопарка в Полоцке до выхода на пенсию в 1998 году.

Серьёзная волна еврейской эмиграции накрыла Полоцк, как, впрочем, и всю Российскую империю, в период первой русской революции 1905 года и прокатившихся по стране еврейских погромов.

Свидетельства о семьях полоцких евреев, эмигрировавших чаще всего за океан, можно встретить в разных источниках. Сообщение Хаи Шулькиной, размещённое на сайте «Еврейские корни»:

«Перед эмиграцией в Израиль мать достала из серванта две серебряные рюмки, доставшиеся ей от отца, моего деда, Ицика Шулькина. История их такова.

Дед родился в 1896 году от повторного брака отца Гирша Шулькина (1842—4.1.1917) и Махли (Малки) (1860 г.р.) в Полоцке. У его отца уже было от первого брака девять детей от Гели Деборы (1840—1884). Эти рюмки на рождение сводного брата подарили двойняшки, родившиеся 11 мая 1871 года. Их имена начинались на буквы *А* и *Г*, выгравированные на рюмках. Двойняшки в 25-летнем возрасте эмигрировали в Америку.

Что меня поразило, что через столетие 11 мая родились мои дети: дочь — в 1982 году, сын — в 1988 году.

Описав эту историю в “Еврейских корнях”, я через несколько дней получила письмо от женщины, американки во втором поколении (её отец родился в Штатах), оказавшейся моей троюродной сестрой — у нас общий прадед Гирш Шулькин. Оказывается, почти все дети от первого брака и двое старших от второго (всего у Гирша было 14 детей) оказались в Америке, выехав до 1905 года. Один из братьев деда, Абрам, проживал в Южной Африке и преуспевал там».

В 1910 году в Полоцке жило почти 20 000 евреев.

В результате выезда большого числа евреев в другие районы страны (в крупные промышленные центры), а также в США и Палестину, еврейское население города сократилось к 1923 году до 7463 человек, в 1926 году оно чуть увеличилось и насчитывало 8186 человек (32 % всего населения).

Безусловно, обо всех еврейских семьях мы рассказать не сможем. Но о некоторых династиях, оставивших след в городской истории, вспомним.

На протяжении нескольких веков жила в Полоцке большая семья Галёркиных. Их знали и уважали в городе. В очерке «Портрет на фоне века» («Мишпоха», № 5, 1999 г.) Евгения Шейнман пишет:

«Перенесёмся в Полоцк начала XIX века. Типичный захолустный городок черты оседлости, где на четыре с небольшим тысячи населения — 2600 еврейских душ. Уже тогда здесь жила семья Галёркиных.

Ирма Галёркин родился предположительно в 1810-х годах. Был состоятельным человеком. Арендовал помещичьи земли, владел домами, лавками. Жену звали Мира Свердлова... У них было четыре сына и четыре дочери.

Старший сын Ирмы — Лейба (1842—1930) жил и умер в Полоцке. Был богат и прижимист. Правнучка Берта Львовна вспоминает о нём как о человеке хмуром, угрюмом. Был купцом 1-й гильдии, жил в большом каменном доме... Входил в двадчатку одной из синагог, был благотворителем, но любил демонстрировать свою доброту, чтобы о ней знали все вокруг.

В 1880 году Лейба купил стекольный завод в деревне Новка в 25 километрах от Витебска. Со временем завод стал крупным предприятием...»

Лейбу и после национализации предприятия в 1919 году оставили его директором.

Совсем другим по характеру человеком был его младший брат Исаак (1844—1916). Только после его смерти обнаружилось, скольким людям он помог и как скромно при этом держался.

У Лейбы было несколько дочерей. На их учёбу, это было ещё до революции, он денег не жалел.

«Мария Львовна (1883–1976) получила медицинское образование в Цюрихе, Анна (Хая-Роха) (1881–1942) училась в двух заграничных университетах...

До революции 1905 года, будучи за границей, сёстры Галёркины вступили в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Анна Львовна преподавала в школе Лонжюмо (первое учебное заведение РСДРП для подготовки партийных кадров из рабочих. Создана большевиками весной 1911 года в пригороде Парижа). Деньги для партии, для издания газеты "Искра" иногда добывались путём фиктивных браков. Анна Львовна именно так и вышла замуж за социал-демократа, "искровца" И.С. Блюменфельда, внука одесского раввина. Сразу после "свадьбы" в Полоцке молодые уехали в Париж, увезя с собой и передав на нужды партии довольно значительное приданое, полученное от Лейбы Галёркина. Их брак впоследствии был, разумеется, расторгнут. Анна Львовна так и осталась одинокой. В тридцатые годы работала в библиотеке Политехнического института в Ленинграде. Вероятно, нередко задумывалась над тем, стоило ли приносить в жертву партийным интересам личную жизнь.

...Был в семье Галёркиных профессиональный скульптор Израиль Лейбович Галёркин (1910–1980), учился в Академии художеств, был членом Союза художников. Его скульптуры украшают Главное управление пожарного ведомства Санкт-Петербурга.

Жил в Ленинграде ещё один художник Галёркин — Александр Михайлович. Был живописцем, театральным художником. Его дочь и зять — оба художники, а внук — архитектор. Как связан с древом Ирмы Галёркина, установить не удалось, но его деда и прадеды из Полоцка. Михель Янкелевич, его отец, перебрался в Ленинград с пятью деть-

ми в 1932 году. В Полоцке остались его братья... Возможно, они потомки одного из братьев "старого" Ирмы.

Имя одного из братьев Ирмы — Гирш. Дети Ирмы называли его "Лабэбэ", (или "Лапэпэ", на идиш — косноязычный и неопрятный). Он плохо говорил, мог ходить и в будни, и в праздники в одном старом лапсердаке, подпоясавшись верёвкой. Но все деньги, что у него были, тратил на образование детей. Один сын Гирши стал известным в Петербурге адвокатом, другой — Борис, окончил технологический институт в 1899 году и стал известным учёным».

Во второй половине XIX века жили в Полоцке многочисленные семейства Бройдо и Массарских. Ветви генеалогических древ двух семейств переплелись настолько, что трудно сказать, кто с кем находится в каком родстве. Впрочем, у евреев, живших в местечках и небольших городах Восточной Европы, такое происходило нередко. В середине семидесятых годов XIX века двоюродные брат и сестра Яков Иерухем Массарский и Стерне-Фейга Бройдо стали мужем и женой. Отец невесты и дядя жениха был полоцкий раввин Меир-Шломо Бройдо. Массарский зарабатывал на жизнь обучением детей — был меламедом. В 1900 году семья переезжает в Лиозно, где Яков-Иерухем стал раввином. У Массарских было уже пятеро детей, родившихся в Полоцке. Один из них, Гершон-Бер (1888—1966, в Эрец-Исраэле фамилия Хадари), в середине 40-х годов, живя в Эрец-Исраэле, напишет воспоминания. В них немало страниц посвящено Полоцку:

«Мои родители из Полоцка. ...Отец и мать родились в одном доме. Были примерно одного возраста, росли вместе. Они с детства были преданны друг другу и сохранили эту преданность на всю жизнь.

Я помню историю, которую рассказывали в нашем доме, когда я был ещё маленьким. Колыбелька, в которой лежал мой маленький отец, висела рядом с окном. Дед Меир

Шломо пришёл домой из синагоги и вошёл в комнату, чтобы посмотреть на детей. Но в колыбели было пусто. Он испугался и стал искать, куда делся младенец. И нашёл его спящим за окном. Младенец вывалился туда. Окно было невысоко над землёй, и мальчик не разбился. Дед кричал на женщин. Сказал им: "Берегите мальчика, он растёт, чтобы быть раввином!".

Мой отец действительно стал раввином...»

Из воспоминаний Гершона-Бера мы узнаём, как жили в то время небогатые еврейские семьи:

«...В просторной комнате слева от входных дверей была большая печь, сложенная из кирпича. Она нагревала дом зимой. Топили дровами. В холодные дни наиболее почитаемое спальное место было на печи. Всё, что мы ели, было приготовлено или запечено в этой же печи. Под печкой, между ней и стеной было место для кур, цыплят и кота.

В комнате стояли кровати деда и бабушки. На них было полно подушек и перин, которые достигали чуть ли не до потолка. Когда утром дедушка и бабушка вставали со своих кроватей, это было нелёгкое дело, как восхождение на холм.

Угол комнаты был отгорожен. Там была кровать отца и мамы, и именно здесь мать родила всех своих детей.

В этой комнате кушали, учились, играли дети».

Гершон-Бер рассказывает о своих учителях: «Учился в Полоцке в хедере. Первым учителем был реб Яир. Педагогические методы реб Яира были простыми и достаточно жёсткими. За любое непослушание ученик наказывался. Орудием наказания служило всё, что попадалось под руку. Ученик "заработал" от своего учителя книгой по голове.

...Однажды реб Яир сказал моему отцу, что я должен дальше учиться на более высоком уровне. Было решено,

что моим вторым учителем будет реб Иосиф Рувим. Он считался лучшим меламедом в Полоцке.

У меня была хорошая рекомендация от реб Яира, а во-вторых, мы были родственниками с реб Иосифом Рувимом. Его жена была сестрой моей бабушки Фрумы.

Учитель был пожилого возраста, мягко говорил, его отношения с учениками были тихие и спокойные, он никогда не кричал, даже не повышал голоса. Это было полной противоположностью моему первому учителю».

Читаешь истории полоцких еврейских семейств (и не только полоцких!) как увлекательный рассказ. Полстранички текста наполнены и драматизмом, и философией, и лирикой.

О своей семье рассказывает Михаил Мазель:

«Бабушка моя — Сарра Мордуховна Лившиц (1897 года рождения). У её отца было 6 или 7 братьев и сестра. Братья, как и их отец, занимались торговлей. У прадеда в Полоцке была бакалейная лавка, но дела не шли, он продал её в 1902-м и купил дом в Себеже. Торговал там керосином и льном... Дела снова не шли. То ли был невезучий от природы, то ли скорее, не его это было занятие. Со временем прадед продал этот бизнес и работал продавцом у старшего брата в Риге.

Бабушка в 1906-м вернулась в Полоцк. Поступила в гимназию. Жила с тётей, бабушкой и дедушкой со стороны отца на Нижней Покровской улице. Дом был каменный, двухэтажный. Внизу была лавка. В доме шесть комнат. С комнаты тёти были видны река и церковь на том берегу.

Из бабушкиных рассказов о Полоцке помню, что они в 9-10 лет любили с подругой сидеть на лавочке у тюрьмы и рассказывать друг другу всякие истории... И ещё, что тюрем на маленький Полоцк было две...

Со стороны мамы у бабушки фамилия Брискер. Родители её умерли рано, помогали ей дедушка и бабушка.

Дедушка жил в Бешенковичах, был мельником. Арендовал мельницу у графа Паскевича. У этой бабушки было три двоюродных брата. Два жили в Ленинграде, один — в Москве. В Москве был журналистом, прошёл всю войну.

Бабушкин дядя попал в Швецию, а его потомки жили недалеко от Вашингтона. Ещё один дядя “убежал” в Америку, так как был замешан в революционных событиях 1905 года и спасался от ареста.

Когда я составлял генеалогическое древо Мазелей, нашёл, что в Двинске в 1875-м жил не только Зундель Исерович (дед моего деда), но и его брат Шломо Исерович с сыновьями. Сын Шломо — раввин, уехал в Аргентину.

Хотя прадед Евзор Мазель не был богат, все его дети получили хорошее образование. На это он денег не жалел.

Одна дочь жила в Риге с мужем, они были врачами. Вместе с детьми погибли в войну в рижском гетто.

Другая дочь жила с мужем врачом и дочерями в Курске. Ещё одна дочь жила в Москве была видным лингвистом. Сын жил в Киеве, а потом в Москве.

Две дочери дедушки жили в Харькове. Вышли замуж за дядю и племянника.

Дядя был знаменитым харьковским врачом, а его дети стали видными физиками — академиками Лифшицами. Один написал со Львом Ландау курс теоретической физики, а второй много лет работал в Харькове, после смерти Ландау, по решению Капицы, занял место главы теоретического отдела.

Разбросала нашу семью по миру, как и многие другие семьи. Время было такое».

Над книгой о Полоцке я работал долго. С большими перерывами. Но как только пошла информация о том, что пишется книга о евреях Полоцка (благодаря Интернету), я стал получать письма из многих стран мира.

Дебби Майерс живёт в Кейптауне, Южно-Африканская Республика:

«Я происхожу из семьи Эпштейнов из Полоцка, — пишет она. — Моего деда звали Залман, а его отца — Шмуэль.

Семейная легенда гласит, что в 1915 году во время Первой мировой войны моя бабушка Ада Бася Левин, её мать Двейра Бейла Левин и старшая сестра Анна Левин были высланы из Купишкиса, Литва. Они сели в поезд, направлявшийся на восток, и вышли на вокзале Полоцка. Оттуда они направились в сторону города в поисках двери с мезузой. Как только они её нашли, моя прабабушка постучала в дверь, которую открыл мужчина. Моя прабабушка спросила, есть ли у него жильё для неё и её двух дочерей. Мужчина ответил, что у него есть не только жильё для неё и двух её дочерей, но и два сына для её дочерей.

Так два брата Эпштейн — Залман и Пинхас — женились на двух дочерях Левина — Берте (Ада Бася) и Анне.

Позже обе пары переехали с матерью в Невель, а Залман и Ада Бася — в Старую Руссу, где в 1926 году родилась моя мама. В 1928 году они иммигрировали в Кейптаун, Южная Африка. У Залмана и Пинхуса остались два брата — Гутман и Аарон, они потратили годы, пытаясь найти их. Недавно в Facebook я смог найти информацию о них — они переехали в Ленинград в сороковые годы, поженились, и у каждого был ребёнок. Их внуки живы, но я не могу связаться с ними».

К сожалению, с годами оказались оборванными многие семейные связи. И с каждым годом, не смотря на Интернет и другие средства связи, их восстановить всё сложнее. Изменены имена, фамилии, внуки не знают, кто были их дедушки и прадедушки. А когда начинают интересоваться, бывает поздно.

Минчанин Залман Пруслин, написавший в 1977 году хронику своей семьи, начинает рассказ с прапрадеда Лейбы

Айзиковича Пруслина. Жил он, скорее всего, в середине XVIII века в Полоцке. Одного из его сыновей звали Калман, работал портным и жил в том же Полоцке. У него была дочь Сарра и три сына — Мендель, Борух и Янкель.

Мендель остался жить в Полоцке. Его сын Нохем участвовал в революционном движении. После Октябрьской революции Нохем Пруслин был в Городке секретарём УКОМа партии, а затем секретарём Полоцкого УКОМа партии. Позднее учился в Ленинграде в институте Красной профессуры. В 1930-х годах жил в Минске, был профессором.

Борух Пруслин также жил в Полоцке. По семейной традиции стал портным. В 1876—1877 годах в городе был большой пожар. Сгорело много домов, в том числе и дом Боруха Пруслина. Семья решила переселиться в местечко Горбачёво. Это центр Александровской волости Полоцкого уезда.

Внуки Боруха — Исаак, Арон-Давид, Лейба — погибли во время Великой Отечественной войны, защищая Ленинград. Внучка Мария вышла замуж за столяра Иохеля Шацмана и вернулась в Полоцк.

Внучка Хася Пруслина была одним из руководителей подполья в Минском гетто. Об этом написано в книге И. Новикова «Руины стреляют в упор».

Абрам Давидович Абкин родился в Полоцке в 1903 году. В очень сложном для евреев Советского Союза 1952 году, когда повсюду искали «безродных космополитов», Абрам Абкин стал доктором химических наук. Его авторитет в науке был бесспорен даже для недругов. В 1974 году был удостоен звания «Заслуженный деятель науки России». В 1980 году открыл фотосенсибилизированную полимеризацию и был удостоен Ленинской премии. В 1983 году Абкина не стало.

Старший брат Абрама Абкина Исаак ушёл в Красную армию в 1919 году, а потом всю жизнь служил в ГПУ, НКВД

в Крыму, в России. Сам никого не жалел, и, как полага-
ется, и его не жалели. В 1939 году заместителя началь-
ника УНКВД по Смоленской области арестовали, правда,
в отличие от многих из тех, кого арестовывал он, Исаак
отделался несколькими годами тюрьмы. В годы войны
снова служба в НКВД. В 1950 году уволен из органов. Че-
рез семь лет, в 1957 году, когда началась послесталинская
чистка НКВД, его увольнение задним числом сопроводили
формулировкой «по факту дискредитации». Что стояло за
этой формулировкой, можно только догадываться.

Сегодня не удивляют разные судьбы детей из одной
семьи. Кто-то верил в светлые идеалы, кто-то делал
карьеру, считая, что партия во всём права, а кто-то даже
боялся задумываться над тем, что происходит.

С кинодокументалистом Владимиром Двинским мы
встретились в конце 1990-х годов. Он снимал фильм
«Унесённые веком» о еврейском мире Восточной Европы,
уничтоженным войной, о судьбе языка идиш, о судьбе
ашкеназийской культуры.

— Мои предки из Витебщины, — сказал он. — Судьба
разбросала по всему миру семью, но снимать фильм я
приехал сюда.

С этих слов началось наше знакомство. Владимир рас-
сказал о полоцких корнях:

«Прадед Шавель Шадхан из Полоцка. В конце XIX века
Шавель и его жена Берта были вынуждены покинуть По-
лоцк и бежать в Сибирь. (По другой версии, их выслали из
города). Шавель был строительным подрядчиком. Так что,
возможно, в городе ещё остались старые дома, которые он
строил. В семье было восемь детей. По-разному сложились
их судьбы. Рахиль стала главным врачом специализиро-
ванного туберкулёзного диспансера. Жила в Москве. К
ней обращался за медицинской помощью "серый карди-

нал” коммунистического режима Михаил Суслов. Яков — дедушка Владимира Двинского — тоже был врачом. Во время Гражданской войны его мобилизовали в армию Колчака. После её разгрома лечил раненых и больных “красных” партизан. В 1930-е годы был главным врачом Белорусской железной дороги. Естественно, с такой биографией не мог остаться незамеченным у сталинских чекистов. В 1938 году его репрессировали и посадили в Бутырскую тюрьму. Яков не стал подписывать доносы на своих сослуживцев и покончил в тюрьме жизнь самоубийством.

Был репрессирован и Абрам Шадхан — видный экономист, работавший в Госплане СССР под руководством А.И. Микояна. Был идеалистом и до конца жизни оставался верен коммунистическим идеалам».

Сталинские репрессии конца 30-х годов прокатились по всей стране, раскрывая несуществующее антисоветское подполье, придуманных вредителей и контрреволюционные организации, нагоняя атмосферу страха, расстреливая в том числе верных и преданных режиму, но кто-то не так сказал, не так посмотрел, перешёл дорогу начальнику или просто его арест и расстрел нужен был для улучшения цифровых показателей соответствующих ведомств.

Уроженцы Полоцка, евреи и неевреи, попадали под этот, не знавший пощады каток так же, как и все остальные граждане СССР.

Самуил Аркус родился в 1901 году в Полоцке. В 1926 году окончил китайское отделение Московского института востоковедения. С апреля 1926 по октябрь 1929 года — помощник начальника части, начальник сектора 3-го (информационно-статистического) отдела Разведывательного управления штаба РККА. С января 1936 по июль 1937 года — секретный уполномоченный 2-го отдела. 3 марта 1938 года аре-

стован. 14 июня 1938 года расстрелян. 22 сентября 1956 года реабилитирован посмертно.

Лазарь Газарх родился в 1896 году в Полоцке. Служил в Народном комиссариате обороны. 8 декабря 1937 года арестован. 26 апреля 1938 года расстрелян. 6 октября 1956 года реабилитирован посмертно.

Макс Ильич Иофик (Йофик) родился в 1887 году в Полоцке. 16 февраля 1938 года арестован. 20 сентября 1938 года по обвинению в «участии в антисоветской организации в РККА, во вредительстве и подготовке к диверсии на санитарных складах частей РККА» расстрелян в большой группе осуждённых. 30 июня 1956 года реабилитирован посмертно Военной коллегией Вооружённых сил СССР.

Этот список можно продолжать довольно долго...

В 1904 году в Полоцке родился драматург и прозаик Юлий Соломонович Берзин. Окончил юридический факультет Ленинградского университета. В начале 20-х годов служил в РККА. Значительную часть жизни прожил в Ленинграде. Литературным трудом занимался с 1926 года, опубликовал ряд книг. Первой из них был роман «Форд» (1927), главный герой которого — авантюрист, напоминающий Остапа Бендера. По мнению главлита: «Роман написан в бульварном стиле, с издёвкой над советской действительностью и с антисемитским направлением. Герои романа — крупные спекулянты-ловкачи, опутывающие советский аппарат и приспособляющие его для своих личных корыстолюбивых целей».

Когда прочитал об антисемитской направленности романа, решил убедиться в этом лично и прочитать неизвестное мне литературное произведение. Но, к сожалению, не нашёл. Роман был конфискован из библиотек. Сохранились только ссылки на него, которым можно доверять, а можно и не доверять.

В статье М. Лузгина «Больше самокритики», опубликованной в № 6 журнала «Ленинград» за 1931 г. (номер конфискован), говорится, в частности: «Известна контрреволюционная вылазка писателя Берзина, в настоящее время по заслугам исключённого из Союза писателей. Сатира на нэпманов и "обнэпманившихся". Форд — вовсе не американский миллионер, а Константин Исаакович Форд, авантюрист, во многом напоминающий Остапа Бендера. Вот характерный диалог: "Моя фамилия Днепров-Вольский, — ответил Форд, — я артист..." — „Ваша фамилия так же Днепровольский, как моя — Троцкий" — ухмыльнулся Цукерник, — и вы такой же артист, как я профессор..."»

Упомянуты спектакли Мейерхольда и рассказы Бабе-ля, что, вместе с именем Троцкого, послужило причиной конфискации романа.

Имя Ю.С. Берзина не фигурирует в «Списке лиц — 1950» — «Список лиц, все произведения которых подлежат изъятию (1938—1950)» из библиотек и книготорговой сети. Другие его романы — «Конец девятого полка», «Возвращение на Итаку», «Нокаут», выходившие с 1927 по 1935 год, находились в открытом хранении.

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 2 июля 1939 года Берзин Ю.С. «За активное участие в антисоветской право-троцкистской организации» приговорён к заключению в ИТЛ сроком на 8 лет.

Вот как вспоминает о нём его сокамерник актёр Георгий Жжёнов: «Щуплый, с чахлой рыжей бородёнкой (так путно и не выросшей на тюремных харчах), похожий на доброго гнома, Юлик Берзин — барометр камеры, всегда показывавший "ясно-солнечно". Неиссякаемый кладёзь хохм и анекдотов — улыбчивый Юлик, с библейской печалинкой, навечно застрявшей в глубине светлых глаз..."»

2 июля 1939 года был этапирован в Севвостлаг МВД.

16 мая 1942 года Военный трибунал войск НКВД при «Дальстрое» приговорил его к расстрелу по обвинению в том, что вёл «антисоветскую пораженческую агитацию». Был казнён 11 июня 1942 года.

По первому делу реабилитирован в 1957 году, по второму — в 1990 году.

22 ноября 2015 года в Санкт-Петербурге на фасаде дома по Набережной канала Грибоедова, 9 был установлен мемориальный знак «Последний адрес» Юлия Соломоновича Берзина.

В годы сталинского антисемитского произвола жизнь доктора медицинских наук, профессора Гельштейна сложилась трагично. Элиэзер Менделевич родился в Полоцке в семье, где о науке никто не мечтал. Но парень был способный, умеющий мыслить. В 1931 году 34-летнего Элиэзера Гельштейна назначают заведующим кафедрой терапии и факультетской терапевтической клиники 2-го Московского медицинского института. В годы войны Гельштейн, которому и без фронта хватало работы, настойчиво требовал призвать его в армию. Он напоминает, что опыт военной службы у него есть — ещё в Гражданскую войну служил в РККА. Элиэзер Менделевич с июля по август 1941 года — главный терапевт-токсиколог Северного фронта. Затем, до мая 1944 года, главный терапевт Ленинградского фронта. Ему присваивают звание полковника медицинской службы. Не зная отдыха, Гельштейн лечит раненых, помогает блокадникам. Это серьёзно отразилось на его собственном здоровье. С войны он возвращается с тяжёлой формой гипертонии. В 1942 году награждён орденом Красной Звезды, в 1943 году — орденом Отечественной войны I степени (дважды), медалью «За оборону Ленинграда».

Не фашисты убили его. Когда началось пресловутое «дело врачей», из Гельштейна пытались сделать «отравителя совет-

ских граждан» и «врага народа». На институтском собрании клевету на него возводили те, кого он считал коллегами, учениками. В связи с кампанией по «борьбе с космополитизмом» был вынужден оставить клинику, а в феврале 1953 был арестован по «делу врачей». Ему повезло. Через месяц Сталин умер. И «дело врачей» пересмотрели. После освобождения (в апреле 1953 года) Элиэзер Гельштейн работал консультантом в различных больницах Москвы. Но здоровье было подорвано. Вскоре случился инфаркт. В 1955 году в возрасте 58 лет Элиэзера Менделевича не стало.

Несколько слов о его семье.

Жена Гинда Хаимовна Быховская — врач-невропатолог, кандидат медицинских наук, (1896—1965), заведующая неврологическим отделением лечебно-санитарного управления Кремля.

Дочь Виктория (в замужестве Килинская; 1930—2017) — врач, доктор медицинских наук (1968). Её муж — доктор медицинских наук (1968), профессор Ефим Львович Килинский (1930—2016), врач-кардиолог и учёный-медик, автор книг «Поражение сердца при эндокринных заболеваниях» (1972), «Иностранный врач: Американская сага» (2002), «Второй шанс» (2005).

Дочь Майя (в замужестве Жарова; 1930—1991), жена Народного артиста СССР, актёра, режиссёра театра и кино, Героя Социалистического труда (1974), лауреата трёх Сталинских премий Михаила Ивановича Жарова.

Сталинские дела недобрым словом вспоминали многие полочане, с которыми мне приходилось беседовать.

Пётр Агурок рано потерял родителей, воспитывался в детском доме. В 1943 году, после окончания военного училища, отправился воевать на фронт младшим лейтенантом воздушно-десантных войск. Воевал храбро, да и потом служил хорошо. Была в нём военная косточка.

В 1953 году Петру Агурку присвоили звание майора. В это время из армии стали увольнять офицеров-евреев. Наверное, считали, что прошедшие войну люди могут родину продать «за тридцать серебряников». Тот, кто придумывал эти мифы, не верил в них. Но был хорошо обеспечен и не хотел терять своё место, а тем более самому становиться зэком. Большинство из тех, кто слушал эти мифы, верили в них. А как не поверить, если тебе и днём, и ночью, и по радио, и на собраниях, и в газетах — всюду говорят: «Враги, враги, враги...» Из части, где служил Пётр Агурок, уволили пять офицеров. Все были евреями. Приказ об этом подписали 14 марта 1953 года. Как видно, разнарядка была дана раньше. Но до воинской части, расквартированной в Молдавии, дошла с двухнедельным опозданием. Сталин умер, а дело его злобствовало и побеждало.

Пётр Агурок вернулся в Полоцк, работал, растил детей. В конце 90-х годов уехал в Израиль.

Безусловно, в истории остаются имена людей известных, прославивших и себя, и свой город. Но историю делают не только эти люди, но и сотни других, чьи имена сегодня забыты.

Помните слова известной песни «Мы дали миру много комиссаров, но всё же, к счастью, больше скрипачей...»? Полоцкие евреи дали миру немало и тех, и других.

Один из ближайших сподвижников Владимира Ильича Ленина председатель ВЦИК в ноябре 1917 — марте 1919 года — Яков Михайлович (Мовшович) Свердлов (1885—1919) — из семьи гравёра, уроженца Полоцка.

Я никогда не встречал, чтобы Свердлов вспоминал о Полоцке. Что ему было до такой мелочи, как дом дедушек и бабушек?

Встречаются различные версии имени революционера, имён его родителей. И даже различные версии фамилии.

С помощью руководителя по делам архивов Нижегородской губернии Пудалова Бориса Моисеевича, который исследовал архивные документы семьи Свердловых (из Полоцка семья переехала в Нижний Новгород), пришли к однозначному выводу.

В метрической записи о рождении Я.М. Свердлова записано, что ребёнок, родившийся в Нижнем Новгороде 23 мая (4 июня по новому стилю) 1885 года у еврейской супружеской пары Свердловых, был обрезан по иудейскому обряду и получил имя «Яков-Аарон». Здесь же указаны еврейские имена его родителей: «Моша» (варианты — «Моше», «Мовша» и др.; принятый в русской традиции литературный вариант «Моисей») и «Ита-Лея» (вариант — «Гита-Лея»). По-русски родители Я.М. Свердлова обычно именовались Моисей Израилевич и Елизавета Соломоновна. Из сохранившихся метрических книг нижегородского раввина выясняется, что Ешуа Заломон — это еврейское имя старшего сына супругов Свердловых, Зиновия (З.А. Пешкова), родившегося 27.09.1883 год; третий сын, Вениамин Михайлович, по-еврейски именовался Бениамин.

*Метрическая книга еврейского раввина.
Государственный архив Горьковской (Нижегородской) области. Ф. 570, о. 1, д. 16.*

Фамилия Свердлов часто встречалась среди полоцких евреев. Писательница Анна Левина (девичья фамилия Свердлова) в рассказе «Папина дочка» пишет:

«Девичьей революционной околеленинской фамилией наградила папа. В детстве я ей очень гордилась. А повзрослев, до замужества, постоянно оправдывалась, объясняя, что убийца батюшки-царя ко мне никакого отношения не имеет.

В конце XIX века, в 1893 году в маленьком городке Полоцк, где родился мой дед Самуил, многие носили такую

фамилию, и ничего героического в ней не было. “Швердл” на древнееврейском означает меч. Скорее всего, предки работали оружейниками.

До революции многие полочане были родственниками, поскольку только у прапрадеда, самого бедняцкого бедняка на свете, было девятнадцать детей, а у прадеда Лазаря, бедного мусорщика, восемь. Революцию Самуил встретил с восторгом. Он добровольно записался в Красную Армию и уже представлял себе, как будет верхом на вороном коне рубать шашкой ненавистных беляков. Но в Красной Армии рубак хватало, а портных нет. Поэтому Самуил был отправлен в войска ВЧК, и не чекистом, а портным. Всю войну отмахал не шашкой, а иголкой с ниткой. Зато привёз с фронта ценный трофей — жену Хаю, кудрявую скуластую цыганистую еврейку с раскосыми чёрными глазами и ярким пухлым ртом.

Моему деду Самуилу местечковая жизнь пришлась не по вкусу. Он сбежал из Полоцка в Петербург. Там дед устроился в модный пошивочный салон учеником и выучился портновскому мастерству.

В свидетельстве о рождении моего папы написано: место рождения — Петроград, отец — красноармеец, мать — сестра милосердия. На этом наше пролетарское происхождение заканчивается.

Моя бабушка, папина мама, Хая родилась в Витебске четвёртой из семи сестёр. У Иосифа Паинсона, моего прадеда, отца Хаи, цадика и хасидского старосты, было одно занятие — молиться. Он гордился тем, что принадлежал к левитам — самой древней еврейской аристократии.

Иосиф хорошо знал Тору и Талмуд, к нему часто приходили витебские евреи со своими проблемами. Слово Иосифа для всех было законом».

https://samlib.ru/l/lewina_a_l/znaynashix.shtml

Анна Левина (Свердлова) — автор романов, рассказов и повестей о судьбах русских эмигрантов, лауреат престижных литературных премий, на страницах своих книг часто вспоминает родню, живущую сейчас по всему миру, и думаю, что многие из них даже не знают, где находится город Полоцк. С 1987 года Анна Левина живёт в Нью-Йорке.

О других полоцких Свердловых пишет Валерий Шубинский в статье, которая так и называется «Совсем другие Свердловы»:

«На проспекте Художников в Санкт-Петербурге живёт Ирина Абрамовна Свердлова — филолог, режиссёр, киносценарист, педагог. За плечами у неё богатая интересная жизнь. А кроме собственных воспоминаний, есть ещё и семейные, родовые... Сразу скажем, эти Свердловы не имеют никакого отношения к председателю ВЦИК. Однофамильцы.

...Мендель, дед Ирины Абрамовны, был портным. Правда, не последним портным в городе — имел собственную мастерскую, а его сын Абрам поступил в гимназию. Другой дед, Моисей Борок, был человеком образованным и небедным — управляющим большим строительством. У его младшей дочери, красавицы и умницы Розалии, было множество друзей и поклонников. А девушка отдала предпочтение Абраму Свердлову, сыну портного.

Впрочем, вскоре началась революция, которая разрушила преграды между местечковыми “патрициями” и “плебеями”. Мужская и женская гимназии были объединены. Абрам и Розалия оказались за одной партой... Поженились они четыре года спустя — в 1923 году. Как многие еврейские юноши, Абрам примкнул к большевикам, вступил в комсомол (сохранился комсомольский билет под номером 14 — стало быть, один из первых комсомольцев в Полоцке), а позднее и в партию. Участвовал в войне с белополяками. Служил статистиком, а при первой возможности отправился

в Харьков, в политехнический институт. Розалия отправилась было вместе с ним, поступила в медицинский институт, да вынуждена была вернуться — этого потребовала мать.

В семье Бороков произошло много перемен. Моисей погиб — в него попала шальная пуля каких-то входивших в Полоцк войск, когда он, по своему обыкновению, сидел у окна и читал книгу. Старшие дети разъехались. Жена Моисея, Роха, была властной женщиной. Некогда, уходя в гости, она задёргивала шторы, укладывала среди бела дня детей в кровать и приказывала им спать до своего возвращения. И дети боялись послушаться! А теперь она приказала Розалии, младшенькой, быть при ней — хотя бы до замужества. И та опять-таки послушалась, хотя мечтала о медицине...

Валерий Шубинский. «Совсем другие Свердловы». Еврейские новости Петербурга, 2016 г.

В середине двадцатых годов в Полоцке в клубе Красных кустарей, который находился по улице Карла Маркса, начал работать еврейский драматический кружок. Двадцать человек каждый вечер собирались вместе. Спорили, обсуждали, репетировали. Возраст актёров был от двадцати до пятидесяти лет. Руководил драмкружком режиссёр Бабёр. Один раз в месяц труппа показывала платный спектакль. Причём каждый раз старались показать новую постановку. В репертуаре были и еврейская классика «Тевье-молочник», «Стемпеню» Шолом-Алейхема, и спектакли, которые отражали новое время — «Хаим-нэпман», «Береле-безбожник». Сегодня ни один театровед, ни один литературный критик не припомнит таких произведений. Играли актёры Бутяк, Бимбад...

Я позволю себе пересказать содержание одного из них — спектакля «Хаим-нэпман».

Хаим (актёр Бутяк) — крупный торговец, валютчик. Его жена (актриса Аксельрод) мечтает, чтобы сын женился на

богатой девушке из приличной семьи, но любовь, как известно, зла. Их сын встречается с простой рабочей девушкой из очень бедной семьи. В доме все встревожены. Встревожены и молодые. Им не разрешают жениться. И они собираются обмануть Хаима и таким образом добиться своей цели. Причём каждый пытается это сделать по-своему.

Девушка (актриса Бимбад) приходит в дом к жениху и сообщает, что ей из Америки пришло крупное наследство, много долларов...

Сын Хаима знает, что его отец боится агентов из финотдела. Он посылает к своему отцу друга — рабочего завода. Тот представляется агентом финотдела. Перепуганный Хаим на всё согласен, даже на женитьбу сына...

Такие спектакли шли в середине двадцатых годов в Полоцке.

С Наумом Шейндлиным я часто встречался в девяностые годы прошлого века. Активный автор полоцкой газеты. Когда в Белоруссии появились еврейские издания, стал писать для них. Не для гонорара — была потребность писать на еврейские темы. Хотелось рассказать о том, о чём в прошлые годы можно было поделиться только с близкими людьми во время застольной беседы. Наум писал о других, а его каждый раз просили: «Напиши о себе, о своей семье».

Однажды он передал небольшую заметку для журнала «Мишпоха»: «Из рассказов моих дедов Шейндлиных известно, что их родители гоняли плоты с верховьев Двины до самой Риги. Я хорошо помню, как плоты подгонялись к берегу. Мы бежали к реке, забирались на круглые скользкие бревна и прыгали в воду. Главное было — не поскользнуться. А то могли засмеять неудачника».

Прошло много лет, но я часто вспоминаю маленький домик на берегу Двины, где жили родители и мы, трое братьев: Исроил, Рафаил и я.

Папу звали Юдель. В возрасте 20 лет пошёл работать в Центральный рабочий кооператив, позже переименованный в горпищеторг. Грузчик, разнорабочий, экспедитор — трудился на одном месте до самой смерти в 1967 году.

Мама, Раиса Рафаиловна, была властная женщина, и в доме командовала она. У мамы было много родственников. В основном, сапожники и портные.

До войны в Полоцке хорошо знали её брата — дамского портного Гиршу Бутяка. Когда-то в молодости он работал в Дании в Копенгагене. Там прошёл хорошую школу. Над дверями дома Гирши Бутяка висела красивая вывеска: "Дамский портной".

И Гирш, и его брат сапожник Исаак, и моя двоюродная сестра Роза играли в еврейском театре, который был в клубе "Красных кустарей".

...Исаак Бутяк пострадал ещё во время Первой мировой войны — попал под газовую атаку немцев и стал инвалидом. Два его сына — Лёва и Гриша — погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Ещё один мамин брат, Залман Бутяк и вся его семья были расстреляны в лепельском гетто.

Родители всегда хотели дать нам хорошее образование. Они мечтали, чтобы дети получили приличные профессии.

Дома старались соблюдать еврейские традиции. Кушали кошерную пищу, за мясом ходили к резнику. По субботам и праздникам родители шли в синагогу и брали нас с собой.

...Все, кто жил на берегу Двины, имели свои лодки. Весной, сразу после ледохода, мы плавали по "большой" воде с баграми, топорами, ломami и вылавливали из воды всё, что могло гореть и быть строительным материалом. Заготавливали столько, чтобы всю зиму можно было обходиться без покупки дров.

Когда наступили суровые годы войны, старший брат

Исроил служил танкистом на Дальнем Востоке. Средний брат Рафаил был студентом второго курса Ленинградского университета. Его призвали в армию. Он погиб в 1943 году во время прорыва ленинградской блокады.

Отец воевал на Волховском фронте.

Мне было 17 лет. После окончания ФЗУ работал на авиационном заводе. Имел бронь. Но пошёл в военкомат и попросил направить меня в действующую армию. На передовую попал в январе 1943-го. Был рядовым, потом помощником командира взвода. Отдых наступал тогда, когда меня отвозили в госпиталь. Семь ранений за два года и четыре месяца...»

В Полоцке, как и в любом другом городе или местечке с большим еврейским населением, были свои чудачки, мудрецы, глупцы — заметные люди. Со временем их биографии обросли подробностями, которые были в действительности или чаще их придумывали, стали легендами, и несколько поколений вспоминали о них во время застолий. Кому-то из этих чудаков повезло (или не повезло), и они стали героями литературных произведений. Некоторые «обосновались» на страницах журнала «Мишпоха», как Ёська — борец Иосиф Ривкин.

«Лёвкин отец был тренером по французской борьбе в спортивном клубе “Динамо”. До этого был борцом, выступал в цирке. Борцом Иосиф Ривкин стал из-за самолюбия. Иосиф, а тогда просто Ёська, работал на Полоцком мясокомбинате. Парень был очень сильный. С сырой шкурой, с которой работали два-три человека, он управлялся один. Как-то в Полоцк приехал цирк с группой борцов. На одном из выступлений Ёська был с друзьями. Предложили желающим помериться силой с любым из борцов. Полоцк — город небольшой, все друг друга знали. Сильнее Ёски в городе, наверное, никого не было. Поэтому его

стали подзадоривать выйти на арену. Если вы ожидаете, что я расскажу, как Ёська перекидал по очереди всех борцов, то я вас разочарую. Пусть эти майсы рассказывают другие. Два раза Ёська хватался за борца и оба раза, меньше чем через минуту, оказывался на лопатках. На третий раз Ёське удалось обхватить борца. Цирк взвыл: "Уделай его, Ёська!", но борец, упав на "мост", так швырнул Ёську через себя, что тот вылетел за барьер. Под свист и улюлюканье Ёська убежал. Больше его на представлении никто не видел.

Прошло какое-то время. В Полоцк снова приехали борцы. На расклеенных по городу афишах среди их имен и титулов было имя Иосифа Ривкина. Ёська приехал в родной город не один, а с женой Хаей, которую он увёз из Брянска, где она училась в консерватории. Хаин отец Абрам — кондитер из Бежицы, когда узнал об этом, схватился за голову.

— Таких бижейнес (позора — идиш) я не перенесу! — бушевал он. — В нашей фамилии никогда борцов не было! Правда, было два выкреста, но такого — нет!

Иосиф с женой объездили всю страну, и когда встал вопрос, что сыну Лёвке нужна постоянная школа, они обосновались в Витебске».

Михаил Хайкин. «Шепсэлэ». журнал «Миш-поха», № 21.

Сора-Рива Лившиц воспроизводила жизненные эпизоды, которые происходили много десятилетий назад:

«Отец был сапожником. Звали его Хона Моисеевич. Он дома шил понемножку. В двадцатые годы, когда свернули НЭП, ему пришлось пойти работать в артель. Он был верующим человеком, но приходилось работать и по субботам, и ничего поделать он не мог. Мама, её звали Малка, была домохозяйкой. Работы у неё хватало. В доме было десять детей: шесть девочек и четыре парня. Я — старшая. Потом шли сёстры, четверо младших детей — братья.

Дома разговаривали на идиш. Русский язык родители знали, но переходили на него, только когда говорили с русскими людьми. И то часть наших нееврейских соседей, свободно говорила на идиш

Помню, когда шёл суд над Бейлисом, его обвинили в ритуальном убийстве, будто он добавлял в мацу кровь христианского младенца, все кругом говорили об этом. Наш сосед, заготовщик, получал газету из Петербурга, и соседи со всей улицы собирались у него, он читал вслух статьи, а потом обсуждали это.

В Полоцке были богатые евреи, и, конечно, они серьёзно влияли на жизнь общины. Минц торговал мануфактурой, Будняцкий, Коц, Лифшиц — галантереей, Шлозберг — обувью. Он даже в Америку по торговым делам ездил.

На Рош-а-Шона и Йом Кипур в Полоцк приезжал какой-то известный хазан (кантор). Его в синагогу ходили слушать по билетам.

В школе я не училась. Девочки из небогатых семей редко учились в школах, это мальчиков обязательно учили. Меня с детства отдали в ученье портнихе. На идиш я научилась читать от одной пожилой женщины. Приходила она и учила девочек читать. Я на обед никогда не ходила — училась этих полчаса читать. Вообще стремление к учёбе было большое. Грамотных людей уважали. Но надо было зарабатывать.

Станный сон я видела накануне войны. Тогда же о нём рассказала, и родственники это могли подтвердить. Как будто пришла ко мне мама, которая умерла недавно, и говорит, что будет большая война, надо скорей убежать из Полоцка. Это было в пятницу. А в воскресенье началась Великая Отечественная война.

Много наших родственников погибло в полоцком гетто. Сестра Пешке с мужем, четверо их детей и свекровь.

Все мои братья были на фронте.

Муж Абрам был слабым здоровьем, его в армию не взяли. Мы и трое наших детей успели уйти на восток. Муж погиб в эвакуации в Кировской области. Работал на заводе. Послали за фуражом. Попал под машину. Осталась одна в чужом краю с маленькими детьми. Слава Богу, люди помогли, мы пережили войну и вернулись в Полоцк. Наш домик сохранился. Мы заселились в него, к нам из эвакуации возвращались родственники, и в первые послевоенные годы нас жило 24 человека в этом домике.

Пошла работать. Надо было ставить детей на ноги.

Всегда соблюдала субботу, даже в эвакуации, никогда не ела трешное. Скажите, раз выбирала что кушать, значит, неплохо жили... Ела картошку, свеклу, капусту, а иногда и голодная сидела.

После войны в Полоцке не было синагоги, люди молились в частных домах. Миньян собирался, даже когда за это были неприятности. Сначала мы молились на одной улице, потом перешли в дом на Лепельскую улицу. Там жил один мужчина с дочерью. Я ходила, молилась. Мне было о чём просить Бога. Я сшила для свитка Торы одеяние из плюшевой ткани и расшила его серебряной нитью.

У меня дома хранились два молитвенника. Я купила их в Полоцке после войны. Как молитвенники пережили войну — не знаю. Когда в начале девяностых в Полоцке снова образовалась еврейская община, я отдала их, чтобы они были полезными для людей».

Давно нет среди нас Соры-Ривы Лившиц. Но пускай память о ней сохранится, — для этого я опубликовал эти записи.

После публикации в facebook объявления о том, что готовится книга о евреях Полоцка, получил письмо от Маши Голдман:

«В Полоцке приблизительно с 1886 по 1919 годы жил один из моих не прямых предков известный кантор Арье Лейб Шлозберг. Сара-Рива Лившиц упоминает его в своих воспоминаниях как владельца магазина обуви. В действительности магазин находился в руках его жены, а он много ездил по империи и Соединённым Штатам с выступлениями. Семья у него была большая — семь сыновей.

В газете на иврите "Ha-Melitz" 9 июня 1887 года сообщается о создании в Полоцке еврейской больницы с отделением для приюта стариков. Среди жертвователей упомянут и кантор Шлозберг. Это первое печатное свидетельство его проживания в Полоцке. Годом ранее в Полоцке у него родился сын Иосиф. Это был второй брак кантора с жительницей Полоцка Йохевед Элкин».

Фамилия Алуф была распространена среди полоцких евреев. Не знаю, были они родственниками Соры-Ривы или нет. В переводе с иврита алуф — это «принц», а также «генерал» или «командующий». В Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) это высшее воинское звание, эквивалентное в других армиях званию генерала.

Хацкель Шмуилович (Александр Самуилович) Алуф родился в 1885 году в Полоцке. Примыкал к меньшевикам, затем вступил в ВКП(б). До ареста — начальник Главной аптечной инспекции Наркомата здравоохранения СССР. Людей с такой биографией карательный меч, занесённый сталинским режимом, обязательно должен был настичь. 16 июля 1938 года Алуф был арестован за «участие в контрреволюционной организации и за вредительство». Внесён в расстрельный список Л. Берии — А. Вышинского от 15 февраля 1939 года по 1-й категории. Председатель Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюрист В. Ульрих подписал список из 29 осуждённых на расстрел и отправил капитану госбезопасности т. Петрову: «Прошу Вас сделать распоряжение

о немедленном приведении в исполнение приговора от 20 февраля 1939 года...». И без промедления, как и было указано, т. Петров пишет от руки карандашом внизу списка: «Приговор к расстрелу в отношении двадцати девяти указанных здесь осуждённых приведён в исполнение 20/2 39 г. в 24 часа...»

Место захоронения — «могилы невостребованных прахов» № 1 крематория Донского кладбища.

Государственная расстрельная машина работала без сбоев. Расстреливали своих. Впрочем, кто из них и кому были своими?

4 февраля 1956 года А. Алуф посмертно реабилитирован определением Военной коллегии Верховного суда СССР.

Старший брат Александра Самуиловича — Исаак Самуилович Алуф — родился 18 (30) ноября 1883 года в Полоцке. На восьмой день, во время обряда брит-милы, получил имя Ицко-Айзик. Отец был мелкий торговец. Семья не нуждалась. Родители видели Исаака как продолжателя не богатых, но приносящих «копейку» отцовских занятий. Он сам хотел стать врачом и заниматься лечебным делом.

В то время в Российской империи евреям было сложно поступить в гимназии, а без гимназического аттестата был закрыт путь к поступлению в университет и в науку вообще. Зарабатывая на жизнь уроками, Исаак Алуф самостоятельно подготовился к экзамену на аттестат зрелости, который сдал в 1904 году экстерном, получив высшие баллы по всем предметам. В том же году Алуф поступил на медицинский факультет Императорского Казанского университета.

В 18-летнем возрасте Исаак стал активно участвовать в революционном движении, вёл нелегальную пропагандистскую работу. 20 февраля 1906 года Алуф был арестован и исключён из университета, приговорён к ссылке

в Архангельскую губернию. Однако это наказание было заменено на выезд за границу.

В 1908 году отошёл от революционной работы, и в том же году был вновь принят на медицинский факультет Казанского университета. Заинтересовавшись исследованиями в лаборатории клиники нервных болезней при университете, где студентом изучал методику микроскопического исследования нервной системы, по рекомендации профессора Л.О. Даркшевича пытался остаться там ординатором, но не был утверждён попечителем учебного округа из-за «политической неблагонадёжности».

Служил в армии во время Первой мировой войны. Работал в клинике нервных болезней медицинского факультета Казанского университета. Несколько лет трудился заведующим организационным отделом Народного комиссариата здравоохранения Татарской АССР.

В 1926 году Алуф был командирован в Германию, где следующие два года работал в Невробиологическом институте Берлинского университета и Берлинском институте мозга. Вернувшись в 1928 году получил учёную степень доктора медицинских наук. В 1930 году был избран профессором и директором клиники нервных болезней, а также заведующим кафедрой нервных болезней медицинского факультета. С образованием в 1930 году Казанского государственного медицинского института остался в должности заведующего кафедрой, которую занимал до 1935 года.

Тяжело заболев и оказавшись прикованным к постели, был вынужден оставить работу в институте.

Скончался Исаак Самуилович Алуф в ночь с 19 на 20 июля 1935 года в возрасте 51 года.

В 1936 году имя Алуфа было присвоено клинике нервных болезней Казанского мединститута, однако лишь спустя несколько десятков лет на стене клиники нервных

болезней, хоть и перемещённой в другое здание, появилась мемориальная доска, посвящённая Исааку Алуфу.

Одного из Алуфов в 1950-е — 1960-е годы знали в Полоцке практически все. Михаил Ефимович с 1961 года возглавлял трест «Межколхозстрой», который много строил в деревнях и городских посёлках Полоцкого и других районов Витебской области. Да, и кроме должности он был очень уважаемый и авторитетный человек — член бюро райкома, депутат районного совета — в те годы это значило очень много.

Михаил Ефимович всего добился в жизни благодаря трудолюбию, знанию дела, умению находить общий язык с людьми. Сын портного из многодетной семьи, он рано стал помогать отцу. В 1929 году, когда в Полоцке открылась первая школа фабрично-заводского обучения, стал её курсантом. Потом работал столяром. В 1933 году в числе 600 комсомольцев республики был направлен на работу в политотдел МТС. Тогда, в годы массовой коллективизации, это был очень важный для страны участок работы. Михаила Ефимовича утверждают комсомольским руководителем приграничного колхоза «Чырвоная Полаччына».

Потом была война. Действующая армия. Карельский фронт, Мурманск, Заполярье. Алуф — заместитель командира дивизии по политчасти. Вернулся домой капитаном.

В 1953 году его снова отправляют на сложную работу — председателем отстающего колхоза имени Карла Маркса. Через пять лет хозяйство одно из лучших в районе, а его председатель Михаил Ефимович Алуф награждён орденом Ленина.

Пытаюсь из бесед с очевидцами нарисовать для себя картину довоенного Полоцка, который ещё знал еврейскую жизнь, складываю, как пазлы, короткие фрагменты воспоминаний. Прошло больше восьмидесяти лет, для

истории древнего города — мгновение, но на улицах и в домах совершенно другая жизнь.

Судьба Моисея Абрамовича Сущина сложилась так, что в начале 1990-х годов двое его детей с семьями уехали в Израиль. Жена была тяжело больна, и он, в надежде на чудо медицины, отправился тоже в Израиль. Но случилось несчастье с его сыном Львом, названным в память о брате Лейбе, а вскоре умерла жена. В Полоцке жили дочь, внуки, и Моисей Абрамович вернулся к ним.

Мы беседуем с ним в Клубе еврейской общины Полоцка, который в конце 90-х годов располагался в здании бывшей еврейской школы. С того времени прошла целая жизнь, сменилось не одно поколение. В его родном Полоцке мало кто знал историю этого дома, но 88-летний Моисей Абрамович часто приходил сюда.

«Мой отец Абрам, дома его звали Абе, — портной, мама Хана — домохозяйка. У них было шестеро детей. Две моих сестры и четыре брата. Два брата родились в Каунасе в Литве, ещё один брат и сестра — на Украине, в Мелитополе, я и младшая сестра — в Полоцке. Братья были 1911, 1913, 1917 годов рождения.

Мама родилась в Каунасе, отец — речицкий, Гомельская область. Они жили после свадьбы в Литве, затем в Мелитополе. Украина после Гражданской войны была разорённой, начался сильный голод, и родители решили переехать в Белоруссию. Остановились в Полоцке. Почему сделали такой выбор, никто мне так и не смог объяснить. Папа съездил, посмотрел, ему понравился город. Здесь не было никого из родных, приехали на голое место. Папа много работал. Он был, как тогда называли, кустарь-одиночка. Построил дом на нынешней улице Ленина. Но, видно непосильный для него труд подорвал здоровье, и в 48 лет, в 1934 году он умер от сердечного приступа.

Мама осталась одна, но к этому времени у нас уже работали два брата. Старший Лейба — портным в военном ателье, Ефим — в школе преподавателем физкультуры. Мама была очень хозяйственная, гостеприимная, её, как говорят, “носили на руках”.

Я до войны здесь учился, — говорит Моисей Абрамович, — в еврейской школе. Ди зексте идише шул, — вероятно, подумав, что я не понял его (а кто сегодня понимает идиш?), он переводит. — Шестая еврейская школа. Все предметы, кроме белорусского и русского языка, преподавались на идише. Директором был Бляхман Арон Фадеевич, географию преподавал Киш, физику и математику — Шуб Вера Иосифовна, Павлюченко — белорусский язык. Эта школа просуществовала до 1 сентября 1937 года. А потом она стала белорусской. Еврейские школы были ликвидированы. В Полоцке в двадцатые-тридцатые годы было три еврейских школы: третья, здание сохранилось, сейчас там художественная галерея; наша — шестая, и в Задвинье была ещё одна еврейская школа. Получали среднее образование. Нашу школу закончили многие заслуженные люди, например, известный художник Гордон. Многие потом учились в еврейских техникумах в Витебске, Минске. Образование было хорошее, многие поступали в институты. В школе давали хороший русский язык. Мы, восемь человек, 1 сентября 1937 года перешли в школу № 9 — лучшую по тому времени в Полоцке. Её директор был преподавателем русского языка с ещё дореволюционным стажем. Он в порядке знакомства дал нам диктант. На следующий день сказал, что мы написали лучше, чем те, кто у него уже учился».

С Борисом (Бенчей) Израильевичем Бимбадом я беседовал в начале 2000-х годов:

«Я родился в Полоцке в 1929 году. Адрес довоенного дома помню — Задвинье, улица Красина, 33.

Семья у нас была большая — девять детей. Двое умерли в младенчестве. Отец был возчиком в артели «Чырвоны возчык». Работал на коне. До 1933 года кони были свои. Потом всё обобщили, коней забрало государство, хотя отец продолжал работать на том же коне, но теперь он ему уже не принадлежал. Родители были верующие. Две синагоги у нас были в Задвинье. Одна около нас, по улице Красина, там, где сейчас школа. Вторая тоже по улице Красина. Потом её забрали, и там до войны было общество глухонемых. Я бывал в этой синагоге с родителями, с бабушкой, слушал, смотрел. Я застал бабушку и бабушку по отцовской линии. Деда звали Янкель Бимбад.

Семья как многодетная получала пособие — 2 тысячи рублей. Мы жили в своём доме. У нас корова была, козы, конь — пока не обобщили.

Нам помогали родственники. Дом мы купили за американские доллары. А потом отца «тащали». Брат мамы жил в США, потом в Канаде — Катков, отца сестра и братья, тоже там жили. Они присылали деньги. Был «Торгсин» (магазин, торгующий за иностранную валюту) в центре Полоцка. По-моему, по улице Коммунистической. На доллары продавали продукты. С продуктами трудно было. С помощью долларов семья жила более-менее. Отец один работал. Но держали корову, молоко продавали. На эти деньги покупали, что нужно для семьи.

Дома говорили на идише, но я большей частью говорил по-русски. Еврейскую школу закрыли, и отец стал приглашать меламеда на дом. Он был уверен, что сын должен получить еврейское образование. Без него, он считал, мальчик будет неграмотным. А потом гонения стали. Всё запретили. Ни о

каком еврейском образовании уже не было речи. Вслух боялись об этом говорить. Навести страх у нас умели. Я помню с тех пор четыре еврейские буквы: алеф, бет, гимел, далет. Ходил в русскую школу. До войны окончил 4 класса».

Вспоминает Муся Юдовна Аскинази. Её взрослая жизнь прошла вдалеке от Полоцка, на берегах Волги, в городе Горький (Нижний Новгород). После окончания Горьковского политехнического института по специальности «радиотехника» работала в Горьковском научно-исследовательском приборостроительном институте ведущим инженером. Но город детства Муся Юдовна всегда вспоминала с теплотой и нежностью: «Я родилась 15 мая 1927 года в Полоцке. Отец Аскинази Юда Мовшев-Ициков (Моисеевич) (1886 г.р., Полоцк — 1953 г., Горький), до войны работал слесарем-водопроводчиком на заводе сельхозпродукции в Полоцке.

Дедушка Аскинази Мовша-Ицик (Моисей), бабушка — Хая-Сора. В их семье было семеро детей. Кроме Юды было ещё трое сыновей (Яков, 1880 г.р., уехал в Нижний Новгород в начале XX века; Нисон, 1893 г.р., тоже уехал в Нижний Новгород перед революцией; Беньямин жил в Орле, погиб во время войны) и три сестры (Злата, 1884 г.р., Дора, 1888 г.р., Роза — жили в Полоцке, во время войны не эвакуировались и погибли).

Мама: Иофик Шейна-Мина (Соня) Самуиловна (1894 г.р., Полоцк — 27.11.1972 г., Горький), была домохозяйка, портниха, начала работать в 9 лет белошвейкой у хозяйки в Полоцке.

Её родители: отец Иофик Самуил (... — 1936 г., Полоцк), мама — Лея (... — 1943, 1944 г. умерла в Казахстане). Дети: Шейне-Мина (1894 г.р.), Михл (1892 г.р.), Соломон (1896 г.р.), Мера (1898 г.р.) и приёмная дочь Хана.

Мама Ханы умерла, когда малышка была ещё в грудном возрасте. Бабушка Лея в то время кормила Меру и вы-

кормила эту девочку, а потом и удочерила её. Хана вышла замуж за Зусю Кагана и жила в Витебске. Когда началась война, муж ушёл на фронт, она пошла в ополчение на защиту города и погибла. У них было две дочери: Песя и Рема. Старшая Песя воевала на фронте, младшая Рема была в эвакуации с тётей Мерой. После войны тётя Мера продолжала опекать сестёр. Рема жила у неё постоянно, училась, затем вышла замуж и переехала жить в Волгоград.

Полоцк вспоминаю с ностальгией и тёплыми чувствами — там прошло моё детство, школа, друзья, родственники... Город красивый, стоит на берегах двух рек — Западной Двины и её притока Полоты. Реки делили город на несколько частей. Наша семья жила в центральной части города, мамины родители жили "за рекой" (как тогда говорили, то есть — за Двиной), а папины — за Полотой. Над городом возвышается красивый Софийский собор.

Население многонациональное, много белорусов, русских, евреев, поляков. Я была девчонка, и мы, среди детей, не очень обращали на это внимание. Большинство школ были белорусские. Русская школа (№ 10) находилась на горе рядом с Софийским собором. Я училась в русской школе, хотя от нашего дома было далеко — минут двадцать идти пешком. Все уроки шли на русском языке, но учили также белорусский и немецкий языки. Среди учеников были дети разных национальностей. Конфликтов на национальной и религиозной почве не было. Мы дружили, играли, ходили друг к другу в гости. Еврейская школа тоже была, в ней учился мой дальний родственник Гриша Пайкин.

Еврейское население из нашего окружения были мастеровые, рабочие, мелкие ремесленники. Мы жили в одном доме с семьёй Фельдман (дом был деревянный на две семьи). У них было восемь дочерей. Когда началась война, они не стали эвакуироваться и погибли. В живых

остались только две дочери (одна вышла замуж и жила в Москве, вторая уехала учиться в институт). В соседнем доме жила очень верующая еврейская семья. Они отмечали все еврейские праздники. На Суккот строили во дворе Сукку, а мы, дети, бегали там и играли».

Предвоенные годы были очень беспокойные. 17 сентября 1939 года войска Красной Армии вошли на территории Западной Белоруссии и Западной Украины, присоединили их к Советскому Союзу. Гитлеровские войска оккупировали остальную территорию Польши. На территории Белоруссии появились польские беженцы, в том числе и евреи, которые уходили на восток от гитлеровской оккупации. Их было много, они расселились в каждом городе, во многих местечках.

По секрету, чтобы лишние уши не слышали, но рассказы беженцев распространялись довольно быстро. Они общались о том, как гитлеровцы расправляются с евреями. Кто-то верил в это, кто-то не верил, но чувство страха это вселяло во всех.

Вспоминает Моисей Абрамович Сушин:

«В Полоцке было много польских беженцев. Объявили, что каждая семья должна приютить определённое количество этих людей. И у нас дома тоже жили беженцы. По вечерам собирались, разговаривали. Они злились на наш бюрократизм, говорили: "Куда не приди, всюду требуют бумажку. Без неё ни шагу". О войне и фашистах при посторонних не говорили, наверное, боялись. Многих арестовывали, говорили, что они "враги народа", и поэтому политику в разговорах обходили стороной».

В «польском походе» участвовали служившие в армии полочане. Затем в 1940 году началась «финская кампания» — война Советского Союза с Финляндией.

В Полоцке есть улица, носящая имя земляка Максима

Рапейко. 17 сентября 2021 года на Аллее Героев Советского Союза в Полоцке отмечен его подвиг.

«Почти столетия, до 1990 года, — пишет журналист В. Лихачёв, — мы ничего не знали о нашем земляке, Герое Советского Союза М.О. Рапейко. Максим Осипович Рапейко родился в 1907 году в г. Полоцке в семье служащего. Член КПСС с 1932 года. Образование среднее. В Советской Армии с 1926 года. Окончил военное пехотное училище. К началу советско-финляндской войны капитан М.О. Рапейко ... прошёл армейскую школу командования стрелковым взводом, ротой, был выдвинут на должность командира разведывательного батальона 5-й Витебской краснознамённой стрелковой дивизии имени Чехословацкого пролетариата, которая дислоцировалась в Полоцке. ... За короткое время сумел сколотить разведбат в крепкое, вполне подготовленное к современному бою подразделение. Его высокие морально-политические качества проявились в боях при прорыве линии Маннергейма на Карельском перешейке. Из архивных документов и воспоминаний его боевых товарищей стало известным следующее. Разведка установила, что на пути в район Карахулы главным препятствием для наших войск являются две сильно укрепленные финнами высоты: "Груша" и 38,2. Части 113-й стрелковой дивизии и её 149-й отдельный разведывательный батальон под командованием капитана М.О. Рапейко с 5 февраля 1940 года начали бои за овладение высотой "Груша". Однако попытки прорвать линию укреплений и занять высоту атакой в лоб не имели успеха. Тогда наше командование решило применить фланговый маневр и приступило к подготовке наступления. Сапёры и артиллеристы проделывали проходы в надолбах, уничтожали опасные для танков и пехоты выявленные огневые точки врага. ... Густые ветви елей, покрытые снежными шапками,

скрывали от врага сосредоточившиеся танки и пехоту. 9 февраля в 12.00 часов под командованием капитана Рапейко танки и взятая на буксир в бронированных санях пехота выехали из укрытий на исходный рубеж для атаки. ...Танки и пехота рванулись вперёд. В одном из танков был Рапейко. В первые мгновения противник был ошеломлён неожиданным ударом с фланга. В ликвидации огневых точек противника бойцы и командиры батальона капитана Рапейко проявили мастерство, умение и смелость. Враг с потерями отходил за высоту 38,2. Всю ночь с небольшими перерывами шёл бой за удержание высоты "Груша", и капитан Рапейко своим личным примером мужества, выдержки и героизма вдохновлял бойцов и командиров батальона, увлекая их на достижение победы. В наградном листе М.О. Рапейко записано: "Организованная им оборона занятой у противника высоты «Груша», в районе высоты 38,2, дала блестящие результаты". ... "Бой продолжался 36 часов, измотал силы бойцов, — вспоминает батальонный комиссар А. Герасименко. — В самый напряжённый момент наши самолёты пронеслись на бреющем полёте и обрушили свинцовый дождь на белофинов. В то же время с восточной стороны высоты "Груша" подошло подкрепление в составе пяти танков и двух рот пехоты. Мы бросились в атаку и вскоре разбитые части противника окончательно отошли за скаты высоты 38.2. Нашими войсками укрепления и доты на высоте 38,2 были уничтожены. Линия Маннергейма на участке Карахулы прорвана". ... Капитан Рапейко с малочисленной группой бойцов выбил врага со станции Юханнес, занял её (ныне г. Советский Выборгского района). ... Когда начались бои по очищению близлежащих островов, командир дивизии приказал капитану Рапейко, чтобы он со своим разведбатом поддерживал наступательные действия лыжного батальона в северной части острова Ласи-Сари.

В бою за остров пехота продвигалась от рубежа к рубежу вслед за огневым валом артиллерии. Пропустив наши передовые части и оказавшись в тылу, эти “кукушки” — снайперы — выводили из строя командиров. И это, несмотря на то, что наши разведчики предпринимали активные меры по уничтожению “кукушек”. ... Приняв на себя командование объединёнными силами на острове Ласи-Сари, капитан Рапейко в течение продолжительного времени умело и искусно отражал контратаки численно превосходящих сил противника.

М.О. Рапейко похоронен на месте боёв 26 февраля 1940 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 года Максиму Осиповичу Рапейко (посмертно) присвоено звание Героя Советского Союза».

Витебский областной совет Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. Полоцкое городское отделение. Герой — наш земляк. Типография им. Ф. Скорины, г. Полоцк. 1990 г.

Полоцк находится на важнейшем стратегическом направлении. И все европейские войны последних столетий прокатились на огненных колесницах по его улицам.

Война разделила жизнь страны и всех людей на две части: до войны и после. Те, кто пережил эти страшные дни, возвращался на прежние места, попадал в новую реальность, перепаханную снарядами, уничтоженную смертями, где соседствовали героизм и трусость, вера и желание выжить любой ценой.

Интервью с Абрамом Дубовским было записано в феврале 1994 года. После войны он работал в типографии верстальщиком, 41 год трудового стажа, а в первые же дни войны стал бойцом истребительного батальона.

«О начале войны я узнал, прослушав выступление по радио Председателя Совета Министров СССР, — рассказывает А. Дубовский.

С приближением фронта к городу Полоцку партийные и советские органы мобилизовали силы полочан на оборону, тысячи людей участвовали в строительстве оборонительных сооружений, эвакуации горожан. 25 июня 1941 года немецко-фашистские захватчики бомбили Полоцк, первые бомбы были сброшены на железнодорожный вокзал, аэродром, после этого дня бомбёжки были ежедневные.

Через несколько дней после начала войны решением партийных и советских органов был сформирован истребительный батальон. Из его руководства помню Гарбукова Ивана Прокопьевича — заведующего районо, Гукова Павла Евдокимовича — преподавателя 1-й школы, Ильева Григория — секретаря райкома комсомола, Рожкова — представителя милиции. Батальон размещался в Доме партпросвещения, сейчас там сквер напротив профтехучилища по проспекту Карла Маркса, и в Доме просвещения по улице Сакко и Ванцетти — сейчас там молочный магазин.

Все бойцы батальона были вооружены винтовками и патронами. В батальоне были комсомольцы — 16-17-летние школьники 9-10 классов.

Перед батальоном стояли задачи: охрана военных объектов, электростанции (где сейчас СШ № 10), мельницы (где сейчас старое здание сельхозтехникума), мостов через Западную Двину, Полоту и борьба с десантами, которые немцы засылали в город. Находясь на постах по охране электростанции во время бомбёжки погибли многие бойцы батальона. Среди них мой одноклассник Ефим Гуткин, 1923 г.р.

Выезжали на борьбу с десантами в район деревни Бельчица.

Через деревянный мост, соединяющий берега реки Двина, двигался большой поток беженцев из западных районов Белоруссии, среди них были переодетые немцы в форме милиции, которых задерживали.

Улицы города патрулировали усиленные наряды.

Бомбили город 20, 30 июня и 1, 2 июля. Особенно сильно бомбили 3 июля 1941 года. Было много убитых и раненых среди мирного населения. Полоцк был в огне.

В батальоне со мной были Аркадий Тарлер, Роман Злоткин, Евсей Ежилевский, Исаак Шалман — все 1924 года рождения».

Прочитал текст воспоминаний Абрама Дубовского и остановился на фамилии Григория Ильева — секретаря горкома комсомола. Тогда, в силу молодости, а может, и по другим причинам, его не называли по отчеству.

Я помню дядю Гришу — Григория Израилевича Ильева — в начале 60-х годов. Он жил в Витебске, был директором кинотеатра «Мир». Дружил с моим отцом, они часто вместе ездили на рыбалку. После работы отец брал меня, и мы заходили в кинотеатр. Пока они беседовали, обсуждали что-то (отец работал в кинопрокате — были общие темы), меня отправляли в буфет пить «Ситро» с коржиком. Из рассказов отца всплывают какие-то отрывочные данные биографии Григория Израилевича: работал в Полоцке начальником областного управления культуры. Когда Полоцкую область упразднили, переехал в Витебск и стал работать директором кинотеатра. Я был школьником младших классов и, понятно, меня ещё не интересовали исторические темы. А когда заинтересовался, спросить уже было не у кого.

Насколько я знаю, внуки и правнуки Григория Израилевича живут в Израиле.

С Мирой Израилевной Зусман я беседовал в 2024 году. Накануне её столетия. Она старейшая еврейская житель-

ница Полоцка. Мира Израилевна подробно рассказывала мне о родительской семье, об их довоенной жизни:

«В Полоцке мои родители живут с 1926 года. В 25-м году я родилась в Дриссе, есть такой город, ныне Верхнедвинск, а потом мы переехали в Полоцк. Папа Израиль Михайлович Хойгин работал в артели. Мама — Сара Григорьевна Хойгина (девичья фамилия Гершевич) — была домохозяйкой, как и многие семейные женщины довоенного времени. Помню папину маму — мою бабушку. Худенькая, маленькая, жила с папиной сестрой в Полоцке, звали Райхе, а тётю — Тайбеле. Она была глухонемая. Бабушка обычно говорила на идише. Со мной можно было на идише, и можно было по-русски разговаривать. Мама была портнихой, но она шила не всем. Нельзя было это делать в открытую, надо было налог большой платить. В 39-м году, когда присоединили Западную Белоруссию и Западную Украину, оттуда офицеры привозили жёнам отрезы шёлковые, мы такие никогда в жизни не видели. Жена офицера принесёт отрез, мама сошьёт, она забирала платье и говорила подруге, что можно нести, «Сара Григорьевна вам сошьёт».

В семье было двое детей, я и Лёва, он старше на три года.

Я пошла в белорусскую школу, но мне трудно было учиться. Потому что никто по-белорусски в семье не говорил, говорили на идише. Еврейская школа была, но я не пошла, не хотела. Хотела в русскую, но меня записали в белорусскую школу.

Взрослые чувствовали, что дело идёт к большой войне. Говорили, что будет, но не теперь. Мол, Сталин договорился с Гитлером, и сейчас не будет войны. Но всё равно все боялись. В Полоцке после 1939 года были польские беженцы. От них мы узнали, что Гитлер убивает евреев, что надо уходить подальше от границы.

22 июня сидели у нас дома вместе с одноклассницей.

Мы решили пойти учиться в агрономический техникум, на отделение бухгалтеров. Приготовили все документы. Это было в воскресенье, и завтра начинала работать приёмная комиссия, мы должны были идти подавать заявление. Вдруг слышим по радио: "Работают все радиостанции Советского Союза". Остались сидеть перед радиоточкой: "Сегодня, в четыре часа немецкие самолёты..."

Это значит — война.

Мы решили подождать немножко, но знали, что оставаться в Полоцке нельзя.

Я не помню, где был папа, я с мамой жили в маленьком домике. Мы замкнули его висячим замком, и мама себе ключ повесила на шею. У неё было единственное пальто, забрали его, подушку. И самое главное — документы. И побежали через лес. В лесу столько валялось одежды, пакетов, бери любой. Но никому это не надо, тяжело всем было. Творилось что-то страшное. Дошли до Невеля. Стоит поезд с военными, битком набит людьми. Они нас забрали. Военные, кого только могли, тащили в вагон. Только отъехали, налетели немецкие самолёты и стали бомбить. В наш вагон не попали, перед нами вагон был разбит вдребезги. Все погибли, а в наш вагон только осколки.

Если удастся уйти — решили мы — поедem в Саратов. Там жила мамина старшая сестра Лина. А больше у нас нигде и никого не было.

Старший брат в армии. Мы ничего не знали, где он и что с ним. Но остался живой. Прошёл всю войну, вернулся.

Судьба отца? Когда началась война, мужчины побежали в военкомат. Их домой уже не отпускали. Сразу отправляли на фронт, а папа был ранен ещё в 1918-м году. Принимал участие в Гражданской войне. У него была язва, пуля сидела в ноге. В армию не взяли».

Рива Пейсаховна Бляхман родилась в 1932 году в Полоцке:

«Отец, Пейсах Бляхман, возил дрова на лошадях, грузил, разгружал, числился при каком-то складе. Работа была тяжёлая. Мама, Бася Мовшевна Гильман, тоже полоцкая. Родила троих детей. У меня было два брата. Работы маме хватало по дому. Жили мы по улице Войтова. У деда, отца моего отца, был частный дом. В этом доме жила вся его большая мишпоха».

Детская память странная. Выхватывает какие-то события, и они всегда живут в нас. Почему именно это, а не другое, запомнилось, объяснить невозможно.

«Помню, как в детский садик ходила, мамина сестра меня часто на руках носила, — продолжает рассказ Рива Пейсаховна. — Однажды она купила мне валеночки, поставила меня на стол, и я ходила по столу в этих валеночках. Мне тогда было 2 или 3 года. Первый класс я окончила до войны в Полоцке. А дальше эвакуация.

...Стала гудеть сирена — это первое моё воспоминание о войне. Мама схватила на руки младшего брата Сёму, ему было тогда два года, он в это время болел, я со старшим братом обступили маму с двух сторон, и пошли вслед за ней в дом на противоположной стороне улицы. Там находился ДОСААФ и было бомбоубежище. Потом отец вывез нас в деревню, на неделю или чуть больше. Я в деревне всё время сидела и в окошко смотрела. Однажды вижу, летит самолёт, и из него падают парашютисты. Чей это был десант и куда он делся потом — не знаю.

...Немцы быстро продвигались на восток и вскоре подошли к Полоцку. Отцу дали лошадь с телегой, чтобы он нас вывез. На телегу погрузились три семьи: мама с младшим братом, мамина сестра (она была беременной) с дочкой семи лет и ещё какой-то незнакомый мужчина.

Фамилию его помню — Канович. Поехали в Торопец (ныне Тверская область). До него почти 300 километров. Обоз был большой. Заезжали в деревни. Были такие, которые принимали, кормили, с собой давали, лошадей поили, а были такие, что народ выстраивался в шеренгу, и нас не пускали даже заехать. Мы просили хотя бы лошадей напоить — не давали.

Ехали через леса. Земляники было много, кругом красное. Я со старшим братом Борисом, ему было 14 лет, за земляницей пошли и отстали от обоза. Но Борис хорошо ориентировался и нашёл ту деревню, куда приехал обоз. Мы пришли, мама лежит еле живая. Она думала — детей потеряла. Я её взяла за руку: “Мама, мама, мы здесь”. Мама пришла в себя, и мы поехали дальше. Приехали в Торопец. Нам сказали, что последний эшелон на восток отходит. Погрузились в него.

Немцы бомбили эшелон, он останавливался среди леса, и люди бежали прятаться, а потом все привыкли к этим налётам, и никто уже не убегал. Однажды мама мне показала в обшивке вагона, возле того места, где мы сидели, дырочки от пуль, но нас пули не заделали.

Воды не было... Лето, жарко. Меня с Борисом отправили за водой к колонке. Мы с ним не успели дойти, как загудел наш эшелон и стал двигаться. Мы всё равно пошли к колонке, набрали воды, а потом бежали, догоняли, и какие-то чужие люди из других вагонов нас подхватили. На следующей станции мы перешли к себе.

Приехали в Горьковскую область. Нас встречали колхозники с телегами. И каждый забирал семью в свой колхоз. Нас привезли в глухую деревню.

Отец был уже в возрасте, на фронт его не взяли. В колхозе возил что-то на волах. Но волы его не слушались. Он их оставлял, приходил домой за Борисом. А его волы

слушались. Он подходил к ним, погладит, что-то пошепчет, и они за ним идут. Борис работал на тракторе, на комбайне. После войны вернулись в Витебск.

Отца не стало в 1979 году, мамы — в 1991 году.

Я закончила Ленинградский финансово-экономический институт, сорок лет проработала на Витебской обувной фабрике “Красный Октябрь” на машинно-счётной станции, потом начальником расчётного отдела».

Павел Полян в очерке «Марк и Белла: Бейля Менделеевна и Мордехай Пинхасович Поляны», опубликованном на сайте журнала «Мишпоха», пишет о своей маме Белле Марковне (Бейле Менделеевне) Лондон:

«...Белла Марковна родилась 18 марта 1923 года в Полоцке... Дома её звали Бэбой, а старшую сестру, Римму, родившуюся в куда как менее спокойном 1919 году, — Ривой. Тем не менее, детство сестричек было безмятежным и счастливым.

Мой дед, Мендель Иосифович Лондон, был опытейшим наборщиком и работал в государственной типографии. Пусть зарплата была и небольшой — всего 35 рублей, но на жизнь в своём доме (Коммунистическая, 74) хватало: жили скромно, но хорошо. А бабушка — Лия (Лиза, Елизавета) Мордуховна — была домохозяйкой, вкусно готовила и этим немного прирабатывала: у неё столовалась учительница из музыкальной школы.

Когда Бэба пошла в школу (СШ № 12 Полоцка), то каждый год приносила похвальные грамоты с профилями вождей марксизма-ленинизма наверху. В 1941 году 20 июня прозвучал последний звонок, выпускники получили на руки аттестаты, а вечером был выпускной бал. Как и многие мальчики и девочки из её класса, она мечтала о высшем образовании и собиралась в Москву. Назавтра, 21 июня, отправила свой аттестат и другие документы для поступления в вуз в Москву своей старшей сестре Римме,

которая уже училась в инязе и жила в институтском общежитии на Маросейке. Отправила с оказией — с учителем немецкого языка, послав вдогонку следующую и, согласиться, рискованную телеграмму: “Встречай немца скорым поездом”. (Обошлось!).

А на следующий день уже вся страна встречала “немца” кровью и плотью...

26 июня из Полоцка уходил последний эшелон с военными, к нему прицепили несколько товарных вагонов для беженцев — в них Бэба и уехала с матерью в эвакуацию в Москву. В Полоцке оставался один отец. Он дежурил в типографии 26 июня и смог отпроситься только для того, чтобы проводить жену и младшую дочь. Отец Мендель искренне верил, что немцев вот-вот остановят и погонят.

Последняя весточка от него — это открытка, полученная старшей дочерью:

“Полоцк, Коммунистическая улица, 74.

Москва, Маросейка, Петроверигский пер., 6/8, к. 207 — Р. М. Лондон.

30 июня 1941 года.

Полоцк 30.6. // Дорогая доченька! Последнюю твою открытку от 24 июня я получил, а мама и Бэба 26 июня поехали в Москву, и я очень волнуюсь, что их ещё нет у тебя. Я один остался дома. Город в опасности, и не знаю, что делать. Около нас упала бомба, и был пожар, и много жертв. Умоляю тебя, когда получишь письмо, телеграфируй мне сейчас же, приехали ли они в Москву. Они, вероятно, застряли в дороге. // Дядя Мендель уехал внезапно до Москвы. Попытайся у него узнать, приехали ли они. От них ты узнаешь, где мама и Бэба. Папа. // Немедленно телеграфируй, если примут телеграмму”.

15 июля в Полоцк вошли немцы. В городе разместился гарнизон 201-й полевой охранной дивизии. По линии СД за порядком и за евреев “отвечала” айнзатцкоманда 9.

В начале августа выгородили для евреев два гетто — в центре (в его зону вошли Коммунистическая улица и школа № 12), а в середине сентября всех перевели в гетто на кирпичном заводе возле военного городка Боровуха. Датами расстрелов полоцких евреев были: начало августа, 21 ноября (по другим данным — 11 декабря) 1941 года, а также евреев-специалистов и их семьи расстреляли 3 февраля 1942 года. Очевидно, что Мендель Лондон, разделив судьбу остальных полочан-евреев, погиб в одной из этих акций, может быть, в последней.

Страшная война отняла у Беллы отца и дом, а саму её — счастливую девчонку — превратила в несчастного, часто плачущего человека, которому приходилось самой решать все вопросы своей жизни».

<https://mishpoha.org/rodoslovnaya/850-mark-i-bella-bejlya-mendeleevna-i-mordekhaj-pinkhasovich-polyany>

Книгу, вышедшую в 2010 году «Между Аушвицем и Бабы Яром. Размышления и исследования» Павел Маркович Полян посвятил памяти своего деда, типографского рабочего Менделя Иосифовича Лондона, погибшего в Полоцком гетто. (М., Российская политическая энциклопедия, РОССПЭН, 2010, 583 с.)

Перечитываю воспоминания Муси Юдовны Аскназий. Буквально в каждом слове чувствую даже не ностальгию, а горечь от того, что весь этот мир, родной для неё, зачёркнут временем и безразличием:

«Началась война. Я в это время была в пионерском лагере. Город начали бомбить с первых дней. Мы, ничего не

понимая, смотрели в небо и видели летящие мимо самолёты, которые что-то сбрасывали. Детей из лагеря организовано не вывозили. Родители, у которых был транспорт, приезжали за своими детьми и забирали соседских, сколько могли увезти. Так я попала домой в город. На легковой машине приехал за сыном сослуживец моего дяди Соломона — брата мамы, который попросил меня забрать. Этот человек загрузил машину детьми и вывез их в Полоцк. Когда я приехала домой, здесь уже была старшая сестра Злата (1921 г.р., дома Женя) и младшая сестра мамы Мера с маленькими сыновьями Вовой (1929 г.р.) и Сёмой (1934 г.р.). Обе были замужем за военными.

Муж моей сестры Жени, Борис Соловейчик (1915 г.р.), был тоже из Полоцка. Он окончил танковое училище, был участником финской войны, а в 1941 году служил на границе с Польшей в Пружанах. Женя была с ним. Когда утром 22 июня 1941 года объявили тревогу, всех жён срочно, в приказном порядке, погрузили в машину и вывезли из прифронтовой полосы. Они даже не смогли попрощаться с мужьями, так как мужчины уже были в бою... Борис Соловейчик до конца 1942 года числился в "пропавших без вести". Родные о нём узнали лишь в 1943 году, когда он их нашёл в г. Горьком.

Муж тёти Меры, Лев Оршанский, тоже был кадровым военным и служил на границе в Брест-Литовске. Жёнам и детям также чудом удалось вырваться и приехать в Полоцк.

Все собрались вместе в нашем доме. Надо было решать, что делать дальше. Город бомбили. Но по радио всё время говорили, что война скоро закончится, надо выехать за город в село, где будет спокойнее. Кроме того, среди некоторой части населения, тех, кто пережил Первую мировую войну, бытовало мнение, что "война быстро закончится, а немцы — культурная нация, и ничего плохого

не случится”. Но, как потом выяснилось, те, кто остался или перебрался в ближайшее село, погибли. Так погибли три сестры моего папы и другие родственники, которые не захотели или не успели выехать из города...

Мы решили уехать и чудом уцелели. Железнодорожная станция уже была разбита. Выезжали на грузовой машине, которую удалось достать моему дяде Соломону. Машина была набита людьми до отказа. Для вещей места не было. Мама велела надеть на себя всё, что возможно. И мы в июльскую жару оделись, как зимой: сапоги, пальто и т.д. Благодаря этому имели хоть какие-то вещи. В машине уместились: мама, моя старшая сестра Женя и я; тётя Мера с сыновьями и бабушка Лея; жена и семья маминого брата Михаила, который умер за несколько лет до войны, — жена Хая и сыновья, Наум (1927 г.р.) и Гриша (1925 г.р.). Также в эту машину сели жена дяди Соломона, Рива с маленькой дочерью Соней (1938 г.р.) и другие люди, имена которых я не помню. Отправив нас всех, дядя Соломон ушёл на фронт. Пошла на фронт и сестра Ривы — Фаня (1921 г.р.), которая работала учительницей в местечке под Полоцком.

На машине мы доехали до города Невель. Здесь пересели на поезд, который шёл на восток страны. Ехали в теплушках. Всю дорогу, и на машине до Невеля, и на поезде, нас бомбили. Как появлялись над нами немецкие самолёты, мы врассыпную бежали в лес, потом возвращались и ехали дальше. Постепенно доехали до Горького. Мой папа добрался до нас в Горьком существенно позднее. Он работал на заводе, и ему не разрешили уехать вместе с нами. По состоянию здоровья он мобилизации в армию не подлежал, остался работать. Ему чудом удалось пешком уйти из Полоцка, когда немцы уже входили в город.

Мы собрались в Горьком, так как здесь ещё с начала XX века жили два папиных брата с семьями. Но для

всех места не хватило, осталась только наша семья: мои родители, старшая сестра и я. Остальные поехали дальше и остановились лишь в Казахстане в Семипалатинске. Жили очень тяжело. Бабушка Лея умерла. Дети были истощены, особенно Семён, младший сын тёти Меры. В конце войны муж тёти Меры, Лев Оршанский, разыскал их и перевёз в Ташкент. После мая 1945 года он получил назначение в Московский военный округ и перевёз семью к себе.

После окончания войны в Полоцк вернулись семьи двух маминых братьев: семья дяди Соломона, после его демобилизации из армии, и семья дяди Михаила, вернее, его вдова с двумя сыновьями.

Из наших близких родственников в Полоцке погибли три сестры папы: Злата, Дора и Роза Аскинази.

После войны в 1946 году я была в Полоцке во время каникул и встречалась с родственниками и одноклассниками: Ниной Озерниковой и Валею Савицкой. В 1946-48 гг. меня находили, присылали письма и другие одноклассники: Моисей (Михаил) Копелевич, Анатолий Жилкин, Виктор Алексютин. Судьба остальных мне не известна».

Вспоминает Георгий Белый:

«До войны в Полоцке, на улице Советской, жила большая семья Лихтерманов. В бывшем доме купца Галёркина, взятом моим прадедом у него в долг и не выплаченном по причине революции.

Мой дедушка Хаим-Рувим Лихтерман был на все руки мастер: делал оглобли, сани, паял, лудил — всё умел. Бабушка Фрада, очень набожная, была домашней хозяйкой. Детей у них было четверо: Давид, Гриша, Бася (моя мама) и Ида. Пятый ребёнок, Фаня, прожила семь лет и в 1933 году умерла от дифтерита. Дедушка умер в 1932 году от туберкулёза, примерно, в возрасте 34 лет.

Давид — инвалид по зрению с детства, был неплохим шахматистом.

Гриша пошёл в отца, тоже был мастером на все руки. Во время войны служил механиком по самолётам, воевал в Югославии.

Война всё перечеркнула: дом, друзей, которых всегда было полно, привычный уклад жизни.

28 июня (в субботу) 1941 года из Полоцка на машине уехали в Озерище моя мама Бася, её сестра Ида, моя бабушка Фрада. Там был пионерлагерь, нас поместили в пустующие помещения.

Давид остался в Полоцке. Он был директором клуба. У него были ключи, сейф, общественные деньги. Некому было передать. С 30 июня на 1 июля немцы бомбили Полоцк. Наконец-то и Давид нашёл кому сдать всё имущество. И в ночь на 2 июля мы ушли по витебской дороге на восток. По дороге Давид нашёл ящик-чемоданчик. Решил его взять. В чемоданчике были полотенце, наволочки, простыни. Мы шли и меняли в деревнях содержимое чемодана на продукты. Три недели шли пешком, три недели ехали в эшелонах. Так мне рассказывала тётя Ида.

Прибыли в Свердловск в середине августа 1941 года. Моей маме было 17 лет, сестре Иде — 13, брату Давиду — 21 год, моей бабушке Фраде — 49 лет. Гриша Лихтерман, ему уже исполнилось 20 лет, был призван в армию. И мама, и тётя говорили, что огромную роль в том, что они остались живы и добрались до Свердловска, сыграл их брат Давид, который не давал засиживаться на одном месте и всё время поторапливал. В Свердловске жил родной брат Фрады — Израиль Мильман с женой и тремя детьми. Тётя Вера Мильман после войны рассказывала: "На улице Радищева, 27, кв. 10 в Свердловске в 1941 году в двух комнатах 33 кв.м. жили 22 человека, родственники из Витебска, Брянска, Могилёва,

Полоцка". Никто не роптал, не обижался. Все понимали: время такое, надо перетерпеть и выжить».

Продолжаю беседу с Моисеем Абрамовичем Сущиным: «Школу окончил 22 июня 1941 года, — рассказывает Моисей Абрамович.

«Было ли предчувствие войны?» — спросил я.

«Наш дом стоял метров двести от места, где мы сейчас с Вами беседуем, по улице Ленина. Эта улица вела на мост через Западную Двину в сторону Ветрино. На протяжении недели, по-моему, в начале июня 1941 года, были жаркие дни, моя мама сидела на улице возле колонки со стаканами и кружками и поила солдат, которые шли на запад, к границе. Туда стягивали войска, это я видел своими глазами. На солдатской форме было песка, пыли с палец толщиной, шли издалека, но винтовка редко у кого была.

Думаю, военные понимали, что война с Гитлером неизбежна.

Под утро 22 июня 1941 года я пришёл с выпускного вечера в школе и на веранде лег спать. В половине пятого утра постучали в дверь и через щель мне всунули повестки с красной полосой из военкомата. Красная полоса обязывала немедленно явиться. Повестки были моим трём братьям: Лейбе, Ефиму и Израилю. Я зашёл в спальню, где они спали, разбудил старшего брата: "Лейбке, повестке ин армия". Он сразу ответил мне: "А милхоме" ("Война" — идиш). Они ушли в то утро, и больше мы их не видели. Они попали в самую страшную мясорубку.

Многие были уверены, что фашистов разобьют "малой кровью", как пелось в песне того времени, и война будет вестись на чужой территории.

У мамы была сестра Хая Шапиро, — рассказал Моисей Абрамович. — Её мужа, когда присоединили Западную Белоруссию, направили работать в Дисну директором "Рай-

заготскота”. Его звали Григорий Бенъяминович Шапиро. В первые дни войны его отозвали в Москву и направили в Республику немцев Поволжья на такую же должность. Семья осталась в Дисне. Считали, что немцы не переправятся через Западную Двину.

Хая Шапиро, их четверо маленьких детей погибли в диснянском гетто.

Мы, выпускники школы, были на учёте в военкомате. И самовольно уходить никуда не могли, это расценивалось как дезертирство. А в военкоматах было не до нас. Объявлена всеобщая мобилизация, и призывалось одновременно 17 возрастов. Мы каждый день приходили в военкомат и нам, в конце концов, сказали: “Уходите. Идите, куда хотите, по прибытии на место станете на учёт”. Никто никого не эвакуировал. Мы ушли из Полоцка 29 июня: я, мама и две сестры. Нас шло человек сто, дошли до Невеля, город уже горел. Так получилось, что я стал за старшего. В Невеле пришли на кладбище, от усталости легли на траву отдыхать. Я ещё с одним парнем пошли в город на разведку. На вокзале стоял паровоз и платформа. У меня был с собой велосипед. Подошёл к машинисту, говорю, может, возьмёте. Он отвечает, что немец не даёт ни одному составу пройти — бомбит, но вы решайте сами. Побежали мы на кладбище, подняли людей. Отдал я машинисту велосипед, у мамы взял немного денег и тоже отдал машинисту. Когда забрались на платформу, легли и сразу уснули, проснулись только в Великих Луках. Там уже было что-то организовано и вели запись эвакуированных. Вечером нас погрузили в теплушки. Был большущий состав. Нам повезло, мы доехали до Саратова.

На следующий день я пошёл в райком комсомола, стал на учёт и сразу в военкомат. Через месяц меня призвали и направили в Свердловск.

Ждали весточек от трёх старших братьев, но так и не дождались. Никто не знает, где и как погибли братья Лейбе, Ефим и Израиль Суцины. Такова реальность первых месяцев войны, к которой Советский Союз оказался не готовым.

Я попал в школу военфельдшеров. Это было в августе 1941 года, а в марте 1942 года нам присвоили звание военфельдшер и отправили на место службы. Я оказался в Забайкало-Амурском военном округе. Там отслужил до 1945 года. Принимал участие в войне с Японией. Был старшим фельдшером отдельного батальона связи, старшим лейтенантом. Участвовал в боях, выносил с поля боя раненых, оказывал им помощь».

Вспоминает Ева Михайловна Давидовская (Хейфец).

«Я из Полоцка. Наш дом стоял напротив теперешнего Дома торговли. К началу войны мне было два с половиной года. Своих воспоминаний нет, но о многом знаю по рассказам родителей, старших сестры и брата.

В Задвинье была иешива. Сейчас на этом месте средняя школа № 3. Мой отец заканчивал эту иешиву. Он с 1903 года. В 11 лет остался без отца. Дед был верующим. Его звали Моисей. Ехал из Ушачей, и по дороге у него случился сердечный приступ. Конь его сам привёз, но он был уже мёртвый.

Отец и мама — работники торговли.

Мама из большой семьи Марковичей. Жили в Бабыничах, пять сестёр и два брата. Переехали в Полоцк. Тётя Мера — самая старшая, была портниха, у неё был сын Борис. Её мужа и двух братьев забрали в НКВД ещё до войны.

Рива — сестра мамы — в гетто погибла.

Отец, Мендл Маркович, был сапожник. Когда-то держал свою мастерскую у пана Забеллы. При Советской власти работал в «Военторге». Он вывозил «Военторг» на восток после начала войны. В районе Дретуни была сильная

бомбёжка. Мы остановились. Его работница говорит: "Макс, — так его называли русские, — оставляйте вещи. Закончится война, Отдам".

Вещи мы оставили и пошли пешком до Невеля. Трое детей: я, сестра Мария, 1931 г.р, брат Лёва, 1935 г.р.

Шли пешком, ехали на попутных машинах, где-то нас подбирали железнодорожные составы. В пути были очень долго. Наконец-то добрались до Челябинской области. И там жили в годы войны».

Вспоминает Циля Григорьевна Зайцева (Русоник):

«Моя мама из деревни Ореховно, расположенной недалеко от Полоцка. Её звали Мера Нахмановна Русоник. Была из бедной семьи. Её отец, Нахман Маркович, со временем перебрался в Полоцк и стал смотрителем еврейского кладбища, которое находилось в Задвинье. (Около теперешнего моста через Западную Двину, рядом с автостоянкой). Дед смотрел за порядком на кладбище. Он и домик свой построил рядом с ним.

Мама до войны продавала газировку недалеко от дома. Папа, Русоник Герц Абрамович, был хорошим специалистом, хотя и малограмотным. В 1937 году его арестовали. Помню, папины сослуживцы из сапожной артели очень хорошо к нам относились. Они приходили, снимали у нас мерки и шили нам бесплатно обувь.

Отца отпустили через десять месяцев. Мало кто из арестованных вернулся домой, а он вернулся. Хотя очень больным человеком. Его били в тюрьме, и он там заработал туберкулёз. Когда вернулся домой, его положили в больницу.

До начала войны я успела закончить семь классов школы. Смутно помню, что были какие-то разговоры о войне. Перед самой войной люди скупали в магазинах продукты. Папа и мама работали до последних дней.

Тех, кто был помоложе, забирали в действующую ар-

мию, а тех, кто постарше, и моего отца, — взяли на охрану города.

Мама продолжала работать. Когда звучал сигнал тревоги, она закрывала ларёк и бежала к нам домой. Потом ей сказали, что надо прятаться с детьми в бомбоубежище. Оно было на площади. Мы прятались там. Уходили из города спешно, с собой ничего не взяли. Посреди ночи объявили, что немцы подходят к Полоцку. За женщинами и детьми прислали грузовые машины, нас эвакуировали. В первую очередь сажали в машины многодетных матерей, сбрасывали с кузовов вещи, чтобы больше людей вместились. Нас отвезли в Домники, это в сорока километрах от Полоцка.

Первые дни нам хлеб привозили. Потом сказали, что еды не будет и надо выбирать, кто и как может. Мы ушли в деревню, купили кое-что из еды. Неожиданно появился папа. В исполкоме узнал, куда отвезли людей из бомбоубежища, и нашёл нас. Папа был очень больной, чуть ходил. Мы упросили человека посадить его на телегу, а сами шли следом. Мама голосовала, одна военная машина подобрала нас и довезла почти до Великих Лук. Там родители нашли какого-то знакомого. Нам дали переодеться, накормили. И мы уехали в эвакуацию. Добрались до Марийской республики. Папа устроился работать в сапожную мастерскую. Я и сестра помогали папе. Сестра была бухгалтером, а я помогала составлять отчёты. Папа был хороший мастер. Завезли парусин, и он шил обувь. Рядом был госпиталь, и военные у нас заказывали обувь. Папа взял на работу других сапожников».

Когда началась война, Николаю Генову — Заслуженному тренеру Республики Беларусь, Почётному гражданину Новополоцка, основателю и первому руководителю новополоцкой воднолыжной школы — было всего 11 лет. Семья

бежала из горящего Полоцка. Отец, Леонид Захарович, был на фронте; мать, Дина Марковна, с двумя детьми и бабушкой оказались в Татарии. Большинство родных и близких погибли в Минском гетто. Так закончилось Колино детство. Вместе со сверстниками он пас коней в колхозе, одновременно учился на слесаря. К призыву в армию уже был самостоятельным человеком.

По Всесоюзной переписи населения в январе 1939 года в Полоцке жило 6464 еврея, что составляло 21,85 % от общей численности жителей. В начале Второй мировой войны, с сентября 1939 года, еврейское население города увеличилось за счёт беженцев из Польши и переезда в Полоцк евреев из окружающих районов. К началу Великой Отечественной войны в Полоцке жило от 10 до 12 тысяч евреев. Примерно половина из них не успела эвакуироваться и находилась в городе на момент оккупации.

Когда я записывал воспоминания Марии Соломоновны Колидовой, ей было уже под девяносто лет (начало 2000-х годов). Но память сохранила до мельчайших подробностей события начала сороковых годов.

18-летней девушкой Мария Соломоновна вступила в войну. Немцы подходили к Полоцку, и молоденькой медсестре потребовались не только профессиональные знания, но и уверенность, решительность. Этому не учат ни в одном учебном заведении, и жизнь не сразу обучает этому. Наверное, в первую очередь, нужен характер.

«Я родилась в 1922 году в Полоцке. До войны окончила 8 классов в белорусской школе № 11 и двухгодичное медучилище. Начала работать 1 сентября 1939 года в военном госпитале в Полоцке и до начала войны там работала, — рассказывает М.С. Колидова.

Война. Объявили по радио. Я побежала в военкомат. Направили в эвакуогоспиталь № 331. Прибыла на место.

Бомбили всюду. Небо было тёмное от самолётов. Встретил начальник госпиталя и комиссар. Завели в отделение, где лежали больные. Персонала никого. Гражданские врачи, медсёстры и нянечки убежали. В отделении — только ключи лежат на столе. Я взяла ключи. Начальник говорит: “Машенька, давай подумаем, как будем принимать раненных. Никого нет”. Я говорю: “Думать некогда. Надо действовать”. Дала команду: “Поднять всех солдат и офицеров и освободить койки”. Сделала построение, выбрала самых активных и грамотных, и они мне помогали. Освободили одну палату, расставили топчаны. Побежали в одну аптеку, забрали всё для оказания неотложной помощи. Начальника госпиталя начальство срочно отправило в другую часть. Осталась я одна. Успела с больными провести беседу об оказании неотложной помощи. Появились первые носилки с ранеными. Я давала указание, где надо наложить жгут, где повязку, где шину. Помогали больные. Пятьдесят человек приняла без врача и персонала. Накормила, напоила. Начали эвакуацию тяжёлых. Нетяжёлых больных выписали в часть. Так прошли первые сутки. На вторые сутки появились врач, медсестра, мне стало легче.

Немцы наступали быстро. Мы отходили с армией.

Домой мне некогда было даже на минуту заскочить. Была большая семья. Сообщили, кто успел эвакуироваться. Две сестры в годы войны были в Ленинграде, пережили блокаду».

Развёрнутую картину жизни евреев Полоцка после начала войны даёт профессор Э.Г. Иоффе в статье «Евреи Полоцка».

Полацк у гісторыі і культуры Еўропы. Мн., 2012. С. 324–335

15 июля 1941 года Полоцк оккупировали войска вермахта, а 16 июля 1941 года — Полоцкий район. Речь идёт о частях 3-й танковой группы Гота совместно с силами

51-го моторизованного корпуса и 16-й армии... Создав местную администрацию, оккупационные власти в первые же дни провели регистрацию еврейского населения. Израильский историк Г. Винница отмечает: «Нацистам требовалась полная информация о еврейском населении Полоцка, после чего составлялись расстрельные списки. Евреев делили на три категории. К первой причислялись люди, способные организовать сопротивление или активно участвовать в антифашистской борьбе, а потому немедленной ликвидации подлежали бывшие руководители предприятий, идеологические работники, интеллигенция. Молодые и сильные мужчины. В Полоцке элиту еврейского и белорусского населения уничтожали вместе».

16 июля 1941 года, захватив Полоцк, немецко-фашистские оккупанты ввели в нём так называемый «новый порядок».

«Основную массу еврейского населения, планировалось сконцентрировать в изолированном районе. До появления гетто евреи Полоцка жили в своих домах. Всех, кроме стариков и детей, принуждали к тяжёлому труду — уборка улиц, заготовка дров. ...Евреев Полоцка загнали в начале августа 1941 года в два гетто. Одно находилось в центре города, другое — на окраине. Первое, охватывавшее 11 кварталов города в районе улиц Войкова, Гоголевской, Интернациональной, Коммунистической, Пролетарской, Сакко и Ванцетти, Свердлова, Республиканской, представляло собой так называемый закрытый тип, потому что было огорожено колючей проволокой и охранялось коллаборационистами... На территории гетто располагались здания амбулатории, банно-прачечного комбината, электростанции, школы № 12, синагоги, почты и др.»

Винница Г. Холокост на оккупированной территории Восточной Беларуси в 1941-1944 годах /Г. Винница. — Минск: Ковчег, 2011. С. 310 — 311.

Еврейское население подверглось полному ограблению со стороны немецко-фашистских мародёров. Условия жизни в лагере были ужасающие. Люди спали в грязи, под открытым небом. С евреями немцы обращались хуже, чем со скотом. Немцы проводили массовые облавы на еврейское население, не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. Были случаи, когда детей убивали на руках у матерей. За время существования Гетто немцы истребили в нём более 7000 еврейского мирного населения. В том числе мужчин, женщин, стариков и детей. Детей, как правило, бросали живыми в ямы с расстрелянными и заживо закапывали.

Из показаний, данных следователям Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков:

Свидетель Спиридова Зинаида Дмитриевна:

«В 1941 году зверски расстреливалось еврейское население в г. Полоцке. Немцы их заставили рыть ямы, когда ямы были готовы, раздевали догола и заставляли ложиться в ямы, где и расстреливали. В это время один мальчик от страха отбежал от ямы и схватился руками за дерево, немцы зверски отрубили ему руки».

Свидетель Брылева:

«Евреев сгоняли в лагерь в Боровуху и за Спасский монастырь, туда же и я была забрана. В лагерях кормили баландой, сваренной из какого-то порошка, после того как покусуют эту баланду, люди засыпают и больше не просыпаются — умирают».

Свидетель Устинович Мария Яковлевна:

«В 1941 году немецкие палачи произвели массовый расстрел евреев, где расстреляны Фишман, его жена и двое детей 12 и 7 лет, Колмыкова Шмойла, его жена и 3 детей — дочь Роза 20 лет, вторая дочь 17 лет и 3-я — 14 лет, а всего расстреляли женщин, стариков и детей

более 1500 человек. Перед расстрелом немецкие палачи евреев раздели догола, детей бросали живыми в яму к расстрелянным, а затем закапывали.

Расстрел производили за д. Лозовка, около железнодорожного переезда, правее зеленого городка, в лесочке.

Государственный архив Российской Федерации, ф. 7021, о. 92, д. 220, с. 8, 9

Свидетельство очевидца уничтожения евреев г. Полоцка Витебской области 21 ноября 1941 года, приведённое в книге «Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг.»

Минск, 1995 г., отв. редактор Р.А. Черноглазова. С. 122–124

«...С начала войны многие уехали в окрестные деревни от бомбёжек. Поехали и мы в деревню Гендики по дороге на Невель. Потом решили эвакуироваться, достали лошадей и поехали, но в районе 17-го разъезда немцы перерезали дорогу, и мы должны были вернуться в Полоцк. Наш дом сгорел во время пожара. Домработница Лена пыталась спасти наши вещи, но пока она выносила одни вещи из квартиры, на улице растаскивали то, что было вынесено раньше. Часть вещей, перед тем как эвакуироваться, мы оставили у знакомых русских — в семье сослуживцев отца Клинева и в семье бухгалтера винзавода Лопковского. Поселились мы в доме эвакуировавшегося Берзона. Евреи в то время жили по своим домам, но всех, кроме стариков и детей, гоняли на работу: подметать улицу, пилить дрова и так далее. Через несколько дней немцы собрали две машины евреев — и таких, что были на работе, и других — и увезли. Больше этих людей никто не видел, среди них был мой брат Борис.

Через две-три недели было объявлено о создании гетто. Все евреи переселились в район улиц Коммунистической,

Гоголевской (недалеко от бани), ул. Войкова, Интернациональной. Русские из этого района переселились в освободившиеся еврейские квартиры. В гетто много домов было разрушено, оно было огорожено проволокой, но не охранялось. Жили по десять семей в доме, всего было тысяч пять человек. До войны в Полоцке жило 10-12 тысяч евреев, примерно половина населения.

Евреям запрещалось уходить за территорию гетто, слева на груди и на спине должны были носить жёлтые 6-конечные звёзды. Молодых гоняли на работу. Хотя в гетто русским входить было запрещено, домработница Лена приносила молоко. Её поймали, отвели в комендатуру, пригрозили и отобрали корову. Но саму Лену отпустили.

В сентябре гетто переместили на окраину Полоцка в деревню Лозовка, недалеко от военного городка Боровуха. Разместили в десяти бараках, что были при кирпичном заводе. Там уже был настоящий забор, охрана. Охраняли полицейские, немцы приезжали только грабить. Всех выгоняли на улицу и искали по баракам вещи, золото. Срывали с рук кольца, часы, некоторых, особенно женщин, раздевали догола и обыскивали. Чтобы спасти вещи, приходилось надевать на себя несколько рубашек и несколько пальто. Жили по 40-50 человек в бараке. Утром часто 2-3 человека не вставали — умирали от голода и болезней, вшей было много.

Мы с другом Абрашкой Сокольским часто убегали из гетто через дыру в заборе. Уходили даже с ночёвкой. Меняли вещи на продукты, покупали их за деньги и приносили в гетто. В гетто был староста Абрам Шерман, бывший столяр и заместитель старосты Апкин, раньше в мастерской по ремонту велосипедов работал. По заданию немцев они выделяли людей на работы. Этого Шермана немцы расстреляли раньше всех. Доставать где-то еду

было необходимо, потому что в день выдавали только 100 грамм хлеба на человека. Жили по 10-15 семей в комнате.

Убежать из гетто можно было, но бежать было некуда, партизан ещё не было.

Утром 21 ноября опять приехали немцы и полицейские. Мы подумали, как и раньше, приехали грабить. Всех выгнали, построили, открыли ворота и повели в сторону Боровухи — это 2-3 километра от Лозовки, где было гетто. О том, что ведут расстреливать, мы не догадывались. Говорили даже, что в Палестину отправляют. Колонна вытянулась не на один километр. Мы шли в середине где-то и вдруг услышали выстрелы — это первых уже начали расстреливать. Колонну охраняли полицейские — попробовать убежать можно было. Меня уговорил один знакомый парень по фамилии Пастернак, но мама держала за руку и говорила: "Если ты побежишь, так всё равно тебя убьют, так будем лежать уже вместе". А то, что расстреливают, поняли, когда стали слышны выстрелы, когда сворачивали с дороги, уже и видно было. Выкопано было 5-6 ям. Это через дорогу от русского кладбища, которое на горочке.

Машины, немцы, полицейские, кучи одежды... Тут я уже всё увидел. Полицейские раздевали, одежду бросали в кучу, потом евреи брели к какой-то яме, подгоняемые полицейскими. В это время я уже от мамы вырвался. Вертелся между людьми, которых гнали к ямам, но к ним самим не шёл. Несколько человек пытались бежать. Их убили, взяли один за одну ногу, другой за другую и в яму. Расстреливали немцы из винтовок, стояли по пять у каждой ямы. Полицай Шастидко, который жил на нашей улице, заметив, что я не иду к ямам, крикнул: «А ты чего стоишь? А ну-ка пошёл!» — и ударил меня по голове велосипедной цепью. На голове была шапка, она смягчила удар, но конец цепи задел ещё и руку, она потом

вспухла. И я пошел, сам не понимая, куда иду. И мимо этих ям, и в лес, и бегом. Слышал, как кричали, стреляли. Голым добежал до Косаверской больницы».

Исследователь Е.Л. Захарова замечает: «Всех жителей гетто заставляли работать, в том числе и детей. ... Шерман плетью наказывал каждого заключённого, кто не повиновался ему. Этот факт подтверждается показаниями Гущинского Бориса: "Старостой лагеря был еврей лет 40-45, который плетью наказывал каждого заключённого в лагере, кто не повиновался ему".

По каким-то причинам немцы старосту Шермана расстреляли раньше других евреев».

*Цитируется по «Полацк у гісторыі і культуры Еўропы. Мн., 2012. С. 324-335
Иоффе Э.Г. БГПУ им. М. Танка, г. Минск.*

Вспоминает Циля Григорьевна Зайцева (Русоник):

«У мамы была родная сестра. Её звали Нина. Она была замужем за русским Алексеем Тарасовым. У них не было долгое время детей, и они на выходные брали к себе меня — племянницу.

Когда началась война, они не смогли эвакуироваться. Дед был парализован, а его вторая жена (первая умерла) ослепла. Они остались в Полоцке, вместе с сыном от второй жены — Абрашей. Он ещё был мальчиком. Осталась с ними и Нина с мужем.

Нину сначала прятали родители мужа, её крестили в православие. Потом Алексей и Нина ушли в партизаны. Там Нина, после долгих лет замужества, забеременела. Однажды она сказала, что пойдёт в Полоцк, узнает, как дела у отца. Её кто-то увидел и донёс немцам. Нину схватили, заперли в сарае вместе с другими арестованными. Потом повели на расстрел. Алексей пытался её освобо-

дить. Его схватили тоже. Их расстреливали в Коровниках. Кто-то сказал, что Алексей русский. Его отпустили. Он отошёл шагов на пять, потом вернулся и обнял Нину. Сказал: "Будете стрелять жену, стреляйте и меня".

Мы туда ездили после войны, пытались узнать судьбу семьи Тарасовых. Нашли брата Алексея. Он рассказал нам подробности. Но где похоронены Алексей и Нина, он не знал, и мы этого не знаем».

С первых дней существования гетто начался грабёж его узников, имевших золото, серебро, другие драгоценности.

Узница Полоцкого гетто С.Д. Фингельсон 14 июня 1947 года следствию показала: «Во время моего пребывания в гетто, которое продолжалось в течение более двух недель, мне известно, и я сама была очевидцем издевательств германских солдат и офицеров над гражданкой Алейдиной, у которой в гетто были изъяты ценности, зашитые в подушке. Все вещи тщательно проверили, подушки разорвали на мелкие части и изъяли у неё ряд ценностей... Однажды утром в гетто ворвались двое русских полицейских и один немец высокого роста, худощавый, лет 30-37. На груди у него был знак «череп», подошли к одной заключённой — гр-ке Гиндлиной. Русский полицейский потребовал у неё золото и сразу схватил её подушку, которую разрезал и извлёк оттуда два золотых кольца и золотые часы, они отдали немецкому офицеру, который положил их в карман. После этого ушли. Данный факт мне известен, поскольку я сама в то время содержалась в гетто и была очевидцем... Ввиду того, что в первое время гетто не охранялось, я ушла в деревню Булашовка Прумминского с/с. Это было приблизительно 10-е августа 1941 года... 23-го февраля 1942 года я перешла линию фронта. Впоследствии, т.е. после освобождения г. Полоцка, я с семьёй приехала обратно в Полоцк в сентябре 1945 года. Из разговоров очевидцев гр-ки

Тонтола Марии Антоновны мне известно следующее: когда еврейское население перегоняли из гетто, которое находилось на улице Пролетарской и Советской, на кирпичный завод, то их били палками, и тех, которые падали, заставляли подниматься и идти дальше. Затем после небольшого периода времени всё еврейское население было расстреляно, более 3000 человек, в Ельнице, недалеко от кирпичного завода.

В августе 1941 года в районе полигона, находящегося в одном километре северо-восточнее Спасского монастыря, проходил первый массовый расстрел узников Полоцкого гетто. Нацисты и их пособники заставляли самих евреев вырыть ямы, а затем заставляли раздеваться и расстреливали. Детей бросали в ямы живыми. К сожалению, точное количество погибших до настоящего времени не удалось восстановить, хотя имеются сведения, что в августе 1941 года в Полоцке было расстреляно около 100 евреев. Среди убитых здесь узников были Гиля Кист, его жена Рива, Мендель Шульке и его жена, семья Брусилиных, состоявшая из 2 взрослых и 3 детей, и многие другие».

Цитируется по Иоффе Э.Г. «Полацк у гісторыі і культуры Еўропы». Мн., 2012. С. 324–335.

Немцы через полицаев и других послушных им людей распустили слухи про тех евреев, которых увезли на машине из Полоцка в начале оккупации, что видели, как они где-то урожай убирают, и что их отправили в Палестину.

Немцы действовали по плану уничтожения еврейского населения, разработанному в Берлине для всех оккупированных территорий Советского Союза. Сначала расстреливали самых сильных, молодых, энергичных, тех, кто мог возглавить сопротивление. Но раньше времени они не хотели, чтобы об этом узнали. Понимали, что, чувствуя обречённость, узники гетто будут искать пути к освобожде-

нию. Берлинские психологи рекомендовали сначала людей измотать голодом, болезнями, непосильным трудом, а потом продемонстрировать их обречённость.

Жители Полоцка Мария Егоровна Федотенко и Христина Евдокимовна Бочкарёва показали следователям Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков:

«В августе 1941 года на полигоне в районе Полоцка немцы произвели массовый расстрел мирного населения еврейской национальности, где были расстреляны Клет Гиля, его жена Рива, Шульке Мендель, его жена, семья Пруслиных, состоявшая из двух взрослых и трёх детей, и многие другие. Перед расстрелом немцы заставляли евреев рыть для себя ямы, а затем расстреливали, раздевали догола, бросали в приготовленные ямы живыми и закапывали».

Со стороны улицы Гоголевской была надпись «Гетто». Тут же висел плакат: «Каждый замеченный на территории лагеря “Гетто” русский будет наказан».

Евреям запрещалось уходить за территорию гетто. Евреи работали на расчистке города от руин, на других тяжёлых работах.

Об этих страшных днях свидетельствует Екатерина Васильевна Бекещенко (1899 г.):

«Осенью 1941 года немцы арестовали несколько еврейских семей, в числе которых, как мне известно, была семья еврея Хейфец Израиля Берковича и его жены Гинды Лазаревны и детей Арика Израильевича и Юлии Израильевны и семья еврея Дейкера Рахмура. Арестованные немцами еврейские семьи согнали в городскую баню, а потом перевели за колючую проволоку, в одно оборудованное место, где их ничем не кормили, причём ежедневно избивали. Примерно в ноябре месяце 1941 года их расстреляли».

Анастасия Харитонова, проживавшая в Полоцке по улице Нижней Набережной, 47, была очевидцем трагедии, разыгравшейся в 1941 году:

«Мне известно, что осенью 1941 года полицией были замучены и расстреляны еврейские семьи — Гиндина, Хейфеца, Ковалёва и других, фамилий которых я не знаю. После ареста их содержали в лагере за колючей проволокой возле городской бани, а потом расстреляли».

Полоцкое гетто перемещали с одного места на другое, и поэтому спустя пять лет, когда люди давали показания Чрезвычайной комиссии, некоторые даты они путали.

Каждое утро распахивались ворота и тысячи людей отправлялись колоннами под конвоем на принудительный труд. Их посылали на самые грязные, тяжёлые, зачастую физически невыполнимые работы. Тех, кто не мог работать, расстреливали или избивали до полусмерти.

Нечеловеческие условия, рабочий день, продолжавшийся 12-14 часов, и голодный паёк приводили к полному истощению сил. Те же, кто не работал из-за полного бессилия, не получали ничего. Этим людям оставалось одно — умирать.

Жительница Полоцка Акси́нья Балтрукова сообщала: «На моих глазах были вывезены из лагеря и похоронены на Старосветском кладбище больше 500 трупов».

Были попытки бегства из гетто. Молодым ребятам удавалось пролезть незаметными в дырку в заборе или убежать из колонны, которую вели на работу.

Рассказывает Ева Михайловна Давидовская (Хейфец): «Аркадий Соколинский и Залман Соколинский, наши родственники, бежали с моста через Двину, когда их вели на работы. Семён Хазин побоялся, что мать с сёстрами из-за него расстреляют, сначала тоже убежал, а потом вернулся в гетто и погиб там».

Расстрелы были на эту сторону Двины, где гаражи и лесок налево. Первые расстрелы — около Красного моста, около моста через Полоту. Много новых домов после войны там построили. Пришла моя родственница и говорит: “Будут строить, под фундамент котлован копают, столько костей там. Страшно смотреть”.

...Левая сторона Красного кладбища. Мама с тётей ходили копать там после войны. Мы, дети, думали, куда они ходят так рано с лопатой. Они хотели найти тело сестры Ривы с детьми и перезахоронить их. Тело не нашли, но у меня есть кусочек кружева от воротничка — “от платья Ривы», — мама говорила. Мы всем родственниками раздали по кусочку”.

Михаил Минькович, который сам был узником гетто и чудом сумел избежать расстрела, в показаниях данных Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, сообщил:

«21 ноября 1941 года всех пленных из нашего лагеря конвоировали в Боровуху-2, где было выкопано четыре больших ямы. Немцев было человек 15, полицаев — около 40. Среди полицаев: Шастидко, Николай Огурецкий, Лабецкий, Овласенко, Сергей Любельский, Василий Правило. Перед расстрелом всех евреев раздевали. Меня также раздел Василий Правило, а перед этим сильно хлестанул кнутом по голове... Однако же благодаря случайности я остался жив. В этот день было расстреляно 2300 полоцких евреев. После 21 ноября 1941 года я прятался в чащобе, потом в окрестных деревнях. Потом, с 12 апреля 1942 года до 3 июля 1944 года, находился в партизанской бригаде Прудникова».

Кто были палачами Полоцкого гетто?

В первую очередь, айнзатцкоманда-9. До 20 октября 1941 года ею командовал Фильберт, затем до февраля 1942 года Шефер, и до января 1943 года — Буркхардт.

Во-вторых, местные коллаборационисты: Василий Правило, Николай Огурецкий, Сергей Любельский, Авласенко, Лабецкий, Шастидко и ещё 30 полицейских.

Цитируется по «Полацк у гісторыі і культуры Еўропы. Мн., 2012. С. 324–335

Наибольшей активностью выделялись каратели и убийцы мирных жителей: Гетберг — командующий группой СС в Полоцке; Никколь — каратель; Анхольд — каратель; Руссель — каратель; Гертгарт — палач, унтерофицер.

Филиал Госархива Витебской области в Полоцке, ф. 687, оп. 1, д. 2

В г. Полоцке немецкие захватчики уничтожили все промышленные предприятия: хлебокомбинат, мясокомбинат, кирпичный завод, с/х мастерские, водонапорную и водонасосную станцию, железнодорожное депо, телеграф и телефонную станцию, уничтожили все школьные здания, педагогическое училище, строительный техникум, городской театр и Дом Красной Армии, сильно повредили Дом Петра I, памятник архитектуры XVII века, взорвали костёл — памятник архитектуры XVIII века. Немцы разграбили краеведческий музей с его уникальными ценностями и богатейшими коллекциями, а также всё оборудование учебных и научно-экспериментальных лабораторий».

Филиал Госархива Витебской области в Полоцке. Ф. 687, оп. 1, д. 2, с. 2–3

Исследовательская и поисковая работы позволили установить факт доставки в гетто Полоцка в сентябре 1941 года около 2000 евреев из населённых пунктов Белое, Боровуха, Дретунь и Юровичи и обосновать общую цифру погибших узников, равную 8000.

Расстрелы еврейского населения проходили не только в Полоцке, но и в окрестных деревнях. О чём свидетельствуют показания свидетелей.

Воронова Мария Захаровна из деревни Замошье рассказывает:

«У нас в деревне в одной бане жили три семьи евреев. Зимой 1941 года в деревню приехал отряд немцев, многих жителей деревни отправили в город Полоцк, а евреев избили плетьюми и потом в этой же бане и сожгли. Когда баня горела, они бросались в окна, немцы их расстреливали и ни одного из бани не выпустили».

Филиал Госархива Витебской области в Полоцке, ф. 687, оп. 1, с. 93

Сухоруков Алексей Ефимович из деревни Казимирово Юровичского с/совета рассказывает:

«В марте 1942 года комендант Шульц приказал собрать всех евреев, проживающих на территории Казимирово. Когда их немцы собрали, заперли в сарай, потом из сарая грузили на машины и везли в лес, там расстреливали, всего же их расстреляли 20 человек. Расстреливали за то, что по национальности были евреями».

Филиал Госархива Витебской области в Полоцке, ф. 687, оп. 1 с. 93

Шунейко Павел Данилович — из Арлейского с/совета рассказывает:

«В Трудах жило 76 евреев. Работали они в колхозе и МТС, потом при оккупации немцы всех евреев согнали в три дома, образовали лагерь, давали им непосильную работу, хлебом не кормили. 4 февраля всех евреев согнали в один дом, и предложили сдать все вещи и имеющиеся у них ценности, за что обещали им дать свободу. Многие поверили и сдали имущество и ценности, тут же им дали хлеб.

6 февраля 1942 года обратно согнали в один дом и этой же ночью из Полоцка приехали палачи, которые в ночь с 6 на 7 февраля в Трудах пьянствовали, а утром 7 февраля всех евреев раздели и погнали расстреливать в лес Рябиновка. Расстреливали по 2 человека, а имеющих маленьких детей подкидывали и на лету расстреливали. Женщины и дети плакали, что творилось, трудно представить. После расстрела трупы немцами были засыпаны снегом. А вечером пригнали население и засыпали.

В октябре 1941 года немцы организовали облаву в Боровухе и в прилегающих к ней деревнях. Собрали еврейское население, при этом подвергли многих избиению, собравшихся поместили в казарме военного городка и потом, через 2 дня, погрузили на автомашину, вывезли в поле и расстреляли. Всего было расстреляно 40-50 человек. 12 февраля 42-го года остальное еврейское население — стариков, женщин и детей — выгнали к полигону на опушку леса и расстреляли. Было расстреляно 65 человек. А всего по Боровухе расстреляли еврейского населения 115 человек, в том числе в возрасте до 15 лет — 40 человек».

Филиал Госархива Витебской области в Полоцке, ф. 687, оп. 1, с. 93—94

Летом 2009 года с помощью Фонда Лазарусов и других семейных фондов, на обочине дороги Полоцк — Юровичи, недалеко от деревни, был установлен памятник жертвам нацизма. На памятнике надпись на белорусском, английском и иврите: «Жертвам нацизма. Здесь осенью 1941 года были зверски замучены 46 евреев деревни Юровичи».

И хотя на памятнике написано, что расстрел был на этом месте, на самом деле место для памятника выбрано так, чтобы он был виден с дороги, чтобы к нему могли приходить и приезжать люди.

«Родственников расстрелянных здесь людей найти не смогли, — сказал Александр Наумович Иоффик, в то время руководитель Полоцкой еврейской общины. — В надписи есть неточности. Расстреляны были не жители деревни Юровичи, а узники Полоцкого гетто, местными — юровичскими — были только три человека — семья Левиных. Кто конкретно был расстрелян здесь, мы не знаем и уже никогда не узнаем».

...Август. В деревне копали картошку.

Валентина Ильинична Хотькина была на огороде. Мы подъехали к её дому, и она согласилась с нами поговорить. Пожалуй, в Юровичах она оставалась единственной, кто помнил события тех страшных лет.

«Я родилась в 1927 году недалеко от Юровичей на хуторе Незари, — рассказывает В.И. Хотькина. — До войны Юровичи были большой деревней, не то, что сейчас. Церковь большая, сквер — на том месте, где сейчас стоит наш дом. Немцы в годы войны сожгли Юровичи, один дом только остался.

Хорошо помню довоенное и военное время. Через дорогу от нашего теперешнего дома жил еврей — заготовитель Михель Левин. У него была семья: жена и ребёнок, маленькая девочка — хорошенькая такая. Я часто бегала к Михелю. У него конфеты были в ларьке. Выпросишь у мамы полдюжину яиц и идёшь к нему, он даст за это конфет.

Его немцы расстреляли поздней осенью 1941 года, уже снег лежал. Он никуда не убежал, в том же ларьке торговал, что и до войны. На машине отвезли семью в лес и там расстреляли. Его, жену, и ребёнка был у него на руках. Мне один полицейский об этом рассказывал.

На том месте потом полоцких евреев расстреливали. Одну группу привезли на грузовой машине с железнодорожной станции, а другую — на такой же грузовой машине из города. Дорога до Полоцка тогда совсем плохой была.

Мы хотели посмотреть, как евреев стрелять будут. Но

меня мама не пустила. Сказала: “Куда пойдёшь? И вас в ту яму скинут”. Много евреев там было, больше сорока человек. Потом староста ходил по деревне, людей собирал — яму закапывать. Годов пятьдесят назад я могла бы точно это место указать. Там после войны лес заготавливали. Лесники тракторами по этому месту деревья таскали и сровняли его. А потом оно и вовсе заросло. Не узнать сейчас. Даже дорога к тому месту лесом заросла».

По сообщению секретаря Полоцкого подпольного райкома КП(б)Б Новикова в сентябре 1942 года в Полоцке ещё оставалось четыре еврейских семьи.

Филиал Госархива Витебской области в Полоцке, ф. 687, оп. 1, с. 93—94

Думаю, что в городе находились и другие евреи. Было их немного, они скрывались, принимали славянские фамилии, имена.

Вера Гильман чудом вырвалась из Ушачей, где в январе 1942 года были расстреляны все её родственники. В расстрельную яму она упала за мгновение до того, как раздались выстрелы. Потом помогли местные крестьяне, которые скрывали её несколько дней. Но дальше прятать еврейскую девочку было опасно, и, надев на неё православный крестик и дав на дорогу немного еды, отправили в неизвестность. Вера оказалась в Полоцке, попала в тюрьму. И здесь рассказала следователю легенду о том, что она белорусская девочка. В тюрьме она пробыла более трёх недель. Ей не верили, били, требовали рассказать правду. Неожиданно заступился переводчик, который забрал её из тюрьмы и отправил в Витебск, в детский дом. Вере Гильман суждено было выжить и рассказать правду о войне...

Во время уничтожения гетто в Полоцке несколько детей бежали из-под расстрела и нашли приют в местном

детском доме. Бургомистр Полоцка Дмитрий Петровский и переводчик Фридрих Безер (оба погибли осенью 1942 года) предупредили директора детского дома Михаила Степановича Фаринко о селекции, и еврейских детей заблаговременно распределили среди местных жителей, а позднее переправили в партизанскую зону, и никто из них не погиб.

*Цитирую по книге Леонида Смиловицкого
«Катастрофа евреев в Белоруссии. 1941–1944»,
Тель-Авив, 2000. С. 75*

Михаил Фаринко был директором детского дома с 1929 года и оставался им во время фашистской оккупации Полоцка.

Из воспоминаний М.С. Фаринко:

«Когда фронт приблизился к Полоцку, мой заместитель Лютко Мария Григорьевна с дачи в Ропно с детьми детского дома решила отступать вместе с войсками Красной Армии. Но немецкие танки оказались впереди. В деревне Захарничи немцы ограбили детей, отняли у них все продукты, лошадей, издевались над ними и приказали вернуться в оккупированный Полоцк».

В детском доме оказались еврейские дети, те самые, что воспитывались в нём до войны. Они относились к воспитателям, как к своим родителям, а детский дом считали родным. Такая была судьба у этих мальчишек и девчонок.

«Мы не могли выдать на расстрел детей еврейской национальности, которые до войны воспитывались в нашем детском доме (Маймин Рувим, Швер Юдифь, Ихнель Зельда), и тех, кого привели в детдом местные жители. Таким образом, в детдоме набралось 11 детей еврейской национальности. Под страхом смерти всего коллектива пришлось их скрывать у нас.

...Над детским домом нависла смертельная опасность. Стало известно, что по доносу должна была явить-

ся проверка на предмет выявления детей еврейской национальности. Решили в срочном порядке мальчика-еврея Маймина Рувима Самуиловича (ему было уже 15-16 лет) отправить через знакомую из деревни Евнино в партизанский отряд Я.Х. Сташкевича, девочку Ихнель Рахиль отдать в "няньки" к гражданке Гусаковской, проживающей на станции Громы. Эта девочка удрала из еврейского гетто от расстрела и была укрыта вместе со своей сестрой Ихнель Зельдой. Беллу Шнейдман подпольщик Ярицкий Костя повёз на лошади из Фариново и направил в Быковщинский детский дом. Остальных детей еврейской национальности мы оставили в нашем детдоме, т.к. документы на них были сфабрикованы хорошо. Проверка прошла удачно, еврейских детей не обнаружили».

Надо назвать имена и фамилии всех работников детдома. Все они рисковали жизнью за то, что прятали еврейских детей. Когда войска Красной Армии освободили эти места от фашистских оккупантов, оставалось 38 работников детдома. Мы не знаем всех и поэтому назовём те фамилии, которые нам известны.

Фаринко Михаил Степанович — директор,
Седловский Виктор Антонович — заместитель директора,
Лютько Мария Григорьевна — воспитатель,
Ванюшин Николай Павлович — воспитатель,
Латко Валентина Степановна — воспитатель,
Магер (Жданова) Анастасия Иванова — воспитатель,
Шупеня (Лобанова) Фенаида Филипповна — воспитатель,

Телушкина Тамара Васильевна (погибла в 1942 году),
Шаета Анна Александровна — старшая пионервожатая,
Пискунова Мария Кондратьевна — повар,
Булах Виктор Васильевич — портной,
Маркович (Корсаков) Семён Борисович — воспитатель,

Тесто (Колесникова) Александра Александровна — воспитатель,

Ярицкий Константин Иванович — воспитатель.

Там же, в детдоме, была организована подпольная группа «Бесстрашные», которой руководил директор детского дома.

Были спасены 154 воспитанника, которых с помощью партизан отряда имени Щорса бригады имени Чапаева ночью с 18 на 19 февраля 1944 года вывезли в деревню Бельчица, а потом самолётами отправили на Большую землю. Какое-то время существовал даже «Детдом партизанской бригады имени Чапаева».

По книге «Память. Полоцк», Минск, «Белорусская энциклопедия», 2002. С. 411—412. «Гетто в Полоцке».

Когда Зое Васильевне Михайловой работники израильского посольства в Республике Беларусь вручили медаль «Праведник народов мира», она поблагодарила и сказала:

— Эту награду я принимаю от имени всех тех, кто спасал в годы войны еврейских детей в детском доме в Быковщине.

До войны Зоя Васильевна закончила четыре курса Минского государственного медицинского института. Потом у неё была летняя практика, и в мае 1941 года она приехала в Ветринскую больницу. Часто навещалась к родственникам в Быковщину. О детском доме знала, что работает он с 1924 года и носит имя Владимира Ильича Ленина. В те годы это ко многому обязывало. Детдом считался одним из лучших в республике. Когда началась война, местного фельдшера призвали в армию. Зое Васильевне предложили занять его место. Детдом пытался эвакуироваться, но пришлось всем вернуться обратно.

Мендель Беленький родился в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Родителей не помнит. В 32-м или

33-м году попал в Витебский детский приёмник, а уже оттуда, когда ему было 8 лет, отправили в детский дом в Быковщину.

Детдом находился в стороне от оживлённых дорог, и хотя до Ветрино всего шесть километров, места были достаточно глухие. Здесь не было ни фашистского гарнизона, ни полицаев. И до осени 1941 года люди не знали, что везде созданы гетто, евреи объявлены вне закона. Слухи до Быковщины доходили, но никто этому не хотел верить.

В посёлке жили две еврейские семьи: Моргулисы — местные жители и ещё одна семья беженцев из Дисненского района. Однажды в Быковщину приехала к родственникам врач из Ветрино, увидела «неблагоприятную национальную ситуацию» и сообщила об этом немцам. В посёлке появились каратели. Расправа с еврейскими семьями была жестокой.

В детдоме поняли, что их ждёт. Кроме Менделя Беленького, которого здесь звали Миша, жили ещё еврейские дети: Меламеды — две сестры, Нина и Роза, и старший брат Янкель, мальчик Гера Надель и другие.

Но никто в детдоме не сказал, что этих детей надо прогнать или сдать фашистам, чтобы сохранить собственную жизнь. Надо вспомнить всех, кто работал в это время в детском доме в Быковщине и спасал детей.

Григорий Сафронович Василевский — до войны завуч, а с июля 1941 года директор детского дома.

Николай Станиславович Тишкевич — секретарь партийной организации, член партии большевиков с 1916 года, бывший красноармеец.

Разумович Ольга Васильевна — о ней говорили как о человеке, за которым было последнее слово.

Мелешко Тамара Васильевна — старшая сестра Зои Васильевны Михайловой.

Андрончик Люся. Она была совсем молодой в те годы. Её отчества никто не запомнил.

Портниха Евдокии Михайловна Лобач.

Завхоз Яков Никитич Сильванёнок.

И сама Зоя Васильевна Михайлова.

Фашисты не раз приезжали с облавами. В Быковщине разработали целую систему оповещения. Детские дозоры сидели на чердаках домов, на деревьях, следили не появятся ли немцы. И если поступал сигнал опасности, уводили еврейских детей в лес, прятали в подвалы, в сараях.

Все дети детского дома знали, что немцы охотятся за евреями. И хотя время было голодное и дети попрошайничали, никто не выдал евреев за кусок хлеба.

Знали о еврейских детям и жители Быковщины, и те, кто работал в подсобном хозяйстве. Были среди них разные люди, встречались и такие, что подсказывал оккупантам, кого прячут в детском доме, но в открытую прийти и показать этих детей никто не решался. Боялись гнева партизан, боялись, что рано или поздно придётся за всё отвечать.

Зимой 43-го года Мендель Беленький заболел тифом. В это время немцы в очередной раз нагрянули с облавой. Решили зайти в тифозную палату, где лежало десять больных детей. Зоя Васильевна стала в дверях и, как могла, принялась убеждать немцев не делать этого.

Михайлова, тогда ещё молодой доктор, сумела вывести многих тяжело больных детей.

Летом 44-го года пришло долгожданное освобождение. Не дождался его Гера Надель. Девятилетний мальчик умер от туберкулёза.

Зоя Васильевна Михайлова уехала доучиваться в Минск в медицинский институт. Уже дипломированным специалистом вернулась в места, ставшие для неё родными.

Отец братьев и сестёр Меламед в 1945 году добрался до Палестины, а потом забрал туда своих детей.

Мендель Захарович Беленький пошёл учиться в фабрично-заводское училище, получил специальность строителя, поднимал из руин Полоцк. Служил на Балтийском флоте. После демобилизации вернулся в Быковщину. Закончил заочно Гомельское музыкально-педагогическое училище и работал преподавателем в детском доме.

В 1994 году он услышал по радио рассказ про Праведников народов мира и написал письмо в израильское посольство, рассказал о своей судьбе, о спасителях. Потом было награждение Зои Васильевны Михайловой.

По книге Михаила Рывкина, Аркадия Шульмана «Породнённые войной. Праведники народов мира», Витебск, 1997. С. 51–58

С 1 апреля по 1 сентября 1943 года членом Полоцкого подпольного райкома комсомола был Давид Файнгелеринт. Искал сведения о нём после того, как прочитал про детдом в Быковщине. В статье главного библиотекаря отдела редких книг научной библиотеки Тверского государственного университета Т.А. Ильиной «Один из «Неуловимых» изложена история Давида Менделевича Файнгелеринта:

«Д.М. Файнгелеринт (1918-1994) — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, декан факультета иностранных языков (1958-1969), филологического факультета (1969-1973) Тверского государственного университета».

Родился Давид Менделевич 1 января 1918 года в городе Изяслав Шепетовского района Хмельницкой области Украины в бедной еврейской семье, где было 12 детей, рос на станции Шепетовка, где отец работал станционным слесарем. Обстановку, в которой прошли детские годы

Давида, можно представить, прочитав книгу Николая Островского «Как закалялась сталь», автор которой много лет провёл в Шепетовке и даже снимал комнату в доме Менделя Файнгелеринта. Родители были неграмотными, но сумели дать детям образование. Давид окончил школу с золотой медалью и поступил в лучший по тем временам гуманитарный вуз — Московский институт философии, литературы и искусства (МИФЛИ) на филологическое романо-германское отделение. Здесь же встретил Семёна Гудзенко, в будущем известного поэта, который стал его близким другом.

1941-й... Родителей расстреляли немцы, а два друга, Давид и Семён, несмотря на отсрочку от армии до окончания института, идут в горком комсомола и просят отправить их добровольцами на фронт. Начинается военная жизнь. Оба стали бойцами 2-го мотострелкового полка бригады особого назначения. Осенью минировали Москву, боясь, что немцы прорвут оборону города, а когда угроза миновала, — разминировали столицу. «В феврале 1942 года 29 бойцов бригады вышли в дальний путь на лыжах: из Москвы через Калининскую и Смоленскую области в захваченную немцами Белоруссию для организации партизанского движения на оккупированных территориях».

Роненсон О. Живу памятью об отце // Тверские ведомости. 2010. 26 ноября — 2 декабря

В Полоцком районе Витебской области Давид Менделевич стал комсоргом партизанской бригады особого назначения «Неуловимые», командир которой Михаил Сидорович Прудников был удостоен звания Героя Советского Союза и о подвигах которой после войны он написал несколько книг: «Неуловимые» (М., 1961), «„Неуловимые“ действуют» (М., 1965) и «Разведчики „Неуловимых“» (М., 1972).

В этих книгах автор рассказал и о нашем герое. Снача-

ла, пока не было хорошего места для лагеря и прочных связей с местным населением, спали на снегу, питались сырой кониной и мёрзлой клюквой. Даже не разжигали костёр, чтобы не привлекать внимание немцев. Будучи комсоргом бригады, Д.М. Файнгелеринт выполнял задачу по созданию подпольных комсомольских организаций в оккупированных сёлах, по руководству ими. В двадцати населённых пунктах были созданы такие организации, объединившие около двухсот юношей и девушек. Большинство составляли молодые местные учительницы. Они помогали партизанам охранять сёла, собирали для бригады оружие и боеприпасы, продукты и одежду, добывали важные разведданные, вели агитационную работу среди населения. Почти ежедневно из таких отрядов отправлялись группы подрывников для взрывов фашистских эшелонов с техникой и войсками. Давид еженедельно посещал руководителей этих подпольных организаций, инструктировал их, передавал необходимую литературу.

В 1942 году из села Быковщина ночью на телегах Давид вместе с другими бойцами отряда вывез из детского дома более ста детей, которых немцы использовали в качестве доноров. Об этой операции в 1981 году на Ялтинской киностудии был снят художественный фильм по сценарию М.С. Прудникова «Оленья охота».

В 1943 году по заданию командира бригады и командования из Москвы Давид Менделевич пробрался на немецкий аэродром, наладил контакты с французскими пленными лётчиками, служившими у немцев техниками, и, проведя у них под нарами 20 суток, разагитировал так, что они подняли в воздух шесть мессершмиттов и перелетели на нашу сторону. Конечно, очень помогало знание иностранных языков: Д.М. Файнгелеринт в отряде переводил все

документы, присутствовал на допросах пленных немцев, а иногда даже готовил по заданию командования «послания» некоторым немецким комендантам и командирам.

На оккупированных территориях возникла большая проблема для местного населения из-за отсутствия информации о положении на фронте: школы не работали, радио не было, газеты сюда не поступали. Возникла идея организовать небольшой художественный ансамбль, перед выступлением которого 30 минут отводить на небольшой доклад о положении дел на фронте. Вот как сам Давид Менделевич вспоминал об этом: «Для участия в ансамбле был проведён своеобразный конкурс по отрядам, в результате которого было собрано 12 человек артистов. В качестве докладчиков выступили я и политрук Михаил Земсков. У нас в ансамбле были хорошие гармонисты Ваня Петраченко и Алексей Тюкалов, обладавшие бесконечно богатым репертуаром мелодий и умевшие на слух подобрать аккомпанемент для любой песни. Конферансье ансамбля Михаил Ароник был до войны художником-декоратором одного из московских театров, он умел весело рассказывать острые сатирические миниатюры, которые сам же и создавал, а иногда даже импровизировал. Прекрасно выступал старый партизан <...> Иван Козлов. Он так пел народные частушки на злободневные темы, что вызывал неизменный восторг слушателей. Девушки ансамбля <...> организовали танцевальный коллектив <...> Танцевали «Лявониху» и другие белорусские популярные народные танцы.

Весь реквизит ансамбля вместе с оружием его участников <...> помещался на двух подводах. Артисты шли за подводами пешком.

Файнгелеринт Д.М. Моя работа на филологическом факультете за сорок лет // Мои университеты. Тверь, 2006. С. 136.

Такой «артистический» рейд начался в октябре 1942 года и продолжался полтора месяца. В начале декабря понадобились сани для выпавшего снега. За всё время было дано более 180 концертов: в среднем по три в день. «Конечно, подсчитывать число зрителей было некогда, но, думается, что такой благодарной аудитории ни один ансамбль <...> не видел. Ведь люди истосковались по живому советскому правдивому слову, по песне и по танцу. И вот в этих условиях оккупации люди почувствовали себя по-настоящему советскими хозяевами жизни».

Файнгелеринт Д.М. Моя работа на филологическом факультете за сорок лет // Мои университеты. Тверь, 2006. С. 136

А вот что пишет командир бригады М.С. Прудников об этом ансамбле в одной из своих книг: «Концерты устраивались обычно на лесной полянке или на улице деревни под надёжной охраной. Иной раз конференсье вместо очередного номера программы объявлял: “Фрицы!” — и артисты, взяв в руки оружие, вместе со зрителями шли в бой... <...> Подпольщики сообщили, узнав о концертах наших артистов, немецкое командование было очень разгневано.

— Партизаны над нами издеваются! — неистовствовал военный комендант Полоцка <...>.

Предатели постоянно доносили гитлеровцам, что в таком-то селе или деревне выступал партизанский ансамбль. Гитлеровское командование спешно направляло туда крупные силы для разгрома „большевистских бандитов“. Но угнаться за нами фашисты не могли: ансамбль скрывался, а карательные отряды попадали под огонь партизанских засад. Ведь плясуны и гармонисты были неплохими стрелками и подрывниками.

За время боевых действий под Полоцком ансамбль <...> дал больше ста концертов, каждый раз доставляя окку-

пантам отнюдь не эстетическое наслаждение. Наш друг гауптман Миллер передал как-то через связных любопытное высказывание одного из офицеров полоцкого гарнизона: „Не понимаю этих русских. У них буквально петля на шее, а они поют и танцуют. Что за люди?!“».

Васильев Г. Один из «Неуловимых» // Калининская правда. 1977, 30 декабря

В 1944 году Белоруссия была освобождена, бригада сформирована, но дружба, рождённая в полоцких лесах, скрепила партизанское братство на всю последующую жизнь. Очень трогательно о ней вспоминает дочь Давида Менделевича Ольга: «Я ездила с отцом в Белоруссию много лет. Видела, как уже немолодые женщины вставали перед ним и его товарищами на колени, как плакали, обнимая их. Писали письма отцу, словно близкому другу. Я с детства видела дружбу бывших партизан. Все они после войны состоялись как личности, получили награды, но каждый год в Измайловском парке на партизанской поляне плакали, вспоминая те годы, и очень честно любили и помогали друг другу в жизни. Самый старший — комиссар бригады Борис Львович Глезин — умирая в 92 года, в завещании просил, чтобы я была на похоронах его как близкий человек. Нет сейчас такой дружбы: она была скреплена страшными годами войны».

Роненсон О. Живу памятью об отце...

За боевые подвиги в борьбе с фашистскими оккупантами Д.М. Файнгелеринт был награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «Партизану Отечественной войны», «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Вся послевоенная жизнь Давида Менделевича была связана с работой в высшей школе: сначала Грозненский педагогический институт, затем — Смоленский, с

1947 — Калининский пединститут, с 1971 года и до конца жизни — Тверской государственный университет. Доцент кафедры русской и зарубежной литературы, автор нескольких учебных пособий и многих статей.

Среди его учеников был известный поэт Андрей Дементьев. Все студенты любили этого преподавателя и ласково называли его Файном. Этот человек был интеллигентом в высшем понимании этого слова. Во-первых, он был необыкновенно образован: знал 16 языков (!), особенно любил славянскую литературу, изучил языки и читал лекции в славянских странах на их родных языках: в Чехии, Болгарии. Были лекции и в Духовной академии в бывшем Загорске (ныне Сергиев Посад). В 1949 году первым в стране защитил диссертацию на иностранном языке. А во-вторых, это был очень порядочный человек, любящий людей, преданный своей работе и вузу, внутренне свободный, ориентированный на общечеловеческие нравственные ценности. По воспоминаниям дочери, он дал ей в 15 лет Библию, сказав: «Это книга книг». А было это в 1970 году, когда подростки даже не видели такой книги.

Роненсон О. «Живу памятью об отце...».

Давид Менделевич работал до последнего дня своей жизни, скончался он в апреле 1994 года.

В Государственном архиве Тверской области (ГАТО) сформирован личный фонд Д.М. Файнгелеринта под номером Р-2373.

На «Мосфильме» в 1977 году вышел трёхсерийный документальный фильм «Частная хроника времён войны» про бригаду «Неуловимые», в нём есть кадр, в котором наш герой говорит студентам, что самое главное — это делать добро, не ожидая ответной благодарности. В этом весь Давид Менделевич. Так он учил свою дочь,

будучи преданным семьянином, так он учил своих студентов, так он и жил.

Использованы:

Роненсон О. Живу памятью об отце // Тверские ведомости. 2010. 26 нояб. — 2 декабря

Файнгелеринт Д.М. Моя работа на филологическом факультете за сорок лет // Мои университеты. Тверь, 2006. С. 136-146

Васильев Г. Один из «Неуловимых» // Калининская правда. 1977. 30 декабря

Прудников М.С. Неуловимые. М., 1961

Евреи Полоцка на фронтах, с оружием в руках сражались с фашизмом бок о бок с представителями других национальностей. Они не знали, что происходит в оккупированном Полоцке, не знали о судьбе своих родных и близких, но сражались и за себя, и за них.

«В боях за освобождение Полоцка отличились командир батальона 287-го стрелкового полка Б.И. Метелица, командир 45-й отдельной истребительно-противотанковой бригады подполковник Александр Михайлович Теплинский, командир 219-го стрелкового полка А.И. Росовский, начальник штаба 1-го танкового корпуса фронтового подчинения подполковник Давид Абрамович Биберган, командир 3-го батальона 249-го стрелкового полка 16-й Литовской дивизии майор Вольф Лейбович Виленский, старший сержант сапёрного взвода этого же полка Юдель Рондер, группа разведчиков Литовской дивизии под командованием лейтенанта Е. Жабинского, сержант взвода разведки 167-го стрелкового полка этой дивизии Михаил Петлицкий.

Кавалером ордена Славы 3-й степени и ордена Отечественной войны 1-й степени стал ефрейтор Лев Григорьевич Хайкин. Капитан Борис Моисеевич Гуткин

был награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, рядовая Елена Михайловна Гуткина — орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги», рядовой Александр Евсеевич Гельфанд — орденом Отечественной войны 1-й степени и медалью «За отвагу». С 1941 по 1945 годы всю войну прошли рядовой Григорий Давидович Дорфман, удостоенный орденов Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени и медали «За отвагу», кавалер ордена Отечественной войны 1-й степени, многих медалей подполковник Вульф Соломонович Закс, капитан Ефим Ильич Макутонин, награждён двумя орденами Отечественной войны 1-й степени и одним орденом Отечественной войны 2-й степени, кавалер орденов Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени и медали «За боевые заслуги» майор Яков Зеликович Кугель. Среди воинов, удостоенных ордена Отечественной войны 2-й степени, были полоцкие евреи: старший сержант Борис Абрамович Горелик, лейтенант Циля Пейсаховна Гербер, младший сержант Андрей Андреевич Гринберг, рядовой Зяма Лазаревич Гринблат (и медалью «За боевые заслуги»), лейтенант Лев Яковлевич Гутлин, младший сержант Наталья Григорьевна Драпкина, майор Наум Семёнович Леках, рядовой Семён Захарович Маркман, сержант Лев Абрамович Мацкин, рядовой Яков Аронович Музыкант (орденом Красной Звезды), рядовой Григорий Залманович Пайкин, Иосиф Соломонович Розенман, капитан Симон Зунделевич Райкин, капитан Лея Борисовна Райна, старшина Иосиф Семёнович Райхельсон, капитан Аркадий Абрамович Тарлер, сержант Моисей Беркович Хейфец. Рядовая, Мария Наумовна Чернова, старший сержант Мария Наумовна Чернова, лейтенант Голда Гилевна Шмуйлович, лейтенант Самуил Абрамович Шмуйлович, рядовые — братья Александр Захарович и Борис

Захарович Эпштейны, которые в 1943 году ушли на фронт 17-летними. Заместителем командующего ВВС военного округа был генерал-майор Исаак Сендерович Левин (1896-1956). Начальником разведки Главного управления бронетанковых войск являлся полковник Лев Моисеевич Шулькин (1905-1952)».

Цитируется по книге «Полацк у гісторыі і культуры Еўропы. Мн., 2012. С. 324-335

Известны имена, о которых писали в газетах, ставили в пример другим.

Академик Борис Григорьевич Галёркин (Берка Гиршевич Галёркин) родился в 1871 году в деревне Прудок, но вскоре родители переехали в Полоцк. Гирш-Шлейма Захарович и Перл-Бася Шевелевна Галёркины имели в городе собственный дом. Но кустарный промысел, которым они занимались, не давал большого достатка.

Идиш был для Галёркиных родным, но они также хорошо знали иврит. К знанию русского языка относились с безразличием. Из-за такого настроения в семье учиться в гимназии, естественно, на русском языке, Берке Галёркину не пришлось. Только в 22 года он сдал в Минске экстерном экзамены за курс гимназии и тогда же поступил на механическое отделение Санкт-Петербургского технологического института.

Как и многих молодых людей того времени, его увлекли революционные идеи. В 1906 году — член Петербургского Комитета РСДРП и профессиональный революционер; арестован за участие в революционном движении и осуждён на 1,5 года заключения. Неизвестно, куда бы завела политическая деятельность этого талантливого и энергичного человека, если бы не случай. 23 июля (5 августа) 1906 года полиция окружила дом № 13 на Алексеевской улице близ станции Удельная и задержала почти всех

участников заседания Комитета. Судебный приговор оказался удивительно мягким, если учесть, что при аресте некоторые комитетчики отстреливались: один был приговорён к двум годам крепости, 8 человек, в их числе Б.Г. Галёркин — к полутора годам, а остальные оправданы.

В тюрьме, известной под названием «Кресты», Борис Григорьевич охладел к революционной деятельности и полностью отдался науке и инженерному делу. Тюремные условия того времени подобное позволяли. Более того, судя по записи в трудовой книжке, Борис Григорьевич с апреля 1907 целый год числился инженером по проектированию и постройке котельной электростанции в Петербурге (позже 1-й Государственной электростанции).

Борис Григорьевич старался не вспоминать о своём революционном прошлом и в анкетах советского времени на вопросы о принадлежности к каким-либо партиям отвечал туманно. Конечно, он знал о трагической участи старых членов партии, а главное, скрывал, что могло стоить ему жизни, — в состав Петербургского Комитета Борис Григорьевич был избран от меньшевистского крыла РСДРП.

В 1934 году Борис Галёркин — доктор технических наук, доктор математики, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

Спустя пять лет — директор Института механики АН СССР, возглавил кафедру строительной механики Военного инженерно-технического университета в Ленинграде, инженер-генерал-лейтенант.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны, в 1941 году, на Ленинградском монетном дворе была отчеканена памятная медаль в честь 70-летия академика Б. Галёркина.

Автор медали в честь Б. Галёркина — известный советский скульптор Н. Томский (1900-1984). Она вы-

полнена в традиционной манере: на лицевой стороне изображён погрудный портрет учёного, а на оборотной — помещены латинское число «LXX» и соответствующая надпись в четыре строчки. Медаль отчеканена из бронзы диаметром 67 мм.

Во время Великой Отечественной войны Борис Григорьевич Галёркин принимал участие в обороне Ленинграда. Была создана Комиссия по руководству строительством оборонительных сооружений города. В её составе оказалось несколько академиков и крупных учёных, но имел непосредственное отношение к строительству только Галёркин, ставший фактическим руководителем.

Научные разработки Бориса Галёркина были оценены государством. В 1942 году он становится лауреатом Сталинской премии 1-й степени.

Борис Григорьевич многое сделал для обороны Ленинграда. Ему было 74 года, он работал до последнего дня, зная, что его знания и опыт нужны для Победы.

Умер 12 июля 1945 года.

22-летним в 1930 году полочанин Юда Абрамович Гельфанд связал свою жизнь с армией. Во время Великой Отечественной войны командир 12-го стрелкового полка в составе 58-й стрелковой дивизии. Подполковник. В годы войны награждён орденом Красного Знамени, Красной Звезды, Кутузова 3-й степени, а после войны — орденом Ленина.

В Отечественной войне с первых дней, воевал на Северо-Западном, Волховском и Ленинградском фронтах.

19-23 августа 1944 года при прорыве укрепленного района противника в районе села Когэмитяну (Румыния) Гельфанд под шквальным огнём противника, ежеминутно рискуя жизнью, руководил наступательными боями подразделений и вместе с пехотинцами в числе первых вышел на высоту...

Исаак Сендерович Левин — советский военный деятель, генерал-майор, заместитель командующего ВВС округа. Исаак Левин умер вскоре после Победы, ещё далеко не старым человеком.

Война застала Наума Борисовича Клубта на армейских курсах младших политруков, которые размещались в Бресте. К началу войны ему было 37 лет. В Красной Армии с декабря 1920 года.

Агент уездного продкомитета, курсант, командир РККА, начальник армейских курсов младших политруков — вот далеко не полный послужной список Бориса Наумовича Клубта до войны, которую он начал на рассвете 22 июня 1941 года.

Командир дивизии приказал Борису Клубту занять с курсантами оборону неподалеку от небольшого кладбища, используя недостроенные доты и казематы.

Курсантский отряд задержал продвижение противника на этом участке дороги до вечера. Но силы были неравны. Велики потери. К исходу дня 24 июня батальонный комиссар Клубт вывел горстку оставшихся в живых курсантов из окружения и влился с ними в другие подразделения частей 4-й армии...

Кавалер ордена Ленина и двух орденов Боевого Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды и ордена Отечественной войны 2-й степени полковник запаса Клубт жил в послевоенные годы в Одессе.

«Активное участие в партизанском движении Белоруссии приняли евреи-полочане. Заместителем командира партизанского отряда Я.Х. Сташкевича, заместителем командира 3-й Белорусской партизанской бригады по разведке был Ефим Григорьевич Рыжик. Мужество и отвагу в борьбе с немецкими оккупантами и их пособниками проявили Зинаида Абрамовна Герчикова, удостоенная ор-

дена Отечественной войны 2-й степени и медали «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, кавалеры ордена Отечественной войны 2-й степени и медали «За отвагу» Давид Мордухович Клет и Фаина Ефимовна Лазарева, Хаим Абрамович Муниц, награждённый орденом Отечественной войны 2-й степени.

Одним из организаторов убийства генерального комиссара Белоруссии В. Кубе в сентябре 1943 года был командир особого партизанского отряда ГРУ Генерального штаба Давид Ильич Кеймах (по прозвищу «Дима»). С сентября 1941 года он был комиссаром специального партизанского отряда, действовавшего в немецком тылу на территории Полоцкого района. Этим отрядом командовал будущий Герой Советского Союза Г.М. Линьков. В своих воспоминаниях Давид Кеймах писал: «В ночь на 17 сентября сорок первого на семи тяжёлых транспортных самолётах отряд наш поднялся в воздух для перелёта через линию фронта...

В лесу оказались десятки москвичей и человек тридцать из окруженцев и местного населения, которых сумел организовать комиссар за время своих блужданий... Взрыв большого моста через реку Эссу, соединявшего шоссе Лепель—Борисов, обратил на партизан внимание карателей. Против нас был выслан полк полевых войск, вооружённый орудиями и миномётами, и нам пришлось, бросив свои базы, отступить в глубину болот... Первый отряд, который в составе сорока человек вышел на линию Вилейка—Полоцк, возглавили начальник штаба Щербина и Кеймах... К 1 мая 1942 года отряд Щербины — Кеймаха рапортовал о подрыве трёх немецких поездов, шедших на восток с живой силой. При каждом крушении погибло не менее двухсот-трёхсот немцев».

Боевая работа Кеймаха была отмечена орденом Ленина и орденом Отечественной войны 1-й степени.

Полоцкий район, как и вся Витебская область, в 1942 году входил в зону действий Северо-Западной оперативной группы ЦК КП(б)Б и СНК БССР, которой руководил сын еврейского народа Григорий Борисович Эйдинов. С марта 1942 года на территории Полоцкого района, точнее, в стратегически важном «Полоцком треугольнике», успешно действовал специальный партизанский отряд, комиссаром которого являлся Б.Л. Глезин. Среди бойцов этого отряда отвагой и мужеством отличился 20-летний Эдуард Соломон. На базе данного партизанского формирования в июле 1942 года была создана партизанская бригада «Неуловимые» под командованием Михаила Сидоровича Прудникова, удостоенного в 1943 году звания Героя Советского Союза. Комиссаром этой бригады с июля 1942 по июль 1943 года был Борис Львович Глезин, удостоенный двух орденов Отечественной войны и многих медалей. В бригаду вошло 15 отрядов общей численностью 1500 человек. За два года действий в немецких тылах «Неуловимые» пустили под откос 511 эшелонов противника с войсками, боевой техникой, горючим, боеприпасами, взорвали и сожгли 104 моста, разгромили 8 фашистских гарнизонов, десяток самолётов сбили, спасли от угона в Германию воспитанников двух детских домов, освободили из лагерей более тысячи военнопленных. И всё время вели наблюдение за передвижением немецких войск, регулярно передавали сведения об этом в Москву».

Цитируется по книге «Полацк у гісторыі і культуры Еўропы. Мн., 2012. С. 324-335

Об этих людях не писали в газетах, никто не вспоминал о них, кроме родных и близких. Победа над фашизмом была общей, одна на всех, и в этом заслуга в том числе и неизвестных героев.

Вспоминает Ева Михайловна Давидовская (Хейфец):

«Мендел Хейфец, мой отец, в годы войны ранен под Москвой, после ранения то приходил в сознание, то терял его. Были обморожены пальцы, в позвоночнике — осколок. Без сознания отец называл себя Макс, Михаил. Его сестра из Ленинграда, узнав об этом, добралась до Челябинска до госпиталя, она признала, что это он. Отец выписался, мы переехали в Троицк и там жили до окончания войны.

Мой дядя Исаак уходил из Полоцка с войсками. Капитан. Пришёл с войны контуженный, в больнице умер. Дядя Михаил погиб под Мурманском».

Рассказывает Инна Ефимовна Песина, историк, музейный работник:

«Отец мой, Ефим Израилевич Алуф, родился в Лепеле. В 1938 году дед, Израиль Хаимович Алуф, попал в тюрьму. Работал на каком-то складе в Лепеле. Экономическое что-то. Вернулся домой перед самым началом войны. Перебрались в Полоцк где-то в 1940 году. Когда началась война, дед ушёл на фронт.

Бабушка, Рахиль Алуф (Свердлова), из большой полоцкой семьи — 4 брата и 2 сестры. Вышла замуж в Лепель, потом с мужем перебрались в Полоцк. Жили в районе ул. Фрунзе, потом на Задвинье.

Свердловы — сапожники. Когда деда арестовали, бабушка осталась с двумя детьми. Ей помогала вся семья.

Дед, Израиль Хаимович Алуф, погиб в 1943 году. Мой отец, Ефим Израилевич Алуф, в 1944 году получил похоронку на своего отца, моего дедушку. Написано, что погиб в районе Смоленска. Все годы отец пытался найти место захоронения. Писал в архивы, ничего не мог найти. В 1998 году я в библиотеке Полоцкого Хэсэда увидела многотомное издание «Воины-евреи, погибшие в годы ВОВ». Начала листать и наткнулась на запись о дедушке.

Оказалось, что он был похоронен в районе деревни Вороны под Витебском. Когда в деревне установили памятник на братской могиле, захоронения из близлежащих мест перенесли в общее захоронение. Отец ещё при жизни успел туда съездить со мной. Мы сами сделали табличку, на которой написали: "Алуф Израиль Хаимович". Прибили табличку к памятнику.

В годы войны бабушка с детьми была в эвакуации в Новокуйбышевске. Вернулась после войны в Полоцк».

Беседую с Марией Соломоновной Колидовой:

«Калининский, 1-й Прибалтийский, 3-й Белорусский фронт — я там воевала. В госпитале была. Очень много раненых было. Эшелонами привозили.

В 45-м году мы прибыли в Полоцк. Стали поступать тяжёлые раненые, которым требовалось длительное лечение, туберкулёзные, тифозные. Ещё шла война.

Когда она закончилась, я продолжила работу в военном госпитале.

Во время войны не чувствовалось, что я еврейка. Уважение от раненых было абсолютное. Всё время под бомбёжками, обстрелами были.

До 1953 года служила в армии. Раненые писали мне письма. У нас в госпитале были пленные немцы. Мы оказывали им помощь. Отдельная палата, часовые стояли».

Рассказывает Мария Борисовна Фейгинова, 1937 г.р.:

«Я даже не представляю, каким был мой отец Борис Яковлевич. Его взяли на фронт в самом начале войны, погиб в 1943 году. Пришла похоронка.

Отец из Полоцка, работал на мебельной фабрике рабочим. Жили на Пролетарской улице.

Мама — Кейля (Катя) Иоселевна Нанос. Работала в общепите. У меня сестра младшая 1940 года рождения. У нас была родственница Фрида. Её мужа — родного

брата мамы — Хаима забрали на фронт. Осталась жена в Городке. Она нас забрала, и мы эвакуировались. У тёти Фриды была лошадь, и так мы добрались до Марийской АССР.

После войны Хаим пришёл с туберкулёзом.

Когда объявили Победу, мы сразу вернулись в Полоцк. Нас в эвакуации ругали. Говорили, всю войну мы к вам хорошо относились, а как Победа — бросаете нас. Они хотели, чтобы мы остались.

Наш дом в Полоцке не сохранился. Сохранился один дом наших родственников. Его заняло начальство. Но мама и тётя их “выкурили”. Там поселилось много людей. Даже спать было негде.

После войны, я маленькой была, но всё время слышала идиш, он звучал часто. Сейчас мне стыдно перед памятью мамы. Она привыкла по-еврейски разговаривать. Помню, мы шли через сквер, она несколько слов по-русски, а потом сбивалась на еврейский язык. Я сначала ей тихонько: “Говори по-русски”. А потом уже сердито, чтобы говорила по-русски. Потому что на нас обращали внимание. Я одна из немногих в Полоцке, кто сегодня умеет разговаривать по-еврейски.

Закончила Ленинградский институт культуры, всю жизнь работала библиотекарем».

Циля Григорьевна Зайцева (Русоник) продолжает свой рассказ:

«В 1945 году мы вернулись в Полоцк из эвакуации. Наш дом сгорел. Рассказывали, когда мы ушли из Полоцка, соседи растащили всю нашу мебель, всё имущество. В нашем доме потом жили люди.

Мы остановились сначала в разбитой школе. Папа работал в сапожной мастерской. Полоцк был сильно разрушен. Потом мы купили полдома, а когда снесли этот дом, нам дали квартиру.

Меня, когда мы вернулись в Полоцк, взяли на работу в обком партии кассиром, секретарём. В 1947 году я вышла замуж за Михаила Яковлевича Зайцева. Он фронтовик. Муж работал фотографом, потом окончил вечернюю школу и работал в строительстве. Его уже нет среди нас.

Мы вырастили трёх сыновей, растут внуки.

Вот так и прожила я всю жизнь в Полоцке».

Вспоминает Райкина Елена Абрамовна.

«Дед, Моисей Райкин, из Копыльского района, умер в 45 лет. Отец, Абрам Моисеевич Райкин, тоже родился в Копыльском районе, с довоенных лет — директор совхоза, до этого работал на ферме, учился в сельскохозяйственном техникуме, был членом партии. Он нас успел эвакуировать. Увёз до Смоленска, а сам пошёл в Смоленский военкомат. Всю войну воевал. Отец до войны болел туберкулёзом, кое-как подлечился, добровольцем пошёл на фронт, хотя была бронь.

Мы были в эвакуации в Тамбовской области. Когда немцы стали приближаться, мы попали на Урал в Красноуфимский район. Отец не знал, где мы находимся. И мама не знала, где воюет отец и что с ним. Они разыскивали друг друга.

Нас четверо детей, тяжело было, но мама у нас очень толковая. Работала зоотехником. Потом пошла работать на железную дорогу, чтобы получить место в вагоне и переместить всю семью в Белоруссию. Она взяла с собой корову, поросят, была очень пробивной. Хотя в 1944 году было ей всего 30 лет.

Приехала в Белоруссию с Дальнего Востока её сестра, мама с ней. Мама была стержень в семье.

По долгу службы отец переезжал с места на место. Мы жили в Гродно. Нужны были проверенные, опытные кадры в Западную Беларусь. Там отец был директором совхо-

за. Прожили в Гродненской области до 1951 года. Мама была его замом. Потом мы подросли, время поступать в институт, они попросились в Минскую область. Старшая сестра Майя — 1935 года.

Перевели. Отец стал директором совхоза “Большевик” в деревне Дубовляны — это в 10 км от Минска.

Мама из Коханово (Толочинский район). После сельхозтехникума работала в колхозе. Отец в то время работал там же. Они сошлись. До войны отец учился на разных курсах, после войны, в 1950 году, поступил в Ставропольский сельхозинститут. Но попал в аварию. И учился дальше уже на курсах усовершенствования.

В совхозе “Большевик” отец проработал до 1953 года. Перевели директором в совхоз “Городец” (Миорский район). Я в 1953 году поступила в Витебский медицинский институт. Взяли кандидатом. Я дружила ещё по Гродно с дочкой Первого секретаря Витебского обкома партии. Пошла к нему, и это сыграло свою роль.

Совхоз “Городец” животноводческий. Отец — директор, мама — зоотехник. Но вскоре отец тяжело заболел.

После войны вернулся весь израненный, тяжёлое черепно-мозговое ранение, искалеченный, лежал долго в госпиталях, и всё же нашёл в себе силы работать. На войну ушёл трезвенником, вернулся — изредка, но всё же стал выпивать. Он служил комиссаром отдельного инженерно-сапёрного батальона. Потом — командир батальона.

...Шли на передовую, солдаты попросили привал, он разрешил, но это чревато трибуналом — надо было прибыть ко времени. Его хотели расстрелять за то, что пришли с опозданием, но не дали солдаты.

Награды отца — орден Красной Звезды, представлен был к ордену Красного Знамени. Медали. 12 декабря 1943 года был ранен возле деревни Малые Копти под Витебском.

Осколок танкового снаряда. На этом военная служба завершилась. Капитан.

В начале пятидесятых отец попал “под сталинскую анти-семитскую раздачу”. Был гордым человеком, с чувством достоинства. У него были враги. Объект для сплетен, пересудов.

Моя сестра в 1952 году поступала в БГУ на физико-математический факультет. Сразу не брали. Еврейка. Отец надел все ордена и пошёл требовать, матерился в кабинетах. Сестру приняли. Но после отца вызвали к следователю, возбудили уголовное дело по хозяйственным делам. Был у него в колхозе прораб, который ему кричал: “Я — русский, а ты — жид”. Прораб написал донос. В 1952 году отца исключили из партии, сняли с работы. Дело закрылось после смерти Сталина.

После госпиталей отца перевели в Полоцк в управление сельского хозяйства. Он умер в 59 лет, в 1967 году.

Маму Нину Яковлевну (Нехама Янкелевна) отправили директором совхоза в Ивенецкий район (Минская область). Она была членом партии. Женщин директоров было единицы. К ней прекрасно относились, ценили её заслуги. Директором отработала года три. Потом уже переехала в Полоцк к дочке. Родился внук. Маме было всего 47 лет. Нянчила внука. Мама прожила 93 года.

Я работала в поликлинике, в больнице — 43 года в цитологии. Муж, Зейф Григорий Аркадьевич, тоже работал в больнице. Эндокринолог. Работал до 68 лет.

Кроме нас Райкиных в Полоцке нет».

Вспоминает Лившиц Фрида Абрамовна, 1934 года рождения:

«Папу я мало помню. С 1941 года мы были в эвакуации. Лившиц Абрам Мовшевич. До войны работал в магазине продавцом. Мы жили в Задвинье.

Мама 1898 года рождения, Сара Хононовна. Без трёх дней прожила 100 лет. Домохозяйка. Трое детей. Я младшая, средняя сестра Софья, старшая — Зинаида.

Зинаида умерла в 1996 году, Софья — в 2000 году. Дома мы говорили на идише. Бабушку я видела перед её смертью. Её звали Малка. Дед Мойша — сапожник. Большая родня была по маминой линии. У мамы было три брата.

Папа ушёл на фронт. Мы эвакуировались в Кировскую область. Ехали на подводе, на машине, на пароходе, на поезде.

Нас поместили в деревянном доме на втором этаже. Внизу жили татары. Татарин ко мне очень хорошо относился. Говорил, что нельзя меня мучить голодом. Подкармливал. Весь день я была у него, только ночевала с мамой.

Я была больная девочка, поэтому в школе не училась. Малокровье. А сёстры учились.

В Полоцк мы вернулись в 45-м году в мае. Мама очень хотела вернуться. Довоенные соседи разыскали нас. Пришли письмо, что наш дом цел. В нашем доме в годы войны была немецкая кухня. Когда мы приехали, печка была замурована. Мой дядя военный — Хаим Алуф. Пошёл в военкомат, сказал: "Немцы замуровали печку, там мина или взрывчатка может быть".

Пришли военные, открыли печку — чисто. В нашем доме жило три семьи. Когда мы вернулись из эвакуации, нас не хотели пускать. К нам приехал мамин брат Михаил с семьей (тоже был на фронте, капитан). Потом приехала мамина сестра Рохе с дедушкой из Тюмени. Их четверо, нас четверо, квартирантов трое. Всего было 26 человек. Коридора и кладовки не было. Все плотно друг к другу спали на полу. Ночью в туалет выйти нельзя было. Это продолжалось долго. Потом выселили квартирантов.

Сообщение с Задвиньем было — мост остался, ходили паромы. Жили мы на улице Красина. По левой стороне ни одного дома не уцелело. По правой — от нашего дома ещё три дома стояло. Полоцк был сильно разрушен.

В Полоцке в годы войны оставалась мамина средняя сестра, другие родственники — все погибли в гетто. Дочка маминой сестры Пешки жила до войны в Минске, пришла в Полоцк, хотя её предупреждали, что не надо идти. Сказала, где мама, там и я. Пешка погибла, Арон, её муж, — погиб. Фрида, дочь, — погибла, Арон, сын, — погиб.

После войны мама ходила молиться. Собирались по домам. То там пускали, то там. Я её водила, собирались они где-то за Дворцом стеклозавода. Потом молились по ул. Дзержинского, в Задвинье, на Лепельской.

После войны мама шила детские пелёнки, распашонки. Она получала пенсию. Мы сажали огород. Еда у нас была.

Я пошла учиться в 1-ю школу, потом в 8-ю. Сёстры пошли работать. Я с 18 лет стала работать в райсоюзе. Там всю жизнь отработала, 38 лет, от счетовода дошла до заместителя главного бухгалтера».

Рассказывает Борис Израильевич Бимбад:

«Моя мама — Двейра (Каткова), коренная полочанка, с Задвинья, до войны домохозяйка. 10 мая 1941 года она умерла, в 43 года.

После смерти мамы нас вдвоём с братом Ичкой (Изя, 1932 г.р.), как из семьи многодетных, послали в пионерлагерь. Тут началась война. Отца обязали на коне подбирать раненых в Полоцке. Он всё же забрал нас из лагеря и привёз в Полоцк. Мы на этом коне уехали на восток страны. Доехали до какого-то города. Коней забрали, а нас посадили на поезд, отправили в Татарстан, за Багульму, в Новопеснянку. Жена старшего брата Шифра

тоже была около нас. Жили с ней в одном доме. Местные жители нас приняли в эвакуации хорошо.

Мы с Ичкой сначала были в школе-интернате, когда её закрыли, нас — в детдом.

Из детдома мы убежали, там жульё собралось. Они обокрали склады. Директор сказал: “Лишается продуктов, кушайте то, что украли. Только девочек буду кормить”.

Мы это услышали и удрали. От нас требовали хлебные карточки, а они в детдоме. Мы написали отцу. Он приехал и забрал нас в Казань. Был по броне, работал на военном заводе, возчиком. Я устроился токарем на военный завод, работал с 1944 по 1945 год, 1 год и семь месяцев.

В Татарстане мы жили до 1945 года.

Брат Симхе, 1917 года рождения, провоевал всю войну, демобилизовался, жил с семьёй в Киевской области, село Ставище.

Сестра Пешке-Этке, 1920 года рождения, вышла замуж в Кубличи за начальника почты. Работала в школе пионервожатой. У них был ребёнок. Не эвакуировалась. Попала в гетто. Бежала из него вместе с местной учительницей. Пришла в деревню. Нашего отца знали, он ездил по деревням, там рыбу брал, в Полоцк привозил, продавал её. У него было много знакомых. Сестра пряталась в деревне Матырино. У неё было зимнее пальто. Когда она обратилась за помощью к хозяину дома, тот её убил за пальто и за сараем закопал. Отец не стал после войны подавать на него в суд. Но нам рассказал, кто это сделал, и сказал: “Он сам подохнет”.

Сестра Гита, 1925 года рождения, умерла в эвакуации. Работала на кирпичном заводе, мешала глину, простудилась и умерла.

Брата Залмана забрали в армию, воевал, пришёл с войны. Уехал уже в начале 90-х с детьми в Израиль. Там умер».

В 1999 году на месте казни полоцких евреев был поставлен памятный камень с надписью на идише и русском языке: «На этом месте в годы войны 1941-1942 гг. были расстреляны 8000 евреев узников Полоцкого гетто». Рядом на втором памятном камне надпись: «На этом месте будет установлен памятник расстрелянным узникам Полоцкого гетто». Лестница, ведёт от дороги наверх к памятным камням. Это один из немногих памятников в Беларуси, где есть текст на идише — родном языке жертв фашистского террора.

Через семнадцать лет, в 2016 году, недалеко от микро-района Боровуха-2 был сооружён мемориал — установлен большой памятник с надписью на трёх языках: белорусском, иврите и английском: «Жертвам нацизма. В 1941-1942 гг. в районе деревни Боровуха-2 были зверски расстреляны тысячи евреев из Полоцкого гетто».

В мае, накануне Дня Победы, еврейские организации Полоцка проводят у памятников траурные митинги, вспоминают своих родственников, расстрелянных в гетто, возлагают цветы, кладут камушки, как и положено по еврейской традиции. Собравшиеся — ветераны, их дети и внуки — занимаются благоустройством прилегающих к памятнику территорий.

В Мемориальном комплексе Катастрофы и Героизма Яд-Вашем в Иерусалиме в Долине погибших общин на одной из стел надпись, сделанная на иврите и латинскими буквами: Шумилино, Сиротино, Смольяны, Сураж, Полоцк...

Рассказывает Беспалова Юлия Михайловна, профессор Тюменского государственного университета:

«Полоцк — родина моего отца, Михаила Наумовича Зингера, который родился в 1924 году. Это город, где он провёл свои детство и юность и который в конце июня 1941 года ему повезло покинуть живым. Отец прошёл

войну, был тяжело ранен. Он награждён семью орденами и многими медалями.

Меня всегда интересовала история папиной семьи и судьбы родственников с папиной стороны. Сестра папы, учительница София Наумовна Зингер, как и другие представители полоцкой интеллигенции, была расстреляна в июле 1941 года, в самые первые дни, когда фашисты оккупировали Полоцк. Она стала одной из первых жертв фашистов в городе.

«Немецко-фашистские захватчики убили в Полоцке свыше 200 человек советской интеллигенции. Ещё до захвата города Полоцка немецко-фашистские бандиты имели заранее подготовленные планы по уничтожению представителей советской интеллигенции. Тотчас же после занятия города Полоцка начались массовые аресты и расстрелы. Гестаповцы арестовали и расстреляли депутата Витебского областного Совета депутатов трудящихся агронома Матюшкова Дмитрия, врачей Фальковскую Анну, Шалаева, Савицкую, Поликарпова, Плискунова, Кресик и других, учителей Цемахову Геню Исааковну, Зингер Софью Наумовну, Пирогова Дмитрия, Миндалева Георгия и многих др. Расследованием установлено, что немцы замучили и убили в Полоцке свыше 200 человек советской интеллигенции».

Из сборника «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941-1944»

Беспалова Юлия Михайловна продолжает свой рассказ: «Папа спасся чудом. Когда в конце июня 1941 года мирные жители и войска отступали, он, его родители, младший брат и сестра ушли вместе. Они прошли уже более 50 километров, когда папа попросился у своего отца пойти вместе со своими школьными товарищами и получил разрешение. Отец договорился с ним о месте встречи

в городе Ленинграде, где жил его старший сын. Больше о своих родных мой отец ничего не знает. Почему и как они снова оказались в Полоцке, где и погибли, — всю жизнь задавал себе он эти вопросы. Мы думаем, что, видимо, их вернули фашисты.

Папины братья: старший Анатолий погиб на Волховском фронте в мае 1942 года (его фамилия есть на обелиске братской могилы по дороге на Волхов), средний брат Саул пропал без вести под Сталинградом также в 1942 году. О нём папа много раз делал запросы, но так ничего и не известно.

О том, что случилось с папиными родителями, — плотником, строившим мост через Двину, Наумом Савельевичем Зингером и портнихой Тамарой Нафтольевной Зингер, а также его младшим братом, учеником сталинской школы Григорием Зингером, мы ничего не знаем.

Папа был в Полоцке несколько раз. Первый — в 1944 году, когда Полоцк только освободили, опрашивал соседей, которые рассказали ему, что его маму видели в гетто, а младшего брата сначала прятала соседка-белоруска, а потом испугалась немцев и отказалась его прятать».

...В первые послевоенные годы в Полоцке жили около 3000 евреев. Однако в 1950-1960-е годы (в особенности после упразднения Полоцкой области в 1954 году) многие из них переехали в Витебск, Минск и Ленинград. В 1970 году численность еврейского населения Полоцка составляла 550 человек, в 1986 году — около 1000 человек.

Сущины после войны стремились вернуться в родной Полоцк. Первыми приехали мама и сёстры, Моисей демобилизовался в 1947 году. Жить было негде, обосновались в полуразрушенном доме, недалеко от их прежнего места жительства. Разбирали завалы, радовались каждому построенному в городе дому, встречали возвращающиеся семьи, и всё ждали вестей от старших сыновей. Вдруг

кто-то расскажет о них. Но шли годы, и надежд оставалось всё меньше, хотя мама до последнего дня не хотела верить в гибель своих детей.

Моисей, вернувшись из армии, пошёл работать в финансовый отдел Полоцкого горисполкома и проработал на одном месте до выхода на пенсию в 1983 году.

Вспоминает Фрида Абрамовна Лившиц:

«У нас дома мацу пекли после войны. Собирались соседи, родственники — делали подряд. Сёстры папины пекли, братья не участвовали — были коммунисты. Потом к соседям Калмановичам переместились и пекли мацу там. У нас была русская печь. Сдвигали столы, клали на них фанеру. Печку чистили. Маца круглая получалась. На продажу не пекли. Власти нас не трогали, хотя, думаю, знали, что у нас пекли мацу.

Дома Песах отмечали. Для Песаха была посуда отдельная, доставали её только к празднику. Мама готовила из мацы кнейдлах или в курином бульоне, или тушёным. Была рыба фаршированная. Много чего мама делала. Отмечали дома все еврейские праздники. Я на Пурим носила соседям шалохмонес — сладкие угощения.

Теперь уже не придерживаюсь традиций, но с детства всё помню».

Вспоминает Борис (Бенче) Израильевич Бимбад:

«В Полоцк из эвакуации мы вернулись в 1946 году. Отец и я. Брат Иче умер в Казани. Воспаление уха, операция, заражение крови.

После войны от нашего дома ничего не осталось. Сначала отец построил временку, потом — дом.

Отец купил коня и работал возчиком. Из его слов помню хорошо: “Гобер ун корн” — овёс и жито.

Умер в 1985 году в 90 лет. Я пошёл работать в РСУ и 55 лет отработал в строительстве.

После войны, до работы, я ходил в молитвенный дом к Перлину. Он жил на Лепельской улице, сейчас улица имени 23 гвардейцев. Всегда был миньян — 10 мужчин. Тора у нас была. Старые евреи собирались. Шойхет из Вильнюса приезжал. Резал кур на праздники. Платили ему.

Власти гоняли верующих, и люди расходились, чтобы не навредить своим детям, внукам. А через некоторое время опять приходили молиться. У Перлина собирались до 1984 года. Сейчас этот дом снесли. В городе ещё были миньяны».

Вспоминает Ева Михайловна Давидовская (Хейфец):

«Евреи ходили молиться в Громы, на улицу Суворова, пять лет там собирались в домах у Орлиевского, Сони Гилевич, у Остановского. Милиция приходила, гоняла их. Евреи стали собирать деньги, кассир был, и купили частный дом. Он находился там, где сейчас Центральный магазин. Записали дом на Сайю Мутица. У него жена умерла ещё в 1939 году, дочка жила в Ленинграде. В доме хранился Свиток Торы, который привезли из Ленинграда. Когда этот дом снесли, Сайе дали двухкомнатную квартиру по улице Гоголя, 14. Миньян стал тайно собираться там. Только эта тайна не была никакой тайной, и многие об этом знали.

Я училась в Калининграде и вернулась в Полоцк в 1962 году. Иногда доходило до анекдотов. Не хватает для миньяна десятого человека, а у меня муж был Коля — русский, они его брали.

Сайя Мутиц умер. Старики умирали: Орлиевский Арон, Лейзер Остановский, Топаз, Бимбад, Хейфец, Перлин. Мой отец ещё ходил с мамой на молитвы. Отец уже был слепой, мама его водила.

Отец умер в 1979 году, мама — в 1981 году.

Миньян, собиравшийся на улице Гоголя, распался в 80-х

годах. До начала 90-х не было еврейских религиозных организаций. Потом образовалась община прогрессивного иудаизма, а в 2001 году зарегистрировали ортодоксальную общину. Мы собирались в Громах, в доме моей тёти Маркович Мани, и там молились, улица Суворова, 17. Большой дом, мы отремонтировали его. Потом стали реже собираться. Далеко добираться. Те, кто помоложе был, собирались на молитву в доме на ул. Кульнева.

До начала 80-х годов в частном доме по улице Пролетарской (ныне Скорины) тоже собирался миньян. В его состав входили уважаемые евреи города: Арон Свердлов, Мендель Осиновский, Сайя Майстер, Берл Хейфец, Файва Смушкин и другие».

Рассказывает Мира Израилевна Зусман:

«Когда началась война, добрались мы из Полоцка до Саратова. Сложностей было много, но они были у всех. Папа через какое-то время догнал нас. Саратов стоит на Волге, на той стороне было немецкое Поволжье — город Энгельс. В Энгельсе делали танки, и папу забрали туда, он всю войну отработал на танковом заводе. Нас направили в Дурасовский район Саратовской области.

Местные жители думали, что евреи — это черти с рогами. Они боялись нас. Когда мы должны были приехать, лежали за рельсами и оттуда выглядывали, кто выходит из вагонов, а когда увидели, что вышли нормальные люди, такие же, как и они, подошли к нам и стали говорить: “Ой, вы же нормальные люди, такие же, как и мы, а мы всегда своих детей пугали, что евреи — это черти с рогами”.

Мама пошла на работу. Правда, работала недолго. Фактически она не знала русский язык. Папа знал и белорусский, и русский, а мама была из Латвии, знала латышский, немецкий, идиш, а русский не знала.

Она была очень добрая и быстро ко всему привыкла.

Уже в следующие годы посеяли огород. Картошка там не росла, росла пшеница.

В 42-м году, когда немцы приближались к Волге, я по линии райкома комсомола была отправлена рыть окопы. Ночью оттуда возвращаться было не так страшно, потому что шли все вместе через лес. Приходила домой, ложилась спать. Мама старалась печку вытопить, чтобы дома было тепло.

А утром, часов же не было, а не дай Бог опоздаешь на эти окопы, тогда тебе могли что хочешь приписать. Мама щупала печь, если печка уже остыла, говорила: "Быстрее, Мира, поднимайся и надо бежать". Кушать нечего было. Очисток уже не было, потому что картошку съедали целиком.

На окопах я работала, пока от Сталинграда не отогнали немцев.

От брата долго не было писем. Папа как-то шёл по Энгельсу. Его догнала какая-то женщина и говорит: "Вы не переживайте, Ваш сын живой. Он придёт".

В Дурасове я жила до 1946 года. Работала при психбольнице шесть месяцев кассиром-счетоводом. Потом поехала в Саратов сдавать отчёт, а там одна женщина говорит: "Что ты сидишь в этой Дурасовке, сейчас у нас в Саратове можно пойти учиться в медицинское училище — двухгодичное, на отделение лаборанток". Подала документы и вернулась домой. Забыла про это. 26 августа 1946 года меня вызвали.

Я была послана уполномоченной по линии райкома комсомола на проведение посевной. Жила у хозяйки. Ездил вместе с трактористкой. Вспахивали землю, сеяли. И вдруг к нам мальчишка приехал на лошади. Ещё был мужчина, уполномоченный по линии райкома партии.

Этот мальчишка нам сказал: "Немедленно одевайтесь, и поехали в район". Пришла домой. Одеть, обуть нечего. Хозяйка открыла сундук, вынула новые валенки, на них одела галоши, дала мне и вынула из сундука овчинный кожан. Я надела и поехала, и мужчина поехал тоже. Приезжаем, нам говорят: "Возвращайтесь скорее домой и скажите, что День Победы наступил". Все плакали, обнимались, целовались.

Я закончила медицинское училище, мне два года надо было отработать в Екатериновском районе Саратовской области. Там был зерносовхоз "Индустриальный". Больница на 25 коек.

Я приехала туда, мне дали место в комнате на первом этаже, комната была на четверых. Чтобы пройти в мою комнату, надо было идти мимо морга. А молодёжи собираться негде было, и они собирались у меня. Приходили, разговаривали, а когда уходили, говорили: "Мира, иди закрывай за нами дверь". Я закрывала дверь палкой. А потом они подходили к моему окну и кричали: "Мира, ты живая?" "Живая. Куда я денусь?" Не боялась ничего.

Папа всё время говорил, что хочет умереть на родине. Ко мне приехал брат, он был военный, пошёл к нашему главврачу, поговорить с ним: "Отпустите мою сестру пораньше". Тот согласился. А перед этим брат поехал в Полоцк. Тут у меня жили две тётки в кадетском корпусе, мамина сестра с дочкой и папиного брата жена с двумя детьми. У них была комнатка, и все стали там жить вместе.

Папа с мамой ещё оставались в России. Я им сообщила, что в Белоруссии лучше, чем в России. Приехала в 50-м году, уже карточек не было. Можно было купить сгущённое молоко в банках, консервы, крабы. Не главное, конечно, в еде, но всё же показатель.

Моя тётя работала главным бухгалтером в Полоцке в здравоохранении. Я пришла, она мне сразу говорит: "Завтра можешь выходить на работу в малярийную станцию".

Малярия косила тогда всех. В деревню зайдёшь брать анализы, если один болен, значит, всех в деревне била лихорадка. Было что-то страшное. А потом узнали, что малярийный комар является разносчиком малярии, и тогда стали осушать болота. В 53-м году исчезла малярия. Ни в одной деревне малярии уже не было.

Приехали родители, в бараках им дали комнату. В основном все жили тогда в бараках.

Папа работал жестянщиком, в 1954 году он умер. В Полоцке похоронен на Красном кладбище. Мама жила со мной. Я отработала в санстанции в общей сложности 37 лет. В 42 года вышла замуж за вдовца. У меня нет детей. Так сложилось. Я вырастила подчерицу».

По-разному сложилась жизнь людей в страшные годы оккупации.

Сентябрь 2019 года. Беседую с полочанкой Ириной Михайловной Фесенко.

«Всю жизнь в Полоцке, — рассказывает она. — Родилась здесь. Когда вернулись из концлагеря, тоже здесь жили, дом был разрушен, дед починил его, плотником был. Отец у меня еврей, Мойша Фроимович Мирошник, он с 1917 года. Мама белоруска, полоцкая, Татьяна Никифоровна Дмитриева. Отец из Украины. Но перед войной они уже жили в Полоцке. Отец работал жестянщиком. Крыши железные делал. Он служил, как только демобилизовался, началась война, и его опять — на фронт.

Я с 38-го года. Сидела на коленях у отца и смотрела альбом. Были фотографии, и тонкая папиросная бумага. Я помню хорошо, он обнимал и целовал, видимо, прощался

со мной. Потом он ушёл, и я больше не видела его. Он не вернулся с войны.

Когда началась война, всех молодых погнали в комендатуру. Работали там: посуду мыли, бельё стирали. Мать там работала тоже. А потом нас увезли в Прибалтику, в Шауляй. Станция Попеляны. Соседи знали, что у меня отец еврей. Но никто не выдал. Попали в концлагерь. Помню, бараки, нары, собаки...

Нас выкупили хозяева Антось и Агнешка, они были бездетные. Я маленькая была, научилась говорить по-литовски. Они из-за деда нас взяли. Он был хороший мастер.

Когда нас освободили, хозяева меня украли, в какую-то будку посадили, чтобы я осталась у них. Помню, там были какие-то пахучие снопы. Заперли меня. Только маленькое-маленькое окошечко было. А мама бегала, искала, кричала. Я слышала голос её. Но не могла до окошка дотянуться. Я кулачками лупила, потом что-то железное нашла в углу, стала бить по стеклу и разбила его. Стала вылезать, обрезалась вся. Меня красноармейцы перевязывали. Литовцы ругались, что меня нашли.

В Полоцк вернулись в мае 1945 года. Нас красноармейцы на повозках привезли.

Мама до войны была телеграфисткой. Потому что мы были в концлагере, её на работу не брали. Устроилась уборщицей. Я окончила вечернюю школу и поступила в медицинское училище. У меня трое детей, пять внуков и две правнучки».

Беседую с Евгенией Игнатьевной Циндель в её новополоцкой квартире:

«Когда построили Новополоцк, открыли службу быта, меня перевели в Новополоцк из Полоцка. Родилась в Полоцке в 1938 году на улице Громовская, 11. Винзавод

рядом с моей улицей. А потом эту улицу переименовали в Кондратенко. Отец у меня русский, мать — еврейка.

Отца звали Игнат Маркович Решёткин. Водяная электростанция была в Полоцке, и он работал там конюхом.

Маму звали Фаина Фоминична.

Я помню, как прилетели немецкие самолёты и сбрасывали листовки. Мы, дети, бегали, собирали их. Потом начали бомбить, и бомба попала в наш огород. Отец и мать нас с братом Сашей схватили — и в землянку.

Когда оккупировали Полоцк, немцы жили в нашем доме, а нас выгнали на улицу.

Почти полтора года семья скиталась, жила то у одних родственников, то у других. Ходили по окрестным деревням, меняли оставшиеся вещи на хлеб, крупу.

Соседи знали, кто наша мама. Но не выдали.

Нас угнали в Германию в 1943 году. Оказались в деревне Обергут, район Фотенбурга.

Слабых детей куда-то отвозили, и больше мы их не видели. А тех, кто был покрепче, оставляли. У меня с братом брали кровь для немецких солдат. После сдачи крови брат клал меня на плечо и относил в барак.

Но это продолжалось недолго. Потом пришла немецкая семья и увидели, что наш отец работающий человек, про маму они не знали, что она еврейка, и забрали нас к себе. Мы там работали и жили. Нас с братом всё равно забирали в лагерь и брали у нас кровь. Кровь возьмут, а завтра заставляли идти на поле и собирать камни. У этой семьи не было детей. Кормили нас плохо. Я если не могла работать, меня били. После наказания на камни меня не посылали, а заставляли брикет носить.

Концлагерь освободили американцы. Нас погрузили в вагоны. Ехали долго, больше месяца, приехали опять в Полоцк на вокзал.

Это было 21 сентября 1945 года. Пришли в свой дом. В нём жили чужие люди — китайская семья. Этот китаец у нас на рынке много лет торговал, делал игрушки, веера, фонарики. Он нас пустил жить, но сказал, что это его дом. Потом мы через суд доказали, что это наш дом».

Такая семейная история Евгении Игнатьевны Циндель. Остаётся добавить, что её муж, Леонид Львович Циндель, был военным музыкантом, служил в Полоцке. Они прожили вместе сорок лет. Евгения Игнатьевна работала заведующей бюро бытовых услуг в Новополоцке. Одна дочь сейчас живёт в Москве, другая рядом — в Полоцке. Уже взрослые внуки, у них свои семьи.

В 50-е — 80-е годы в Полоцке жила достаточно большая прослойка еврейской интеллигенции. Они старались нигде не афишировать своё происхождение (хотя и так, чаще всего из имён, отчеств и фамилий, всё было ясно). Дома детям, внукам рассказывали о своих родителях, о дедушках и бабушках, о еврейских настроениях в их домах, правда, тут же предупреждали, никому об этом не говорить. Слушали «враждебные голоса», обсуждали с людьми, которым доверяли, ситуацию в Израиле, особенно после шестидневной войны, в газетах красным карандашом подчёркивали еврейские фамилии в списках лауреатов Ленинской премии. И это доставляло им особую гордость.

Евреи работали юристами. Адвокат Фейгин... Адвокат Гроер Самуил Борисович... Про них и сегодня рассказывают, как про людей, знавших своё дело. Деминко Семён Абрамович... Об остальных в памяти сохранились только фамилии: Тарлер, Конюхов...

Было немало толковых инженеров-евреев.

Работали в учреждениях культуры, музеях, библиотеках... Следует сказать хорошие слова о Рудовой Татьяне Давыдовне. Она была заведующей отделом культуры

Полоцкого горисполкома, а с 1985 года стала директором основанного тогда Полоцкого историко-культурного музея-заповедника, куда входили все музеи города. И находилась на этой должности до 1994 года.

Татьяна Давыдовна очень много сделала для Полоцка — это реставрация Софии и размещение там органа, реставрация Крестовоздвиженского собора, Теплой церкви Спасского монастыря, Богоявленской церкви, Братской школы и размещение там Музея книгопечатания и Музея Симеона Полоцкого, создание Музея ткачества Поозерья и многое другое.

Хотелось бы рассказать подробнее о полочанах, посвятивших свою жизнь педагогической деятельности, но данных у нас об этом пока слишком мало, и мы надеемся на помощь наших читателей.

...Заслуженная учительница БССР Тайманова Хая Давыдовна.

...Заслуженная учительница БССР Аронсон Берта Александровна.

Педагоги Марголина Блюма Борисовна, Белинсон Абрам Моисеевич, Герцикович Абрам Залманович, Регельман, Фридман Алта Ефимовна, Музыкант Яков Аркадьевич.

Без людей с «пятым пунктом» невозможно было представить здравоохранение города.

В полоцкой газете «Сцяг камунізму» (27 октября 1957 года) была опубликована статья «Бальніца за 40 год» главврача полоцкой больницы имени Ленина, награждённого за свой труд орденом Ленина Магаршака Вениамина Соломоновича.

Рассказывая о полоцкой медицине, сошлёмся на эту статью: «Советская система здравоохранения в городе стала организовываться только с 1919 года. По архивным данным с 1919 по 1922 год больница имела 80 стационар-

ных коек. Вся работа органов здравоохранения главным образом направлялась на борьбу со свирепствовавшими тогда эпидемиями. Штат больницы — 8 врачей, 3 фельдшера и 15 сестёр.

С 1922 года появляется 10 мест родильного отделения, с этого же времени открываются городская и сельские амбулатории для бесплатной медпомощи населению города и села. В штате больницы 12 врачей, 2 фельдшера, 4 акушерки, около 20 сестёр, в амбулатории — 5 врачей и 6 сестёр.

За десятилетие до войны больница стала неузнаваемой. Она имела отделения терапевтическое, хирургическое, гинекологическое, родильное, глазное и ушное, детское, туберкулёзное, инфекционное, кожно-венерическое, отдельные места для больных трахомой и грибковыми заболеваниями кожи головы. Мест — 350. Рентгенкабинет. Лаборатория для клинических анализов. 25 врачей всех специальностей, 8 акушерок и около 40 медсестёр. Построена поликлиника с кабинетами для всех специальностей.

Война... На месте родильного и инфекционного корпусов остались только коробки. Поликлиника разбита. Всё пришлось восстанавливать.

В 1957 году — больница на 400 мест и тубдиспансер на 80 мест. В городе 4 рентгенкабинета, кабинет глубокой рентгентерапии, 2 диагностические клиники, 1 биохимическая лаборатория.

Штат медработников по больничному объединению — 92 врача, 232 — среднего медперсонала.

Более сорока лет я работаю врачом...»

В 1915 году Вениамин Соломонович Магаршак окончил Кёнигсбергский медицинский институт и был направлен на работу в Витебскую губернию. В 1924 году поступил на работу в Полоцкую больницу акушером-гинекологом. В больнице сразу снискал высокий авторитет не только как

высокоодарённый специалист, но и проявив незаурядные административные способности. В 1925 году становится главным врачом больницы. При нём появляются новые клинические отделения, лаборатория, рентгеновский кабинет, а затем большое физиотерапевтическое отделение. За медицинскую службу награждён орденами Ленина, «Знак Почёта», получает множество медалей, грамот.

Во время Великой Отечественной войны был ранен, получил 1-ю группу инвалидности, но, несмотря на это, вернувшись в Полоцк, продолжил работу в больнице. Умер и похоронен в Полоцке на Красном кладбище. Эпитафия на памятнике: «Старейший врач БССР».

Во второй половине 1986-го или первой половине 1987 г. работники Полоцкого краеведческого музея собирали материалы о врачах, учителях, работниках культуры.

Люди делились воспоминаниями о Вениамине Соломоновиче Магаршаке. Когда он шёл на работу или домой (больница была на Вернем Замке), его всё время останавливали жители города и просили консультацию. Он никогда не отказывал. Одна из женщин рассказала, что он всегда относился спокойно к просьбам и даже отвечал с юмором. Например, когда его просили посмотреть горло, он отвечал: «Вообще-то я привык смотреть другие части тела (он — врач-акушер-гинеколог), но посмотрю и эту».

В медицине Полоцка в довоенные и первые послевоенные годы работало много евреев.

В 1928 году в больнице открывается глазное отделение, в которое получил назначение врачом и заведующим Гуревич Михаил Борисович, уроженец Полоцкого района, окончивший Ленинградский медицинский институт. Он был высококласным профессионалом, делал уникальные глазные операции. С начала Великой Отечественной войны был назначен начальником военного передвижно-

го госпиталя. В нём он продолжал работать и во время войны с Японией, имел награды за боевые заслуги, но когда вернулся в Полоцк вместе с семьёй, дом, в котором они жили, был разрушен, в больнице не было глазного отделения, и он был вынужден уехать в г. Даугавпилс, где продолжал работать, пользовался большим уважением, получил звание Заслуженного врача Латвии. В 1972 году умер и похоронен в г. Риге.

В 1925 году в больнице открывается кожно-венерологическое отделение. В нём успешно работал доктор Марголин Ефрем Рувимович, имевший высокий профессиональный уровень и широкую известность в области.

В 1934 году в детское отделение больницы была направлена Минздравом Белоруссии Лейкина Ида Моисеевна, которая училась в Петербургском и Харьковском медицинских институтах. В Полоцк приехала с семьёй. Очень быстро заслужила любовь и авторитет среди коллег, а также маленьких пациентов и их родителей. В начале Великой Отечественной войны эвакуирована в Куйбышевскую область, где продолжала работу по специальности. В 1944 году вновь переведена в Полоцк на должность заведующей отделением, с 1953 года — главный педиатр Витебского облздравотдела. После ухода на пенсию в 1963 году (в связи с тяжёлой болезнью) вновь работает педиатром в школе-интернате по 1972 год. Награждена орденом «Знак Почёта», медалями, получала многочисленные благодарности и грамоты. Умерла в 1980 году и похоронена на Красном кладбище.

*Е.Б. Боравская, Б.В. Боравский (Москва).
Краткие очерки о довоенной Полоцкой медицине. Материалы научной историко-краеведческой конференции (к 75-летию Полоцкого краеведческого музея 18-19 мая 2001 г., Полоцк. С. 8-13)*

Время многое стирает из нашей памяти. Но, несмотря на прошедшие годы, полочане с большой благодарностью вспоминают людей, которых между собой называли «врачами от Бога».

Леках Наум Семёнович — родился в посёлке Дисна, до войны работал там же главврачом. Потом перебрался в соседний город Глубокое. Попал в гетто, после побега оттуда был хирургом в Полоцко-Лепельской партизанской зоне, лечил больных детей из детского дома после их спасения во время операции «Звёздочка». После войны перебрался в Полоцк. Тогда это был не только областной, но и медицинский центр, куда приезжали за помощью люди из всех западных районов севера Белоруссии. Работал хирургом, урологом. По воспоминаниям полоцких старожилов, даже сам составлял рецепты. Тогда это было не только важно, но и необходимо из-за недостатка лекарств в аптеках. В 50-70-е гг. более 25 лет возглавлял Наум Семёнович Леках станцию переливания крови. Заслуженный врач БССР. Умер в Израиле.

Его жена, Леках Элеонора Генриховна, акушер-гинеколог, в 60-70-е гг. возглавляла женскую консультацию, преподавала в медучилище.

Кристал Исаак Яковлевич закончил медицинский институт в 1931 году, участник Великой Отечественной войны. Работал заведующим хирургическим отделением Полоцкой городской больницы в 60-70-е годы. Про него говорили: «Врач, который видит руками». По воспоминаниям полоцких старожилов, мог поставить диагностику с помощью рук. Одно из воспоминаний: «В 70-е годы мама отвела меня на осмотр к Кристалу. Она работала в больнице на Верхнем Замке. Я жаловался на поджелудочную. Кристал рукой прощупал эту железу и сказал: «Успокойся, всё нормально. Я вижу руками». И правда, мне стало лучше. Видимо, я сам себе накручи-

вал плохие мысли. Как жаль, что такие люди уходят от нас. Светлая ему память».

Интересный факт из его биографии приводит Брудолей Галина Григорьевна. Он был хорошим хирургом, но отказывался оперировать пленных немцев, так как вся его семья погибла.

«Разделённые войной. Дети войны вспоминают» (Могилёв. В 2 кн. Кн. 2 / Сост.: И. Шендерович, А. Литин. С. 28

Трифсик Гарри Борисович, врач-терапевт. В период с 1980 по 1996 год занимал должность заместителя главного врача по медицинской части, а также по стационарной и поликлинической работе. С 1996 по 2000 год — заведующий лабораторией СПИД, а с 2000 по 2022 год — заведующий Полоцкой станцией переливания крови. Награждён Почётными грамотами управления здравоохранения Витебского облисполкома. Звание Почётного гражданина города Полоцка ему присвоено в 2021 году. Его отец преподавал в Полоцком медучилище.

Было бы неправильно говорить о врачах-евреях, которые работали в послереволюционные годы в полоцкой медицине и не вспоминать других врачей, которые были самыми заметными личностями того времени. Эти врачи не только работали рядом, но и учились друг у друга, даже в солидном возрасте.

«Боравский Борис Анатольевич. В 1922 году назначается в Полоцк заведующим терапевтическим отделением больницы, а в последующем работал и в поликлинике, был областным терапевтом, врачом-консультантом. Заслуженный врач БССР, награждён двумя орденами Ленина, автор книги "Медицина в литературе и искусстве".

Хирург доктор Мышкин Михаил Павлович... Хирург док-

тор Матешук... Заведовать хирургическим отделением в Полоцкую больницу приглашается доктор Дунье Михаил Владимирович, окончивший Дерптский университет».

*Е.Б. Боравская, Б.В. Боравский (Москва).
Краткие очерки о довоенной Полоцкой медицине. Материалы научной историко-краеведческой конференции (к 75-летию Полоцкого краеведческого музея. 18-19 мая 2001 г., Полоцк. С. 8-13).*

Судя по эмблемам на надгробных памятниках на Красном кладбище, к медицине имели отношение Рубинчик Роман Давидович, Рубинчик Галина Геселевна, Левина Сарра Рувимовна...

К сожалению, пока нет фамилий и имён других врачей, которые, безусловно, заслуживают того, чтобы о них рассказали. Мы надеемся, что наши читатели продолжат этот ряд.

...Есть люди, которые сразу располагают к себе. Хочется с ними снова встречаться, беседовать. К таким людям относился Илья Максович Туник. Тогда ему было 77 лет (1932 г.р.). Всю жизнь проработал врачом-невропатологом: и возраст, и профессия накладывали отпечаток. В ответах был нетороплив, взвешивал каждое слово. Он из семьи врачей и для себя выбрал эту професисию. Отец, Макс Абрамович, был Заслуженным врачом БССР, звание ему присвоили в 1941 году. Главврач больницы в Дриссе (Верхнедвинск). Мама — управляющая аптекой там же.

«Когда немцы подошли к Дриссе, — рассказал мне Илья Максович, — отец вместе с другими руководителями учреждений пешком ушёл из города, нужно было прийти в ближайший военкомат. Добрался отец до Витебска. Там уже не было заведующего облздравотделом. Отца назначили временно исполняющим обязанности заведующего.

Выдали мандат, подписанный председателем облисполкома, дали пистолет с правом распоряжаться по законам военного времени.

Ночью, перед сдачей Витебска, отец был в облисполкоме. В подвале здания проводили заседание. Уставший, он уснул прямо за столом. Когда проснулся, рядом никого не было. Отец добрался до облаптекоуправления. Управляющим был Сидур. Отец его спросил: «Что ты сидишь? Вот-вот войдут в город немцы». А тот: «Не могу уйти. У меня на миллионы рублей лекарств». «Я тебе приказываю», — сказал отец. «Пиши письменный приказ, — ответил Сидур, — тогда исполню». У Сидура была служебная машина, и они успели уехать.

В годы войны отец был начальником отдельной роты медицинского усиления. Воевал на Центральном, Брянском, 2-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах. Войну закончил в Польше в чине майора медицинской службы. Командующий фронтом маршал Рокоссовский предлагал ему остаться служить в Северной группе войск и звание подполковника. Но отец отказался и вернулся в Верхнедвинск (Дриссу). Снова работал главврачом больницы. К военным наградам добавились два ордена «Знак Почёта».

По семейной традиции и по своему желанию, Илья Тунник поступил учиться в Витебский медицинский институт. После учёбы заведовал Бигосовской участковой больницей. В этой семье «тёплые» места никто себе не искал.

Медицине служили другие родственники Ильи Макавича. Его племянник Яков Сосновик много лет работал заведующим травматологическим отделением Новополоцкой горбольницы, неоднократно избирался в городской Совет, его ценили как специалиста в соседних районах. Яков вырастил двух сыновей, Льва и Бориса, — они тоже врачи-травматологи, работали в Новополоцкой больнице, продолжали дело отца.

Уже в возрасте Илья Туник перебрался в Полоцк. В его семье жила и мама. В городе уважали этих людей, прислушивались к их мнению.

В 2026 году, когда работа над книгой приближалась к завершению, я несколько раз приезжал в Полоцк. Интересовался судьбой людей, у которых когда-то брал интервью. Они уже и тогда были людьми далеко не первой молодости. К сожалению, большинство из них ко времени моих поездок ушло в мир иной. Они похоронены на разных полоцких кладбищах. Часть — на еврейском участке Красного кладбища.

Я заинтересовался историей полоцких еврейских кладбищ. Тема мало разработанная.

Сохранившиеся кладбища или даже упоминания о них помогают восстановить хронологию исторических событий.

Первое упоминание касается захоронения евреев, принявших смерть во времена Ивана Грозного в 1563 году, пытавшегося обратить их в христианскую веру. Впоследствии эти мученики за веру высоко почитались в еврейском народе. Примечательно, что вплоть до начала XX века в память об этом трагическом событии члены погребального братства в Полоцке ежегодно постились и устраивали богослужение на древнем кладбище, возле деревни Солоники, где были похоронены невинно убиенные.

К сожалению, все мои попытки найти место, где находилось это кладбище, оказались безрезультативными.

На научно-практической конференции по итогам исследовательской работы в 1997 году с докладом выступала Жанна Посадская. Она разрабатывала тему истории полоцких кладбищ.

«В XVI — XX веках на территории современного Полоцка было 15 кладбищ, не считая монастырских.

Еврейские кладбища в районе Покровской церкви и на

берегу реки Бельчицы могли существовать уже в XV веке.

Следы еврейского кладбища в районе Покровской церкви сохранялись ещё в 20-е годы XX века.

К 1-й половине XVIII века можно отнести возникновение еврейских кладбищ по современной улице Ленинградской, так как на плане города последней четверти XVIII века оно уже существует. После 1945 года было ликвидировано еврейское кладбище по улице Ленинградской и на берегу р. Бельчица».

Материалы научно-практической конференции. Полоцк, 1998. Полоцкий историко-культурный музей-заповедник. С. 60-69

«Еврейские кладбища... Было их два. Одно за железной дорогой и ленинградским переездом. Тут сейчас на бывшей территории кладбища стадион спортивного общества «Локомотив». На кладбище была роща, и, если судить по деревьям, это одно из старейших еврейских кладбищ. На нём было много захоронений богатых евреев, что было видно по богатым каменным памятникам. Тут были похоронены евреи-революционеры, которые погибли в октябре 1905 года. Хоронили их гражданским образом с проведением митинга. Немецкие фашисты вырубili рощу и разрушили все памятники и надгробья. И когда в 50-е годы встал вопрос о строительстве нового городского стадиона, потому что тот, что был на берегу Двины, напротив Пресмушек, попал в зону строительства завода стекловолокна, решено было использовать территорию кладбища и соседние незанятые земли для строительства стадиона. Строил его весь город и ряд предприятий, особенно службы железной дороги, поэтому стадион передали спортивному обществу «Локомотив».

На этой территории ещё сохранялась часть могильных памятников, но во второй половине 1970 года, когда здесь проложили теплотрассу, все памятники были уничтожены.

Второе еврейское кладбище было на Задвинье, теперь через него проходит насыпь моста через Двину по улице Юбилейной. Часть захоронений в начале 30-х годов пошла под насыпь, а часть оставалась нетронутой, и сейчас ещё сохранились несколько захоронений с оградами. На этом кладбище хоронили своих родственников беднейшие евреи. Тут в октябре 1905 года были похоронены жертвы погрома, потому что ими были небогатые и бедные евреи. Богатеи все уцелели, потому что сумели спрятаться, естественно, не задаром, или уехали в другие города и местечки, где было спокойно».

Дейнис И.П. «Полацкая даўніна». Минск, «Медисонт», 2007. С. 161

Переехав мост через Западную Двину и свернув к автостанке, я оказался на территории бывшего еврейского кладбища. Спросил про него у двух молодых людей, ремонтировавших машину, и они ответили: «Здесь оно было. Мы на нём стоим. Строители здесь прокладывают теплотрассу». Подошёл к строителям с теми же вопросами. «За теплопунктом остались ещё два памятника», — ответили строители. Кладбище, судя по всему, занимало немалую территорию. За теплопунктом среди остатков труб, арматуры, рядом со строительной техникой приютились два надгробных памятника из серого бетона, стоящие в оградах и доживающих свои последние дни.

На одном из памятников табличка из стали и на ней нанесены имена и фамилии:

«Трифсик Ф.Г.,

Трифсик Г.М.,

Трифсик М.Г.»

«Вечная Память

Дорогим родителям и брату,

трагически погибшим в 1941 году».

Судя по всему, памятник стоит не на месте упокоения людей. Здесь не было расстрелов, хотя гарантировать это невозможно. Этот памятник — символ памяти. Может, поэтому его до сих и не снесли.

Второй памятник тоже в ограде, но без таблички, без имен и фамилий.

Вот и всё что осталось от старинного и большого кладбища. Время уносит, сносит, закапывает...

В конце XVIII века за городской чертой к востоку от города были заложены православное и лютеранское кладбище в непосредственном соседстве друг от друга. В определённый момент (очевидно, уже в советское время, оба кладбища были объединены под названием «Красное».

Оно находится на пересечении улиц Гагарина и Суворова. В 30-е годы Красное кладбище становится главным городским кладбищем. Когда здесь стали хоронить евреев, выяснить не удалось. Самым старым еврейским захоронением на Красном кладбище является могила Штейнцайга Хаима Залмановича. Мацевы не сохранилось, так же, как и не сохранились другие старые мацевы. И даты погребения узнать невозможно. Из довоенных захоронений сохранилась мацева на могиле Цемахова Бориса Абрамовича, умершего в 1937 году. Надпись на двух языках: еврейском и русском. На целом ряде мацев начала пятидесятых годов надписи также на двух языках.

Одна из мацев, безусловно, старая, из чёрного гранита. Сохранилась только её нижняя часть «Единственному горячо любимому сыну от безутешных родителей». Верхнюю часть памятника кто-то снял и унёс (нередкий случай на кладбищах).

Читаю эпитафии... «Мастер спорта СССР Гимейн Фридрих Миронович. Трагически погиб в 1971 году в снежной лавине в Саянах»...

Ехилевские, Гринблаты, Лившицы, Зингеры, Рыбаковы, Бар, Коганы...

Еврейские захоронения, на мой взгляд, занимают не меньше третьей части Красного кладбища.

Здесь похоронены родственники белорусского поэта и публициста, Заслуженного деятеля культуры Республики Беларусь, Почётного гражданина Полоцка и Новополоцка Наума Гальперовича. Сейчас он живёт в Минске. Но детство и юность прошли в Полоцке.

О Красном кладбище Наум Гальперович пишет в новом романе-эссе «Мой Иерусалим».

«Там, на полоцком Красном кладбище, я впервые услышал Кадиш — еврейскую поминальную молитву, увидел шестиконечную звезду Давида, которая и теперь красуется на бабушкиной могиле. Сегодня рядом — обе бабушки, мама и папа, тётя Вера.

...Следующий раз побывать на Красном кладбище мне довелось, когда хоронили вторую мою бабушку — Фейгериву, отцову маму. На этот раз похоронная процессия была значительно большая, потому что отцовская родня была значительно многочисленней, чем мамина. Бабушка Фейгерива родила за жизнь одиннадцать детей. Двое из них умерли в раннем возрасте, трое сыновей погибли на фронте во время Великой Отечественной войны.

Мой дед-большевик был простым маляром, и на его скромный заработок жила вся семья. Отец рассказывал, что у него с младшим братом были одни ботинки на двоих, и если кто-то задерживался в школе, а они учились в разные смены, второй вовсе не ходил на занятия.

Недавно мой сын отыскал в архиве покаянное письмо моего деда в адрес парткомиссии во время известной партийной чистки, где он, перечисляя свои заслуги перед партией, винился за то, что жена продавала на рынке

папиросы, чтобы было за что кормить семью.

Позже её старшая дочь, моя тётя Эмма, вышла замуж за крупного партийного чиновника и стала помогать семье. А мой отец, когда умер главный кормилец, мой дед Пейсах Гальперович, был вынужден оставить учёбу в Могилёвском строительном техникуме и пойти работать на стройку. Помню, что пока была жива его мать, он каждый месяц носил ей деньги в барак на Пролетарской улице, где она жила с тётей Эммой и её тремя сыновьями.

Тётя Эмма была добрая, любила меня, всегда угощала разными лакомствами, на которые была большая мастерица.

Мою маму похоронили на Красном кладбище в 1981 году. Я в это время работал уже собственным корреспондентом Республиканского радио. У меня подрастали двое детей. Младший, Максим, так и не побывал в бабушкиных объятиях: она сильно болела и последние шесть месяцев была прикована к постели.

Учительница по образованию, она ни одного дня не работала в школе. Сперва выпускница Ленинградского педагогического института имени Герцена оказалась в блокаде. Затем, благодаря своему родному брату Яше, ей удалось по “дороге жизни” через Ладожское озеро попасть на Большую землю, отыскать в эвакуации мать, сестру и племянницу. Работала официанткой в воинской части, а вернувшись в Полоцк, связала свою жизнь со знаменитым “Питомником” — пригородным сельскохозяйственным предприятием, где и работала до выхода на пенсию.

На похоронах было много её сослуживцев. Маму очень любили за скромность, доброту, человеческую мудрость.

— Твоя мама была человеком исключительного ума и скромности, — говорила мне через много лет соседка, совхозный бригадир Вера Егоровна, когда во время одного из моих приездов мы с земляком, писателем Алесем

Савицким, заглянули во двор моего детства.

На этот раз похороны были светскими. Мама была атеисткой. Она, дочь еврейского религиозного учителя-меламеда, терпимо относилась к вере, но испытания, выпавшие на её жизнь как дочери “слуги культа”, вынудили, если не отречься, то хотя бы скрыть свои религиозные чувства. Мама была очень правильным советским человеком. Помню, а мне тогда было уже почти пять лет, как она плакала, когда умер Сталин.

— Яша, какое горе, — говорила она по телефону своему брату-юристу и удивлялась, когда он в ответ высказал всё, что думает о великом отце народов.

Теперь на могильном памятнике красуется её фотоснимок, на котором она такая красивая и милая, и пятиконечная звезда, наверно, единственная в ряду могил со звездой Давида.

Рядом с бабушкой Фейгеривой и моей мамой оказались тётя Эмма, муж моей двоюродной сестры Вова Барабанер и другие родственники, которых я не так хорошо знал.

Осуществилось желание папы: его памятник рядом с маминым. Склоняю голову перед его памятью ещё и потому, что он до последних дней хранил преданную любовь и верность к ней, пронёс эти чувства до своего конца.

А рядом с бабушкой Олей лежит её дочь, моя тётя Вера. Бабушкин памятник со временем почти рассыпался, и мы с сестрой заказали новый, на двоих, и теперь им там удобно и уютно.

Красное кладбище заселено так плотно, что к некоторым памятникам приходится буквально продираться через узкие щели между оградами. Здесь можно проследить всю послевоенную историю города, увидеть много знакомых имён. Здесь лежат и бывшие руководители, и многие знаменитые жители, и простые люди.

А для меня это моя Стена плача — место паломничества и печали».

(Перевод с белорусского на русский язык Олега Ждана-Пушкина).

В 1993 году в Полоцке после семидесятилетнего перерыва была возобновлена легальная деятельность еврейских организаций. Во Дворце культуры завода «Стекловолокно» состоялось организационное собрание. Я присутствовал на нём как корреспондент республиканской еврейской газеты «Авив». Зал был полон. Такие аншлаги собирали звёзды эстрады. Одни пришли с энтузиазмом и желанием участвовать в работе, другие — с любопытством (увидеть, кто кроме них, ещё придёт), третьи — со страхом (ничего за это не будет?). Первым председателем избрали Филиппа Завта, военного дирижёра, коренного одессита, для которого Полоцк на долгие годы стал второй родиной. Филипп очень деятельный человек, который всегда меня чем-то удивлял.

Однажды зимой в Минске в гостинице я, проснувшись утром, не застал его в комнате. Выглянув в окно, увидел, что Филипп плавает в проруби в Свислочи. Он был моржом с большим стажем. Однажды в Иерусалиме, я был вместе с ним в этой поездке, где зимой было всего лишь плюс десять по Цельсию, Филипп плавал в фонтане. А все проезжавшие мимо него автомобилисты сигналили ему. Представляете, какой гул стоял.

Филипп Завт создал в Полоцке уникальный музыкальный коллектив «Блуждающие звёзды». В девяностые годы, на мой взгляд, это был лучший еврейский музыкальный коллектив в Беларуси. Он получил звание народного. Из первого состава вспоминаю Петю Гринблата, солистку Майю Ташкер. Многие из «Блуждающих звёзд» уехали на постоянное место жительства в Израиль.

Еврейские организации арендовали помещения в доме, в котором до войны была еврейская школа. Конечно, то, что они в начале своего нового пути обосновались в доме с еврейской историей, скорее, совпадение. Но когда приходили в горисполком и просили помещения, хорошо знали о прошлом дома.

Я привозил в Полоцк фотовыставку «Холокост. Взгляд через 65 лет». Она проводилась в уютном зале Дома народных ремесёл. Еврейская община города проводила встречи с интересными людьми, праздники, выставки, концерты. Правда, с каждым годом людей, которые приходили на эти мероприятия, становилось всё меньше и меньше.

Тогда же, в середине девяностых годов, в Полоцке при еврейской общине было создано общество ветеранов и инвалидов войны. Его возглавил Семён Климентьевич Фейгельман. Ветераны собирались каждую неделю, заботились, чтобы установили памятники на местах расстрелов полоцких евреев в годы Великой Отечественной войны, выступали перед школьниками с рассказами о зверствах фашистов и о борьбе белорусского народа с оккупантами.

Семён Климентьевич был частым гостем в средней школе Боровухи. После переезда в Полоцк некоторое время работал в ней.

Моя первая встреча с ним была, когда Семён Климентьевич с рюкзаком за плечами, который немало весил, возвращался с автобусной остановки домой. Оказалось, он регулярно ездил к роднику и набирал воду (говорил — целебная!).

Так на ходу и состоялся первый разговор. Я уже знал в общих чертах биографию Фейгельмана, но слушал и восхищался стойкости его характера. Семён Климентьевич прошёл все ужасы гетто в небольшом городке Лепель, чудом спасся, помогал партизанам, служил в

армии. И, пройдя сквозь круги ада, остался приветливым, отзывчивым и добрым человеком.

«В 1941 году мне было 14 лет. Немцы вошли в Лепель фактически без боя. Вначале собрали всех евреев, объявили, чтобы на своих домах прибили жёлтые звёзды, пришили на одежду спереди и сзади жёлтые лоскуты, на руках носили повязки с надписью «Jude», ходили только посередине улицы. За любое нарушение — расстрел.

Начали гонять на самые тяжёлые и чёрные работы. Потом приказали всем переселиться в гетто.

Издевались, били нас по любому поводу. Так продолжалось до 28 февраля 1942 года. В тот день, ещё шести утра не было, на улице поднялся шум, крик. Мы поняли: немцы стали собирать евреев, чтобы покончить с нами. Я решил убежать.

Вышёл на дорогу Витебск — Полоцк. Иду на запад. Через Полоцк прошёл, видел повешенных. Очутился в Глубокском, Миорском районах. Не доезжая Прозорок, зашёл в деревню Антополье. Оказался у лесника Грица Никиты Васильевича. У них был сын Вадим. Они поняли, кто я, и спрятали меня.

Мы с партизанами связь держали до 1944 года. Они регулярно давали задания узнавать, где и какие немецкие гарнизоны стоят.

По ходатайству Семёна Фейгельмана его спасителям — Никите Васильевичу Грицу, Евгении Андреевне Гриц и Вадиму Никитовичу Грицу — присвоено звание «Праведник народов мира». Дожил до заслуженной награды только Вадим Гриц.

В 1944 году, когда нас освободила Красная Армия, я пошёл в военкомат и всё рассказал. Меня определили на службу и отправили на Север. Мы прикрывали военноморскую базу Северодвинск.

Окончил военное училище и прослужил в Заполярье до

1964 года. Закончил воинскую службу подполковником, заместителем командира части».

У Семёна Климентьевича двое детей. Сын Владимир служил в российской армии, был офицером. Дочь Люда живёт в Израиле. Внук Миша служил в израильской армии.

Перечитываю последние абзацы и вспоминаю слова русского классика А.С. Пушкина: «Иных уж нет, а те далече...»

Сегодня в Полоцке работают отделение Витебской еврейской благотворительной организации «Хасдей Давид», общественное благотворительное еврейское женское объединение «Кешер» и религиозное объединение «Хевра Тегелим».

Точную цифру еврейского населения города сказать не берусь, и вряд ли кто-то её назовёт. На учёте в Полоцком отделении Витебской еврейской благотворительной организации «Хасдей Давид», где активно работает координатор Галина Батаршина, 120 человек... Значит, по очень приблизительным прикидкам, к евреям имеют отношение порядка 350 человек, живущих в Полоцке. Причём в большинстве это люди пенсионного возраста...

Вид с Красного моста на Полоцк.

Полоцк — один из древнейших городов Беларуси, всегда был многонациональным и многоконфессиональным. И каждый народ, живший здесь, оставил свой заметный след в архитектуре города.

*Полоцк.
Нижне-Покровская улица.*

*Мельница и плотина на реке
Полоте близ монастыря. 1912 г.*

На городском рынке.

То что сохранилось от старого Полоцка, который помнил еврейскую жизнь и язык идиш на улицах города.

Здание бывшего «Гранд Отеля» – исторический комплекс конца XIX века.

Проспект Франциска Скорины, 3.

Здесь находилось Еврейское казенное училище 1-го разряда.

Улица Нижне-Покровская, дом 30. Фото 1998 г.

После возрождения еврейской общины в 1990-е годы здесь находился еврейский общинный дом. Здание бывшей еврейской школы № 6.

Здесь находилась контора паровой мельницы Левиных.

Проспект Франциска Скорины, д. 6 (вид со двора).

Здание бывшей табачно-махорочной фабрики Янкеля Ривлина. В 1920-е годы в здании разместились пожарная служба. Сегодня оно в ведомстве МЧС.

В этом здании находилась еврейская больница Минца. В настоящее время в этом здании находится ЖКХ.

В 1930-е годы — третья семилетняя еврейская школа. В наше время здесь расположена Полоцкая детская художественная школа.

Здесь располагался Бейт-Мидраш, или Дом учения, — место изучения Торы, Талмуда.

*Лица еврейско-
го Полоцка.*

*Семья Лихтер-
ман-Хейфец.
Полоцк, 1925
год.*

*Драбкин Элья,
1898 г.р., бывший
красноармеец.
Лейба Галёркин, 1885
г.р.*

*Нижний ряд:
Залман Шнейдерман,
раввин.
Муж и жена Берта и
Шауль Шадхан.*

Евреи Полоцка считали этот город своей Родиной. Они принимали самое активное участие в общественной и политической жизни города.

Полоцкий уездный Комитет РКП большевиков. Слева направо: начальник командирских курсов Фабрициус, заведующий земельным отделом Студенков, заведующий особым отделом укома Касимов, председатель укома и военревкома Бейлин, уездвоенком Овчинников, председатель горкома партии Фельдман, заведующий агитмассовым отделом укома Градов. 1919 г.

Член партии большевиков с 1905 г. Абрам Григорьевич Бейлин. Москва, конец 70-х гг.

Участники Октябрьской революции 1917 года в Полоцке. Слева направо: Резникова С.Л., Резников А.Б., Волкинд Е.А., Боярская А.А. Фото 1962 года, сделано в связи с 1100-летием Полоцка.

Активная участница Октябрьской революции 1917 г. в Полоцке Боярская Ася Абрамовна.

Революционерка, соратница В. Ленина Волкинд Елизавета Абрамовна.

Председатель горкома партии Фельдман, председатель укома и уездвоенревком Бейлин. Фото 1919 г.

Председатель ревкома III армии Илья Львович Коган. Фото 1917 г.

Группа комсомольцев Полоцкой окружной организации ЛКСМБ. Фото 1925 года. Слева направо: 1-й ряд – Альбин, 3-й – Владимир Бедер-жицкий, 5-й – Фридлянзон. 2-й ряд: 1-й – Шалман Лёва, 3-й – Рывин Лёва, 4-й – Аксельрод Михаил, 5-й – Просмушкин, 7-й – Гринблад Гава, 8-й – Гринблад, 3-й ряд: 1-й – Ефим Перельсон, 2-й – Резникова, 3-й – Рива Фейгина, 4-й – Драбкин, 5-й – Зоня Резников, 6-й – Меркин Соша, 7-й – Фейгин (брат Ривы Фейгиной), 8-й – Захаревич Рива Менделевна, 9-й – Печенкин. 4-й ряд: 1-й – Лев, 4-й – Копытов. Внизу: 2-й – Зарецкий Хаим Бениаминович

Еврейская школа № 6, 4-й класс, 1926 г.
Свидетельство об окончании школы.

Уроженцы Полоцка оставили заметный след в науке, искусстве.

Вверху слева: академик Борис Григорьевич Галёркин – доктор технических наук, доктор математики, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Вверху справа: Исаак Самуилович Алуф, профессор, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой нервных болезней Казанского мединститута.

В одном строю с представителями всех национальностей Советского Союза евреи Полоцка сражались за Родину.

Стр. 232. Внизу слева: командир особого партизанского отряда ГРУ Генерального штаба Давид Ильич Кеймах (по прозвищу «Дима»).

Командир полка, подполковник Юда Гельфанд. Награждён орденами Ленина, двумя — Красного Знамени, Красной Звезды, Кутузова III степени, медалями.

Начальник разведки главного управления бронетанковых войск полковник Лев Моисеевич Шулькин (1905-1952).

Герой Советского Союза капитан Максим Рапейко, командир батальона во время «финской кампании» 1940 года. Погиб в бою.

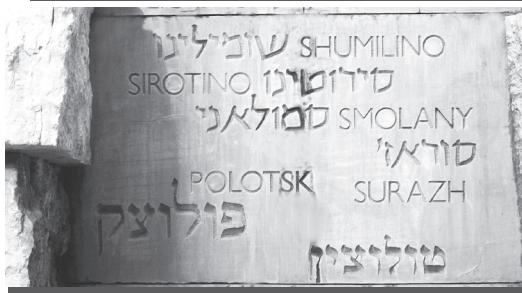
Давид Менделевич Файнгелеринт — кандидат филологических наук, декан филологического факультета Тверского государственного университета. В годы войны комсорг партизанской бригады особого назначения «НЕУЛОВИМЫЕ». На фото с дочерью Ольгой.

Члены еврейской общины пришли почтить память евреев Полоцка, погибших в гетто. Фото 2026 г.

Памятный камень погибшим от рук фашистов евреям Полоцка с надписью на идише. Фото 1999 г.

Полоцк в Долине погибших общин Яд-Вашема, Иерусалим.

В 2009 году недалеко от деревни Юровичи установлен памятник. Надписи на белорусском, английском и иврите: «Жертвам нацизма. Здесь осенью 1941 года были зверски замучены 46 евреев деревни Юровичи».

За спасение евреев в годы войны звание Праведник народов мира удостоена Зоя Михайлова. На сцене — спасённый Мендель Беленький и консул Израиля Авива Валк.

Посол Израиля в Беларуси вручает свидетельство и памятную медаль «Праведник народов мира» семье полочанина Михаила Форинко. От имени семьи медаль получает внук Александр.

Малолетний узник гетто, подполковник Советской Армии, председатель общества инвалидов и ветеранов войны, которое было создано при еврейской общине в 90-е годы, Семён Климентьевич Фейгельман с женой и сыном.

Проходят годы и забываются имена людей, которые учили и лечили нас, строили дома и работали на фабриках и заводах.

Ударники первых пятилеток: (слева) Массарский Соломон Файвович, Раскин Михаил Григорьевич, Рудов Берка Зусьевич.

*Заслуженная
учительница
БССР
Хая Давыдовна
Тайманова.*

Главврач городской больницы, кавалер ордена Ленина Магаршак Вениамин Соломонович.

Вверху слева — Николай Генов, заслуженный тренер Республики Беларусь.

Ветеран труда Сущин Моисей Абрамович.

Столетний рубеж перешагнула Зусмал Мира Израилевна.

Ветеран труда Циля Григорьевна Зайцева. Врач Туник Илья Максович.

Когда-то семьи были большими. Когда собирались на домашние праздники, у хозяйки была главная забота – где всех разместить. Семья Алуф - Лившицы. Середина 60-х годов.

Хирше-Довид Кац (справа), старший научный сотрудник Оксфордского университета, составитель атласа северо-восточного диалекта идиша, в гостях у полоцких евреев. Слева – Филипп Завт.

**Еврейские захоронения
— свидетели большой
истории полоцких ев-
реев.**

*Большое еврейское
кладбище на Задвинье.
На его месте две маце-
вы в окружении строи-
тельных отходов.*

*Самое большое в Полоц-
ке — Красное кладбище.
Здесь нашли свой веч-
ный дом люди разных
национальностей и ре-
лигий.*

*Не меньше трети захоронений
на Красном кладбище — еврей-
ские.*

Фото 2026 года.

Еврейская община Полоцка. Сегодня в ней осталось совсем немного людей, и в основном пожилого возраста.

*Координатор Полоцкого отделения Витебской еврейской благотворительной организации «Хасдей Давид» Галина Батаршина с подопечной.
Фото 2026 г.*

*Шаббат в Полоцкой общине.
Фото 2026 г.*

*Открытие фотовыставки «Холокост. Взгляд через 65 лет» в Полоцке.
Фото 2010 г.*

Презентация журнала «Мишпоха» в Полоцке. Фото 2024 г.

Научно-популярное издание

Шульман Аркадий Львович

500 лет на берегах Двины
Евреи Полоцка

Редактор А.Л. Шульман
Технический редактор З.В. Цыганкова
Компьютерная вёрстка, дизайн С.Б. Никоноров
Дизайн обложки Н.В. Тараскина
Корректоры: И.В. Марченко, З.В. Цыганкова